

Пленённые своими демонами
и первобытным желанием,
будет ли любовь
достаточно сильной,
чтобы освободить их?

Рёiß

Книжный червь Переводы книг
ария кейдж

Чарли Я погрязла в грехах – своих и тех, что перешли ко мне по наследству. Единственный лучик света исходит от него. Он хочет излечить меня, но ему не под силу исправить то, что уже давно потеряно и сломлено. Я недостойна этого и тайно сопротивляюсь. Но, как я могу отвернуться от единственного человека, к которому стремится моё тело и душа - тому, кто заставляет меня позабыть страх, потери и чувство вины? Как мне подавить первобытное желание, что стало наркотиком? Нет Для этого мира она чужая, пленница, скрывающаяся за улыбками и ложью, ставшими приютом для правды. Но я знаю её, вместе мы заперты в клетке с нашими демонами и чувством вины и, тем не менее, моя любовь сильнее всех наших потерь и я хочу помочь ей излечиться, освободить ее. Под этой маской всё ещё скрывается мой испуганный котёнок, одичавший в её душе из-за всего того, что ОН отнял у нас. И чего бы мне это не стоило, я помогу ей зарычать подобно тигру и знаю - она сможет... даже, если ради этого мне придётся отпустить её. Пленённые своими демонами и первобытным желанием, будет ли их любовь достаточно сильной, чтобы освободить их?

Ария Кейдж Рёв

Оригинальное название: Aria Cage « Roar » 2014

Переведенное: Ария Кейдж «Рёв» 2015

Перевод: Юлия Почапская

Редактор и оформитель: Лия Стрельцова (1-2 главы), Юлия Русалим, Дарья Заплатина

Обложка: Анастасия Токарева

Шарлотта

Настоящее

Звуки отделения экстренной медицинской помощи, словно пение птиц, с которыми начинается каждый мой день. Здесь нет места для посторонних вещей, и это - то, что мне нравится; только так я могу выполнять свои обязанности. Согласна, это противоречит основополагающим принципам человеческой жизни, но я давным-давно распрощалась с обычным образом жизни.

Джейми толкнула меня, когда я подсоединяла капельницу, отчего я едва не уронила её. Она бормочет извинения, хотя для таких любезностей, как "пожалуйста", "спасибо" и "извини" времени нет. Пульс пациента замедляется, и он теряет много крови. Непроизвольная паника сковывает мой желудок, но я отгоняю её, пряча глубоко туда, где тени раскрывают для меня свои когти. Этот парень нуждается в команде специалистов, а эта команда нуждается во мне. Отделение неотложной помощи Бивер-Дэма – это хорошо отлаженный механизм. Каждый сотрудник – отдельная деталь, у которой есть своя работа, и все мы делаем её хорошо.

Я стала медсестрой, чтобы помогать людям. Мне не нужно знать их или чтобы они знали меня. Мне не придётся встречаться с ними после того, как они покинут эту комнату. И это именно то, что мне нужно.

Пальцами я отследила капельницу на внутренней стороне его руки, где врачи скорой помощи установили катетер. Я замерла. Я не могу дышать. Не могу пошевелиться. Я просто... не могу.

Это он. Мне не нужно смотреть на его лицо или в его медкарту, чтобы узнать то, о чём кричит мне сердце, и от чего меня выворачивает наизнанку. Этот шрам на его руке в форме буквы «D» говорит мне, кто он.

Я с трудом распознала звук своего имени, обеспокоенно слетевший с уст моих коллег, в то время, как стояла там, запрещая своим глазам подняться выше и посмотреть на лицо человека, которого я погубила. Но они подводят меня, и я вижу в возмужавшем парне мальчишку, которого любила когда-то. Мой лучший друг, мой защитник, моя тайна – он лежит на больничной постели полуобнажённый, с торчащим из его плеча куском стали, скорее всего пробившим его подлопаточную мышцу. Его тело сильно изменилось с тех пор, как мне было пятнадцать. Жизнь полная горя, лжи и боли...и всему виной я. Нейт потерял всё потому, что я – трусиха: распушенная, отвратительная и испорченная трусиха.

Джейми хватает меня за плечи и сильно трясёт:

– Шарлотта, ты в порядке?

Я не могу отвести взгляд от его спокойного, умиротворенного лица и в ответ отрицательно качаю головой. Не знаю, почему сделала это. Обычно я могу скрыть свои эмоции. Этот талант мне очень хорошо привил мой папочка.

– Тогда иди. Я навещу тебя, когда мы прооперируем этого парня, – убеждает она.

Я понимаю, что мешаю им, но мне необходимо остаться. Я не могу прекратить бессмысленно качать головой, поглаживая старый шрам у него на лбу, покрытый засохшей кровью из-за травмы на голове, в то время как мои коллеги суетсяя вокруг. Я чувствую, как их заинтересованные взгляды сверлят меня, но мне всё равно. Нейт прошёл со мной сквозь

огонь, воду, ад и даже хуже; до того момента, пока нас не разлучили и не объяснили, что то, что с нами происходило – было неправильно. Мне внушили, что мои действия причинили боль всем; что внушили ему... наверное, чтобы держался подальше от таких, как я, потому как больше я не получала от него никаких известий.

– Операционная номер два готова. Забираем его отсюда, пока показатели не упали еще ниже, – обращается Пол к бригаде медиков. Впервые за все это время я отвожу взгляд от Нейта, чтобы обнаружить, что мой парень не сводит глаз с меня, давая распоряжения своей неполной команде по поводу дальнейших действий и увозя Нейта из палаты.

Вот чёрт.

Чарли

6 лет

Нейт смешит меня. Мне с ним всегда весело. Я его люблю. Не так, как я люблю Дейви который мне как брат. С Дейви что-то не так, никто не говорит об этом, но я это вижу. Он – брат Нейта, и они живут со своей бабушкой Ноной. Ей нравится, когда её называют Нона, и мне она тоже как бабушка.

Нона шьет мне хорошенькие платица, потому что у меня больше нет мамочки, а папочка не знает, какую одежду мне покупать. Обычно он очень грустный, пока я не рассмешу его. Он всегда говорит, что я заставляю его улыбаться и делаю его счастливым, а это делает счастливой меня.

Нейт висит вниз головой на большой ветке прямо надо мной. Ему восемь, он всего лишь на два года старше меня и у него больше мускулов, но я тоже хочу попробовать. Я тянусь к соседней ветке и в этот момент слышу, как с другой стороны большого двора меня зовёт папочка.

– Мне пора, Нейт, – говорю я ему, торопливо слезая с дерева.

– Чарли, подожди. Я пойду с тобой, – я смотрю, как Нейт подтягивается, взбирается на мою ветку и берет меня за руку, – готова прыгнуть?

Я смотрю на землю – выглядит очень высоко. До боли кусаю губу. Он сжимает мою руку и, наклонившись, шепчет на ухо:

– Все в порядке. Мы можем не прыгать. Давай спустимся другим путём, пока твой папа не начал волноваться.

Я улыбаюсь и, обхватив своими ручонками его шею, крепко обнимаю. Он не может обнять меня в ответ, так как беспокоится о том, чтобы мы не упали, и я знаю, что он не позволит, чтобы со мной что-нибудь случилось, он пообещал всегда заботиться обо мне и о Дейви. Мы спустились с дерева и побежали к дому, минуя старую собачью будку, в которой не хватает собаки, я тащу Нейта к гаражу, потому что знаю, что папочка будет ждать меня там.

Я толкаю старую дверь. На самом деле она всегда открыта, потому что дверная ручка находится слишком высоко для меня. Я вбегаю в гараж, держа Нейта за руку. Папочка всегда становится счастливее, когда крепко обнимает меня. Но в этот раз у него странное выражение лица, он смотрит на мою руку в смуглой руке Нейта. Наши руки выглядят смешно, немного грязные, но мне все равно.

– Ну, что это тут у нас? – улыбаясь, спрашивает папочка. Видите, он гораздо счастливей, когда я рядом с ним.

Видя его улыбку, я облегченно вздыхаю:

– Папочка, ты же знаешь, кто такой Нейт, глупенький.

Нейт сжимает мою руку, и я улыбаюсь еще шире, прежде чем отпустить его, побежать к папе и запрыгнуть к нему на руки. Он долго держит меня в объятьях, но вместо того, чтобы усадить в своё кресло возле старого радио, он опускает меня на землю и смотрит на Нейта.

– Напомни-ка мне, сколько тебе лет, Нейт? – спрашивает у него папочка, я оборачиваюсь посмотреть на своего лучшего друга и пытаюсь понять, почему он не радуется.

– Восемь, сэр, – говорит Нейт, выпячивая грудь вперед, из-за чего я начинаю хихикать.

– Вы двое проводите много времени вместе. Ты за неё заступаешься?

– О, да, – говорю я, подпрыгивая на месте, – Нейт всегда присматривает за мной. На прошлой неделе глупая Синди толкнула меня, и Нейт проучил её. Хотя он и не ударил её, папочка. Он сказал, что ты бы никогда не ударил девочку.

– Понятно. – Кивает он головой. Я так горжусь Нейтом и хочу, чтобы папочка тоже его полюбил. Нейту нужен папа.

– Почему бы вам не порадовать меня и не присесть на диванчик вместе с Шарлоттой? А я принесу вам содовой.

Нейт стоит, не двигаясь, поэтому я беру его за руку и веду к огромному креслу, которое пахнет папочкой, мазутом и немного сыростью. Я сажусь в уголок так, чтобы осталось место для Нейта, папочка, увидев это, щелкает языком.

– Шарлотта, тебе бы следовало знать. Как мы сидим в папочкином кресле?

Ох, какая же я глупая. Я оттолкнулась и, соскользнув на пол, посмотрела на Нейта:

– Ты должен сесть первым. Я сяду к тебе на коленки.

Нейт смотрит на папочку, потом на кресло и на меня. Он выглядит растерянным и мне это не нравится. Я хочу, чтобы он был счастлив, так что я обнимаю его и говорю шепотом, чтобы не расстроить папочку:

– Не бойся. Все в порядке.

Нейт

Настоящее

Болит всё кроме того, что должно болеть. Я потерял сознание сразу после того, как увидел, что Конор, придерживая моё плечо, звонит в 911. Кто-то другой держал мою голову. Я не хотел смотреть, но должен был знать, какие у меня повреждения. В этом отношении я не привык себя жалеть. Когда арматурные стержни, скатившись со строительных лесов, начали отскакивать от твердой поверхности, один из них отскочил прямо рядом со мной, пригвоздив меня к земле. Я сразу понял, что им придётся распилить его, чтобы освободить меня. Последнее мои мысли были о той, о ком я думаю всегда, перед тем как уснуть – *Чарли*.

Примерно лет с шести или семи, она была последним, о чём я думал, прежде чем погрузиться во тьму, а затем, в один прекрасный день все изменилось – она стала единственным, о чем я вообще мог думать. Годы спустя мне пришлось отучать себя от этого, потому как это проклятие чуть не убило меня. Но по ночам я отбрасываю в сторону своё решение и позволяю её образу заполнить меня, так что нет ничего удивительного в том, куда отправились мои мысли, когда я выскользнул из мира хаоса, искр шлифовальной машины и боли.

Тем не менее, сейчас я чувствую боль. Во рту и в горле всё горит, голова раскалывается, но плечо не болит. Все, что я ощущаю – это тугая повязка, и, пытаясь открыть глаза, я боюсь того, что могу увидеть. Веки слишком тяжелые, мне очень тяжело разомкнуть их. В этот момент я чувствую на себе чьи-то руки, и сквозь меня проходит разряд. Кто-то резко втягивает в себя воздух, и я вздрагиваю.

– Извини. Я не хотела напугать тебя. Просто не хочу, чтобы ты поранился.

Это не может быть она.

Мои глаза открыты, но я чувствую заторможенность, несмотря на то, что в груди бешено колотится сердце:

– Чарли?

– Да.

Я отталкиваюсь от кровати– мне нужно сесть. Мне необходимо бороться с действием лекарств в моем организме, которые тянут меня назад. Я должен почувствовать ее, прежде чем видение растает. Она больше не приходит ко мне во снах, когда я разговариваю во сне – это опасно как для меня, так и для неё. Чувствуя любую слабость, другие заключенные подобны стервятникам, а она всегда была моей слабостью... подождите, я больше не заключенный. Мой срок кончился. Теперь я свободный, состоявшийся человек. В голове всё безнадежно перемешалось, и я не могу доверять сам себе. Но в тоже время, как я могу отрицать то, что вижу перед глазами?

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я, пытаюсь справиться с напряжением, растущим в моём черепе.

– Я здесь работаю.

– Нет. Ты работаешь в Чикаго.

Зачем ей сюда возвращаться?

Она усмехнулась, сдвинув брови. Тот же хмурый взгляд, что и одиннадцать лет назад.

– Откуда ты знаешь?

Я тряхнул головой, не желая признаваться в том, что как только вышел из тюрьмы, сразу разыскал её. Я не хотел говорить ей, что в течение многих лет я следил за тем, чтобы с ней всё было хорошо, до тех пор, пока наблюдать стало просто невыносимо, так что я солгал:

– Мне сказала Нона.

– Оу... – протянула она. – Да, я работала в Чикаго, но месяц назад переехала сюда с... чтобы начать всё с нуля.

Я кивнул. Я знал всё о её начинаниях так же, как и о своих.

Интересно, подразумевает ли это её начинание того же парня, с которым я видел её, когда они заезжали в новую квартиру. Меня чуть не убило наблюдать Чарли рядом с ним...и как оказалось, это был последний раз, когда я видел её.

Она была счастлива без меня, поэтому я должен был отказаться от неё. Она заслуживала кого-то наподобие него, а не мрачную тень вроде меня. Мне необходимо было быть лучшим, чтобы иметь возможность доказать ей, что я достоин. Но в тот день, когда Док-красавчик похлопал её по попке, а она, просияв в ответ, хихикнула и достала коробку из автомобиля, я понял, что никогда не буду для неё достаточно хорош. Я никогда не смогу заставить её улыбаться так же невинно после всего того, что произошло. Я уехал и попытался двигаться дальше. Уехал до того, как совершил что-то по-настоящему глупое и безрассудное.

Между нами повисло неловкое молчание, я столько всего хотел сказать ей, но знал, что не скажу. Не могу. Так много того, что мне хочется сделать, но это уже совсем другое.

– Операция прошла отлично. Тебе очень повезло, что ты отделался легкими повреждениями. В ближайшее время к тебе придёт доктор убедиться, что с тобой всё в порядке, и ты готов для перевода из послеоперационной палаты.

– Спасибо, – хрипло сказал я. Это прозвучало странно, и я прочистил горло.

Она потянулась к чашке и поднесла её к моим губам:

– За что?

Я наклоняюсь вперед и сжимаю чашку и её руки в своих. Я не должен был этого делать, но мне необходимо было почувствовать её кожу ещё хотя бы раз. Прошло так много времени с тех пор, как я касался её. Почувствовав её сладкий аромат через запах антисептика, я закрываю глаза. Я конченный ублюдок.

Прежде чем продолжить разговор, я сделал маленький глоток и лег на спину, игнорируя сверлящую боль за глазами, впивающуюся в мой мозг:

– За то, что ты здесь.

– Ты бы поступил так же.

Я бы что угодно сделал ради тебя. Уже делаю. Ничего из этого я не произношу вслух, так как она и так знает об этом, поэтому я лишь киваю головой.

Она нервничает, время от времени бросая взгляд на дверь. Черт, ненавижу это. Она не может дождаться момента, чтобы убраться отсюда.

– Есть кто-то, кого мне стоит поставить в известность? Или об этом уже побеспокоились?

– Черт. Нона. – Я отталкиваюсь от кровати, и меня пронзает жгучая боль, вызывая тошноту. Опустив руки мне на грудь, она прижимает меня к кровати, из-за чего моя голова идёт кругом, или всё дело в боли...

– Тебе нельзя этого делать. Тебе нужен покой, Нейт. Я позвоню Ноне.

– Скорее всего Коннор уже сообщил ей, но она уже в возрасте и наверняка волнуется. Захочет прийти, а Дэйви не вынесет, если увидит меня в таком состоянии.

– Знаю. Я позвоню ей и скажу, что с тобой всё в порядке. Если же она захочет прийти, чтобы убедиться в этом лично, я могу побыть с Дэйви, если это поможет.

Я успокаиваюсь, ее руки по-прежнему остаются на том же месте, и я заглядываю в её мягкие карие глаза, которые несут тяжесть её сломленной души.

– Ты бы сделала это?

– Да. По крайней мере, я обязана тебе и Ноне этим, – шепчет она.

– Нона не переехала, Чарли. Она все так же живет по соседству.

Я вижу, как она вздрагивает, и это откликается болью у меня груди.

– Всё нормально. Это всего лишь дом.

Это больше, чем просто дом, и мы оба об этом знаем. Это напоминание о том, что убило во мне все хорошее, а в ней все невинное.

Медсестра с картой в руках, войдя в палату, пытается скрыть интерес к тому, что происходит между нами. Я не осуждаю её.

– Рада видеть, что вы очнулись, – сказала она в то время, как Чарли отпрянула от меня, пытаясь увеличить расстояние между нами. В панике я чуть было не потянулся за ней, так как не хотел, чтобы она уходила. Но она покачала головой.

– Я пойду позвоню Ноне, – она отворачивается, и я слышу, как мой кардиомонитор достигает максимума, в отличие от глухого стука у меня в груди.

– *Чарли?* – ненавижу то, как в отчаянии хрипло звучит мой голос. Но что есть, то есть – я мужчина, отчаянно желающий девушку... женщину, которую не могу забыть. – Ты вернешься?

Закусив губу и сжав края своего халата, она поглядывает на медсестру, которая старательно игнорирует весь наш разговор. Я сволочь и трусливый подонок, потому что принуждаю её к этому. Одно дело попросить её успокоить пожилую женщину и совсем другое – просить её вернуться в кошмар, коим являюсь я.

– Да.

Затем, вот так просто, она отстранилась и выбежала из палаты, оставляя меня с чувством ненависти к себе, которое стало ещё немного больше.

– Твоя подруга? – спросила меня медсестра. Не глядя на бейдж с её именем, я просто

закрываю глаза и думаю о руках Чарли и о её аромате, поскольку ничто другое так не разрывает моё проклятое чертово сердце.

– Да. Подруга детства.

– Понятно. Я лично с ней не знакома, но тебе повезло, что она здесь работает.

Я вообще не знаю, что такое везение. Оно никогда не играло в наших жизнях никакой роли. Я полюбил Чарли в тот момент, когда увидел её, выходящую из фургона по перевозу багажей вместе со своим отцом. И буду любить всегда, несмотря на то, что не должен, несмотря на то, что она заслужила свободу.

Нейт

9 лет

Мы в моей палатке, которую мне вчера подарили на день рождения. Дэйви все еще нет, он проводит с Ноной каждый третий четверг месяца. Обычно они возвращаются домой с ужином. По словам Ноны, это наш «жирный» четверг: когда на ужин у нас «еда на вынос», которая обычно состоит из жареной курицы и картошки фри из «TheBell». К сожалению, также это означает, что это день, когда Шериф Барнс зовет нас к себе в гараж. Не знаю, специально ли он выбрал именно этот день, когда Ноны не было дома, чтобы та не могла заподозрить, чем её сосед занимается с детьми, но это сработало.

В этот четверг, как и каждый месяц в течение прошлого года, я держу Чарли за руку и даю ей возможность вести меня к кошмару, которым и является наша жизнь. Я не могу сказать ей, что она становится слишком расстроенной... я просто не могу быть тем, кого она станет ненавидеть за разрушение её решимости. Она любит своего отца, а он запудрил её незрелый мозг так, что она не может мыслить здраво и понять, что он озабоченный. Что сделано, того уже не изменить до тех пор, пока она не станет достаточно взрослой, чтобы увидеть истину. Мне хочется рассказать Ноне или кому-либо еще, но я боюсь за неё и Дэйва, поэтому сижу тихо. Также я боюсь за Чарли. Она уже больше не та девочка и это полностью его вина. Если его по какой-то причине не посадят – она застрянет с ним, и, вероятнее всего, он увезет её туда, где никто не сможет быть с ней рядом. Так что это мой кошмар – не то, что мы делаем, а то, что у нас нет никакого выхода.

Я хочу сказать, что мне не нравится держать её и все такое. Я хочу сказать, что это плохо... но дьявол во мне знает, что мне становится хорошо, когда я тяну её к себе на колени в кресле её отца. Теперь у него есть другое кресло, в котором он сидит в то время, когда уговаривает нас. Я чертовски ненавижу этот гараж.

– Поцелуй её, Натан.

Шарлотта

Настоящее

Телефон прозвонил один раз, прежде чем я услышала надломленный голос Ноны в телефонной трубке. Я сижу на стуле в кафетерии и потираю грудь. Я любила эту женщину, как свою родную бабушку. Она присматривала за мной и защищала, когда никто другой не мог это сделать. Она одевала, кормила и любила меня так, как должны любить маленькую девочку, но мне пришлось оставить её, когда я заставила её забрать всё это обратно.

– Нона.

– О, Боже мой, Чарли?

Каким же, черт побери, образом они узнают мой голос спустя одиннадцать лет?

– Да.

– Детка, куда же ты пропала?

– Пытаюсь жить одним днем, но, Нона, я совсем не поэтому звоню. Я только что была у Нейта и хочу, чтобы ты знала, что его операция прошла успешно. Сейчас он отдыхает в послеоперационной палате. Скоро мы узнаем, когда он сможет вернуться домой.

– Как? Я имею в виду, они тебе позвонили?

– Нет. Я работаю в больнице. Его доставили в мою палату неотложной помощи.

И в мою жизнь, снова.

– Ты в порядке?

Я на секунду задумалась об этом и покачала головой. Я была далеко не в порядке.

– Нет. Но буду. Другая причина моего звонка – ты можешь на меня положиться, и, если захочешь, я могу приехать и посидеть с Дейвом, так что ты сможешь навестить Нейта.

– О...

Я слышу, как она плачет, и мое сердце болит от её слез. Она не заслуживает этого.

– Нона, он будет в порядке. Я обещаю. Нейт сильный, ты же знаешь.

– Я плачу не из-за этого, девочка. Я знаю – Нейт выкарабкается, он самый большой борец, которого я знаю. Я плачу из-за тебя. Твоё сердце натерпелось столько боли из-за меня и моих мальчиков – наших мальчиков.

Из-за выражения «наши мальчики» у меня вырывается всхлип, который почти причиняет боль. Я сильнее тру грудь, хотя знаю, что это мне не поможет.

– Нона, они больше не мои мальчики. Они не мои с тех пор как...

– Тс! Они всегда будут нашими мальчиками. Всегда. Теперь, если ты не возражаешь, я была бы очень рада, если бы ты заехала, чтобы я смогла навестить Нейта. Я оставлю для тебя обед, я приготовила любимую еду Дэйва.

– По-прежнему жареное мясо?

Она хихикает:

– Всегда. Скоро увидимся. И, Чарли ...

– Да?

– Мы скучаем по тебе.

– Я тоже по тебе скучаю.

Я скучаю по всем вам. Я нажимаю отбой и роняю трубку на стол в ту же секунду, как начинают падать и мои слёзы. Я очень сильно ранила эту семью. Я забрала у них всё, а затем продолжила жить своей жизнью, стараясь забыть их и простить себя. Я ни в чем не достигла успеха.

Нейт бросил из-за меня всё, во имя любви и защиты, так что я сделала то же самое. Я предала их, потому что они нуждались в исцелении. Я предала их, потому что им было лучше без меня. Я предала единственную любовь, которая была в моей жизни, потому что любила их больше, чем что-либо другое во всем мире. Нейт все упростил, когда безмолвно отреагировал на мои мольбы, и я каждый день благодарю Бога за то, что Нейт был сильнее меня.

Дверь в столовую распахнулась, и я едва не опрокинула стул от шока. Это Пол. Он не в восторге и это справедливо. Я ненавижу сердить его и готова сделать что угодно, чтобы уберечь его от этого. Он был так добр ко мне. Легко смотреть сквозь пальцы на его недостатки, когда мои столь велики. Пол мягкий и заботливый, он успешный и спокойный, и... безопасный в том смысле, который понятен для меня. Он оберегает меня от прошлого в новом мире, я знаю, чего от него ожидать плохого и хорошего.

Я встретила Пола во время моей интернатуры в Северо-Западном университете. Он знает, что у меня были тяжелые времена, но не вникал в это. Безопасность и его друг тоже. Он нуждается в этом по причинам, которые отличаются от моих. Пол Паркер происходит из другого социального класса, который я никогда не смогу понять и где мне никогда не будут рады. Не поймите меня неправильно, они стараются принять меня, но я, тем не менее,

всегда ощущаю, что они хотят узнать мои секреты. Я удивлюсь, если они смогут понять, какая я обманщица. Пол, однако, видит то, что он хочет видеть. Он остается в безопасной зоне до тех пор, пока я его не опозорю. Я заплатила за то, что не соблюдала свою часть сделки намного больше раз, чем мне хочется признать.

– Что там произошло, Шарлотта?

Пол бросается на меня. У него небольшое пятно крови на штанах его медицинской формы, такое часто бывает в неотложке, но меня удивляет то, что он не переоделся. Он всегда переодевается, если *что-то* попало на его одежду. Он останавливается передо мной и ждет моего ответа, а я тупо гляжу на него, пытаюсь придумать, что ему сказать кроме правды.

– Он мой родственник. Я была в шоке.

Он смягчился от моих слов и присел. Это тот Пол, который нужен мне.

– Шарлотта, любимая, я думал, что тебя воспитывали в приемной семье.

– Так и есть. Натан – родственник в этом смысле.

– О, любимая. Мне жаль. Но ты должна была выйти из палаты. Ты знаешь правила. Я был смущен, вероятно, так же, как и ты.

Я не была смущена, но мы такие разные, он никогда не поймет того, что я чувствовала. Я держу скрытыми глубоко внутри себя много вещей, которые он никогда бы не понял. Просто он не так устроен и это нормально. Я принимаю его недостатки, а он принимает мои. Надеюсь, мы сможем преодолеть большинство из них.

Я никогда не возражала против одиночества, я заслужила его, и мне не приходилось волноваться о том, что я разочаровываю кого-то. Но, когда Пол появился в моей жизни, он заставил меня увидеть, что все мы не идеальны, и лучший способ исправить это – притвориться идеальным.

Звучит ужасно, но это работает. Иногда настолько хорошо, что я обманываю себя, думая, будто мы нормальная пара. Но это не так. Я не люблю телесный контакт, а он не слишком форсирует события. Я не люблю делиться проблемами, а он не хочет их знать. У меня есть секреты, и он предпочитает, чтобы они оставались таковыми. Я хочу угодить ему на столько, насколько могу, и ему этого достаточно.

Облажалась? Да, но это мой мир, и так будет лучше.

По крайней мере, я так думала до тех пор, пока не вернулся *он*.

Чарли

12 лет

Я дрожу. Я ненавижу этот день, я ненавижу его. Нейт хочет рассказать кому-то... говорит, что нам двоим они поверят. Я на 99.9 % уверена – они нам поверят, но существует большой риск в 0.1%.

Глубоко внутри я сомневаюсь, но вероятность потерять Нону или Дейва заставляет меня держать это в секрете. Возможно, потому что я не хочу, чтобы люди знали об этом. Возможно, потому что я не хочу, чтобы позор был возложен на Нейта. Возможно, я отвратительна и не хочу прекращать это. *Возможно*, мне начинает это нравиться, может в другом смысле, но нравится, когда он прикасается ко мне.

Боже, это так отвратительно! Мне двенадцать лет, а ему всего четырнадцать. Я не должна думать о подобных вещах. Я должна только начинать думать о мальчиках и хихикать, когда они поворачиваются в мою сторону, а не думать о том, как ощущаются его пальцы на

моей талии и груди.

Папа заставил меня перейти на таблетки, из-за чего моя грудь стала больше, и я ее ненавижу. Я не знаю где он взял таблетки, ведь я никогда не была у врача. В прошлом году я была очень больна и не могла встать с постели. Я ни разу не видела врача, хотя и чувствовала, что находилась на пороге смерти практически целых три недели – однако, это были лучшие три недели за все время. Папа оставил нас в покое, наедине. Первый раз в моей жизни, третий четверг месяца прошел без похода в гараж. Нейт сидел со мной каждый день и приносил мне суп от Ноны. Он и Дейв играли со мной в карты, несмотря на то, что я боялась заразить их.

Когда я была не слишком утомлена, я читала им книжки, и мы притворялись, будто жизни за пределами этой комнаты не существует. Больше всего нам нравился *Питер Пэн*. Он наш любимец по многим причинам, но основная, я думаю в том, что я была птичкой Вэнди для Нейта, а он моим Питером. Он хотел украсть меня, чтобы увести из этого мира и привести в другой – где время остановилось – в его Неверлэнд.

Что пугало нас больше всего в тот четверг, когда отец уехал, не позвав нас, так это звенящая тишина между нами. Нейт сидел рядом со мной на моей кровати в тишине до тех пор, пока я не взяла его руку в свою и не поцеловала её. Он вздохнул и посмотрел на мои губы, со слегка приоткрытым ртом. Не знаю почему, но я скользнула к нему на колени. Моё сердце неистово колотилось, наполняя вены кровью, заставляя меня дрожать. Я взяла обе его руки в свои и поцеловала, прежде чем опустить их на мою грудь, где под лифчиком и блузкой покалывало мои соски. Я чувствовала его теплое дыхание у своей шеи, когда он начал тяжело дышать и стал тверже подо мной.

Папа оставил нас в покое, но мы не отказались от этой привычки, правда, теперь все было гораздо страшнее. Я хотела его больше, чем когда-либо. Я хотела делать с ним большее без отцовского надзора. Я настолько его хотела, что ненавидела себя за это.

Тот четверг изменил всё между мной и Нейтом навсегда.

Теперь я считаю, что три недели пролетают слишком быстро. И Нейт и я стали слишком тихими примерно с понедельника. Дети в школе это заметили, но перестали об этом спрашивать. На самом деле они перестали спрашивать о многих вещах. Мне больше не задают вопросы, а это не так уж и плохо во всех смыслах. По многим причинам я всегда буду принадлежать Нейту, а он – мне. Девчонки по-прежнему вьются вокруг него, но он не обращает на них внимания, и я чувствую свою вину за то, что мне это слишком нравится. Я должна хотеть, чтобы он нравился девочкам, а они – ему. Я *должна* оставить его в покое, прежде чем наступит другой четверг, прежде чем я заберу еще одну частичку своего лучшего друга.

Я много раз говорила Нейту, чтобы он не следовал за мной, что это мой демон, мой кошмар. Давным-давно, прежде чем я смогла понять, что это означает, я приняла решение не расстраивать папу до тех пор, пока от того, что я могла бы ему отдать, не останется ничего. Он мой отец. Я ненавижу его... я люблю его. Когда Нейт держит меня под нашим деревом, пока я дрожу, прежде чем мы услышим зов, я хочу, чтобы он остался тут, у дерева. Но глубоко внутри, где темно и грязно, я хочу, чтобы он пошел со мной.

Я хочу, чтобы это была его кожа, прикасающаяся ко мне, а не папочкина. Я хочу, чтобы Нейт был моим первым. Я боюсь того дня, когда папочка попросит нас об этом, мне так страшно, как вам и не снилось. Я смотрю на Нейта, его лицо немного бледнее, таким оно всегда и становится, и я глажу его нежную кожу.

– Я хочу, чтобы ты остался здесь, – говорю я. Я всегда говорю это.

Он качает головой:

– Я не оставлю тебя. В один прекрасный день ты перестанешь просить меня об этом, просто знай, что я тебя не оставлю.

Я уже знаю это, я знаю его даже больше, чем знаю саму себя.

– Есть вещи, которые нужно изменить.

– Не это. Многого нужно изменить, но не это. Что необходимо изменить, так это то, что мы должны убежать от всего этого. Убежать так далеко, как сможем. Я копил деньги, которые выделялись на покос газонов и покраску дома, всё, что ты должна сделать – сказать да.

Мы каждый раз обсуждали этот вопрос.

– Ты не можешь оставить Нону и Дейви. Они нуждаются в тебе.

– Я нуждаюсь в тебе больше, и я нуждаюсь в том, чтобы ты была свободна. Я хочу освободить тебя от всего этого, чтобы ты могла расти и быть сильной.

При этом я хихикаю, потому что знаю – то, чего он хочет никогда не произойдет. Я папочкина дочка и он никогда меня не отпустит. Я – заключенное в клетке грязное животное, не экзотическое или подобное ему, возможно даже не брошенная собака. Я всего лишь оборванка, и единственный, кто сможет любить меня такой – мой папа. Нейт говорит, что любит меня, но ему четырнадцать, и он никогда не осмеливался уйти от меня. Я жду этого дня. Он не захочет уйти от меня, но это всё – его чувство вины. Надеюсь, его сердце сможет выиграть эту битву, потому что он заслуживает лучшего, чем моя жизнь и мои грязные потребности.

– *Шарлотта.*

Небольшой визг вырывается из меня от голоса отца, прорезавшего воздух. Он не будет звать Нейта, потому что, как и я, знает, что Нейт последует за мной куда угодно.

Чарли

Настоящее

Мои кости болят, как сумасшедшие, словно они готовы взорваться, в то время как я сижу в машине, глядя на дом. Не на дом Ноны, а на свой. Да, он мой. Он всегда был моим, отец никогда не владел ним. Моя мама завещала мне его после смерти, и папа заботился о нем. Когда мне исполнился двадцать один год, я подписала документы и больше не оглядывалась назад. Я не хочу этот дом.

Никогда не захочу.

Так почему же я не продала его?

Я смотрю в темноту, что когда-то была моим счастливым домом. На самом деле это обман. Я была счастлива лишь потому, что не знала ничего лучше. Я пытаюсь увидеть последние остатки гаража, но единственным признаком того, что там был гараж, служила лишь треснутая бетонная плита, которая олицетворяет мою утраченную юность.

Мне позвонили несколько лет назад сообщить, что пожарная бригада спасла дом, но не гараж. Они сказали, что искренне сожалеют. Мне было всё равно. Хотела бы я сама зажечь спичку. Но это никогда бы не выжгло боль и грязь, которые всегда будут частью моей души.

Справа включился свет, и я увидела Нону на крыльце. Делаю глубокий вдох, выхожу из машины и иду по узкой бетонной дорожке, обрамленной золотистыми цветами, и останавливаюсь возле ступенек. Я сидела на этих ступеньках больше раз, чем могу

сосчитать. Я плакала и смеялась, играла в камушки, училась обманывать в камень-ножницы-бумага.

– Давай, девочка. Тащи сюда свою задницу, чтобы я могла подарить тебе настоящие объятия Ноны.

Её голос постарел и по мере того, как я поднималась по лестнице и смотрела на неё под желтым освещением крыльца, я могла заметить, насколько сильно постарела и она сама. Не знаю, то ли из-за того, что я так близко к дому, то ли из-за ностальгии по нему и Ноне, но я начинаю теряться. Возможно, это из-за того, что Нейт травмировался, или из-за мысли о том, что Нона в том возрасте, когда ей осталось не так долго жить. И мои плечи начинают трястись. Сначала трясутся только плечи, затем грудь, а затем дрожь охватывает меня всю, в то время как она налетает на меня своим крохотным телом и успокаивает, будто я снова маленький ребенок.

Тот дом по соседству, в котором я провела свою жизнь на самом деле не мой дом. Моим домом было все это. Эти руки и их любовь - вот мой дом.

Нона проводит меня в кухню. Я вытираю салфеткой свое лицо, а Дейв ставит на стол холодный чай и тарелку мяса с овощами.

– *Чарли*, – окликнул меня Дейви, настолько широко улыбаясь, что я не могу не улыбнуться в ответ. Я так скучала по нему все эти годы.

– Дейви.

Я крепко его обнимаю, а он поднимает меня и кружит, как делал всегда. У Дейва синдром Дауна. Я не знаю, насколько это мешает ему жить повседневной жизнью, но, думаю, этого достаточно, так как Нона по-прежнему наблюдает за ним. Было не так много дней, когда я не думала о нем или об этой семье, ведь они были также и моей семьей. Я много раз защищала Дейва в моменты изгнания, пока в один прекрасный день он не взял меня за руку и не сказал, что если его не волнует, что говорят о нем, то и меня это не должно беспокоить. Наверное, это были самые мудрые слова, которые мне когда-либо говорили.

– Где ты пропадала все это время, Чарли?

Он поставил меня обратно на землю, но продолжал держать своими одеревенелыми руками. Я предала его во многих отношениях. Я предала их всех, и эта вина будет терзать меня до конца моих дней.

Глухой стук раздался позади меня:

– Оставь её, Дэвид.

Трое из нас ахнуло, и мы обернулись на голос, который не ожидали услышать.

– Какого черта, Нейт? Ты должен быть в больнице. Как ты выбрался?

Он одет в больничный костюм, а не в халат, что удивляет меня – мы обычно не даем их. Я подбегаю к нему и помогаю сесть на свободное место за столом, с которого вскочила перепуганная Нона, ругаясь на чём свет стоит.

– Я не знаю, куда спрятали мои личные вещи, – сказал Нейт, кряхтя, так как он пытался сидеть осторожно. – Не могла бы ты оплатить такси? Я попросил его подождать.

– Конечно, – сказала я, прежде чем Нона похлопывает меня по спине и говорит, что она позаботится об этом.

– Знаешь, что? – говорю я. Честно говоря, он разозлил меня. Ему следует лучше заботиться о себе. – Я думаю, нам нужно уложить тебя в кровать или хотя бы на диван, если ты не хочешь возвращаться в больницу.

– Господи, женщина, ты не могла мне это сказать, прежде чем усадить за стол, из-за

чего, кстати, я проголодался.

– Ну, если бы ты остался в больнице, где ты и должен быть, тебя, возможно, сейчас бы кормили. Ты бы отдыхал, как тебе и полагается, под наблюдением врача со всем медицинским оборудованием, которое может тебе понадобиться.

Дэйв подпрыгивает, он в панике, и мы оба видим это. Нейт снова цепляется рукой за моё плечо.

– Эй, Дэйви, – тихо говорю я, – не хочешь дать мне руку? Твой брат упитаннее чем он думает.

Дэйв сильно смеется и явно начинает успокаиваться, так как обходит вокруг старого стола и подставляет своё твердое плечо под другую руку Нейта. Он свободно смеется все это время, и я чувствую себя намного легче.

– Нейт жирный, – разразился смехом Дейв, и посмеивался всю дорогу к дивану.

Я не могу не хихикать вместе с ним, когда Нейт закатывает глаза, пытаюсь удержаться и не поддаться юмору брата. Я предполагаю, что его плечо очень сильно болит, голова тоже. Ему, вероятно, нужна еще одна доза морфина, возможно, даже антибиотики. Часть меня хочет сказать: поделом тебе. Однако другая часть меня хочет задушить его своей любовью и заботой. Я думаю, что выберу нечто среднее, то, к чему я привыкла, и смогу обойтись без разрушения тщательно возведенных стен.

– Ты хотя бы получил свои лекарства, прежде чем убежать? – спросила я, видя, как он сжимает зубы от боли из-за того, что снова сидит. Он ответил не сразу, так как я медленно поднимаю его ноги на диван. Как я помню, это тот же диван. Много теплых воспоминаний хранит этот бежевый, бархатный предмет мебели.

– Дейви, ты можешь дать тупице одеяло и его подушку?

Дейв вздыхает и усмехается:

– Ты сквернословил. Нона вымоет тебе рот с мылом.

Он хлопает в ладоши и выбегает из комнаты. Я слышу его шаги на лестнице и знаю, что могу с уверенностью сказать то, что нужно сказать.

– Натан Шоу, ты тупой сукин сын! У тебя могли быть серьезные повреждения.

Я поднимаю его рубашку и осматриваю повязку. Немного проступила кровь, но это нормально.

– Тебе очень повезло, что у тебя не разошелся шов. Что, если бы ты истек кровью в такси? Что, если бы у тебя разошлись внутренние швы? Что, если бы это произошло с тобой здесь, и ты бы умер на крыльце у Ноны? У тебя была травма головы. Что, если у тебя образовался тромб или что-то еще?

– Но, ничего же не случилось, – говорит он, защищаясь, будто я шучу.

– Могло случиться. – Я немного прикрикнула. Не хотела, но отсутствие у него инстинкта самосохранения пугает меня до смерти. Я имею представление об этих вещах и не хочу, чтобы подобное произошло с ним.

Нейт берет мои руки в свои и подносит их к своему рту. Я инстинктивно пытаюсь убрать их, но он крепко держит их и целует. Я смотрю на его рот, как смягчаются его губы, соприкасаясь с моей кожей. Нежное прикосновение бросает меня в дрожь, и я закрываю свои глаза, вспомнив тот четверг, позволяя небольшому покалыванию распространяться через мои руки, прежде чем я открываю глаза и заглядываю в его карие омуты. Его тело сильно изменилось. Он стал сильным мужчиной, но глаза остались прежними, они постоянно хранят в себе мои секреты и часть моей души.

– Я жив, и я здесь.

Я кивнула, и вместо того, чтобы убрать руки прочь, глажу одной его небритую щеку, в то время как он крепко держит другую.

– Нейт?

Он снова целует мою руку, и я вздыхаю.

– Я скучал по тебе, Чарли.

Слеза скатывается по моей щеке, падая на его голубую рубашку:

– Я скучала по тебе.

Входная дверь открывается, и Нона, бормоча, прерывает растущее напряжение между мной и Нейтом. Я не могу поверить в то, что только что произошло. Я не могу поверить, что после всего этого времени нас затянуло обратно в мир, где мы – подростки, желаем того, чего не следует. Но мы же больше не подростки. У нас есть обязанности и люди, которые пострадают, если мы не будем следить за собой и нашими демонами, которые всегда захватывают контроль, когда мы вместе.

Встаю и вытираю лицо, в то время как Нона входит в комнату, разглядывая нас, словно радар.

– Он может есть? – спрашивает она меня.

Я киваю:

– Да.

Затем она ушла, оставив меня пялиться ей вслед. Она злится, и я не могу винить её. В 7:42 утра её внук был доставлен в отделение неотложной помощи общественного госпиталя Бивер-Дэма. Тринадцать с половиной часов спустя он дома и до такой степени разбит, что напоминает давно потерянного щенка. Нона не нуждается в такого рода стрессе, но я не знаю, смогу ли теперь оставить его.

Я поворачиваюсь к Нейту, и он качает головой, пытаясь сесть.

– Нет, нет, нет, – повторяет он. – Не смей уходить!

Я мчусь к нему и толкаю его здоровое плечо, осторожно, чтобы не задеть поврежденное.

– Я не говорила, что уйду, – стараюсь успокоить его.

- Я знаю тебя. Я могу прочесть тебя как книгу.

– Ты никогда не умел хорошо читать.

Нейт падает назад и смотрит на меня в оглушающей тишине, пока широкая улыбка не растягивается на его лице, достигая глаз. Я люблю эту улыбку.

Дейв вернулся с подушкой и одеялом, улыбаясь так же, как и его брат. Нейт рассказал мне, что у них разные отцы, но я вижу сильное сходство между ними, поэтому я предполагаю, что они похожи на свою маму – темные волосы, нежные губы и широкая грудь. Основное различие заключается в их глазах. У Нейта они карие до того момента, пока он не взбесится, тогда они темнеют. Глаза – индикатор его настроения, как кольцо, которое он подарил, когда мне было восемь. У Дейва голубые, нежные и прекрасные. Я никогда не видела его взбешенным, не думаю, что он бывает таким.

Дейв дает мне подушку, и я беру её. Осторожно помогаю Нейту привстать, и кладу её позади него.

– Не хочу одеяло, здесь жарче, чем в аду, – ворчит он. Я взглянула на него и кивнула, забирая одеяло и складывая его на спинку дивана на случай, если оно ему понадобится.

– Итак, ты сбежал или действительно выписался вопреки рекомендации врача?

Он поднял голову и взглянул на меня тем взглядом, который говорит о том, что он лучше знает, как ему сейчас поступить. Он никогда ничего не делал по правилам.

– Значит ты не получил необходимые тебе препараты?

– Я не нуждаюсь в них.

Мой рот открылся, чтобы закричать, но я сдержалась и медленно выдохнула:

– Тебе нужно болеутоляющее, и, кто знает, что еще. Скорее всего, тебе нужны антибиотики и перевязочные материалы, и, если что-то пойдет не так, получишь битой по голове за то, что был таким тупицей.

– Я не хочу обезболивающее, бита...

– *Почему нет???* Ты превратился в такого мазохиста, что теперь тебе нравится боль?

Как только слова вырвались из моего рта, я захотела забрать их обратно. Я просто открыла дверь в прошлое, которое мы оба никогда не захотели бы посетить снова. Я жду, что он пробормочет в ответ слова, которые вернут меня обратно на землю. Бусинки пота с душком страха и ожидания скатываются по моей спине.

– Потому что... в прошлом я легко мог стать наркоманом. Я был близок к этому, поэтому я стараюсь не рисковать.

Я в шоке. Я была более чем в шоке, когда представила молодого семнадцатилетнего парня, от которого я была оторвана одиннадцать лет назад. Я не могу представить его зависимым от наркотиков, не тогда, когда он был категорически против них из-за его матери. Он был борцом, ненавидел алкоголь и наркотики из-за того, что они могли делать с семьями. Я просто не понимаю. Что же он пережил в тюрьме, что заставило его пасть так низко? Мысль пугает меня.

– Это не то, что ты думаешь, Чарли, – говорит он тихо, почти огорченно. – Я получил довольно серьезную травму и мне пришлось...

– Хватит болтать. Ешь, – командует Нона, неся две тарелки жареного мяса с овощами, а за ней Дейв нес кувшин холодного чая. – У вас обоих множество историй и чертовски много всего, о чем нужно поговорить. Но не стоит решать всё это за одну ночь.

Она права... и в то же время очень, очень неправа. Я не планирую рассказывать ему больше, чем он знает, потому что после того как я разделю с ним ужин, я должна вернуться к жизни, которую я создала без них. Я люблю их больше, чем кого-либо, включая Пола. Я скучаю по ним сильнее, чем могу выразить, но это ничего не меняет. Это ничего не меняло тогда и не сможет изменить сейчас. Слишком много времени прошло, а боль все еще достаточно сильная. Они через многое прошли из-за меня, и я больше не позволю им страдать.

Нейт

15 лет

Становится хуже. Не то, что её отец заставляет нас делать, а то, что на самом деле за шесть лет ничего не изменилось. Шесть гребанных лет. Он систематичен в том, чего хочет от неё – одно и то же каждый раз. То же место, то же время, та же больная и извращенная игра. Я шепчу ей на ушко истории о Неверлэнде, когда чувствую, как она напрягается рядом со мной. Я не хочу, чтобы её отталкивали мои прикосновения, будто я больше не я.

Я был слишком мал, когда все это началось, чтобы понять мои чувства, которые я испытал в девять лет. Я знал – то, что мы делали было неправильно, это было ясно, но она ни разу не оттолкнула меня. Между тем, у меня появилось ощущение, будто я предал её. Думаю, потому что я не смог её спасти. Теперь я ежедневно сталкиваюсь с дилеммой, основанной на любви к ней. Мне пятнадцать, и я люблю девушку, которая настолько сломлена, что даже больше ни с кем, кроме меня, не общается в школе.

Парни все еще поглядывают на неё, но я окидываю их фирменным уничижительным взглядом. Она не принадлежит им, чтобы они пялились, как бы по-дурацки это не звучало, потому что Чарли не должна быть чьей-то. Ей всего тринадцать, и ей стоит поехать вместе со всеми в эти выходные на озеро. Но я знаю, что она будет делать, потому что он слишком хорошо её выдрессировал. Она не выходит гулять, никому не звонит, не ходит на ночевки с другими смешливыми девчонками из её класса. Из-за него Чарли настолько замкнулась в себе, что не может смотреть прямо. Она хочет, чтобы он был счастлив. Кого на хрен волнует счастлив ли он?! Он делает несчастной её! Пока я нахожусь в ступоре – он ломает её, и вскоре от нее не останется ничего целого.

Нет, Чарли не сделает ничего ненормального для неё. В силу привычки она стала такой же, как и он. В 4 часа утра, прежде чем проснется её отец, она проскользнет в свои любимые шорты и футболку «Грин-Бей пэкерс»¹, и, шатаясь в темноте, придет ко мне. Она войдет в дом, поднимется по лестнице и проскользнет ко мне в кровать, где мы будем держать друг друга до тех пор, пока Нона не позовет нас завтракать.

Не так давно я пытался встретиться с ней на улице, но на следующий день она ко мне не пришла. Я испугался до усрачки, когда добрался до двора в крошечной ночной тьме и обнаружил, что её нигде и в помине не было. Я думал, что с ней произошло нечто ужасное, так что я пронесся стрелой к открытому окну в её пустой комнате и стал звать, в надежде не разбудить ее отца. Моё нутро вздрагивало при мысли, что он пришел за ней. Я выпрыгнул из окна и направился в гараж, где было темнее, чем в аду. Её и там не было, и клянусь, я мог бы заплакать. Я побежал в свой дом, нуждаясь увидеть её и надеясь, что она ждала меня в моей постели, пока я её искал. Я поднялся по лестнице на крыльцо быстрее, чем когда-либо в своей жизни, но что-то привлекло моё внимание. В углу, на ступеньках моего крыльца, в тени большого горшка с цветами Ноны, свернувшись калачиком, лежала Чарли. Она дрожала и была очень холодной на ощупь, несмотря на то, что ночь была теплой. И тогда я сразу понял, что должен позволить ей сделать то, что она хочет, или я, вероятно, её потеряю.

Нона знала, что с Чарли что-то происходит, но она считала, что это из-за отца девочки, которого для Ноны не существовало. Я хочу, чтобы его не было вообще.

В школьном кафетерии сегодня шумно. Не знаю, всегда ли здесь так шумно, но сегодня

кажется, что очень. Думаю, Чарли тоже это ощущает, потому что она уткнулась в меня. Я целую её в макушку и вдыхаю сладкий аромат её шампуня. Запах как у младенцев или что-то вроде того.

– Ты в порядке?

Она поднимает голову и смотрит на меня, и я замечаю темные круги у неё под глазами, которые не видел раньше.

– Я больше не хочу этого делать, – бормочет она.

Я вздыхаю, потому что я не хочу, чтобы она это терпела.

– Я знаю, Чарли.

– Я даже не хочу больше жить.

Я отпрянул, и на секунду подумал, что мне послышалось. Но когда я посмотрел в её темно-карие глаза, понял, насколько они потеряны. Она бросает меня.

– Не смей! Не смей, черт возьми, оставлять меня, Шарлотта!

– Не называй меня Шарлотта, – она качает головой и не останавливается. – Никогда не называй меня так. *Он* так меня зовет.

Я тянусь к ней и прижимаю её покрепче к себе, игнорируя взгляды, которыми нас окидывали, несмотря на то, что наши голоса были тихи среди шума других школьников.

– Прости. Я знал, что он тебя так называет. Прости. Просто ты меня пугаешь. Я напуган Чарли.

– Я боюсь каждый день.

Твою мать. Она разбивает моё сердце.

– Я знаю. Но ты должна держаться. Давай прогуляем остаток дня. Я хочу показать тебе кое-что.

– Что? – она наклоняет голову и смотрит на меня отчаянными и потерянными глазами, которые умоляют меня спасти её.

Я встаю и собираю наш нетронутый обед, пихая всё, что могу, в сумку:

– Это сюрприз.

– Ты же знаешь, я ненавижу сюрпризы, – тяжело вздыхает она.

И это правда – ненавидит, но нуждается в ощущении восторга от сюрприза. Ей необходимо чувствовать себя живой.

– Давай. Сегодня пятница, твой отец будет работать все выходные, и Нона будет занята какой-то ярмаркой на Хайвэй, 151. У нас полная свобода действий. Давай отправимся в путешествие.

– Но мы никогда не путешествовали. Мы никогда не покидали Бивер-Дэм.

– Тем более.

Я хватаю её за руку и практически тащу из кафетерия. Она начинает смеяться, и я останавливаюсь, когда мы заходим в холл.

– Чего ты смеешься?

– Просто, каким образом, по-твоему, мы поедем в путешествие? Мне тринадцать, тебе пятнадцать. Ни у одного из нас нет водительских прав.

– Ты слышала об автобусах?

– А ты слышал о проживании несовершеннолетних там, куда ты собираешься взять меня?

– Черт!

Она снова смеется:

– Угу.

По крайней мере, она смеется. Её лицо повеселело и это само по себе нечто важное.

– План Б.

Я снова хватаю её и начинаю тащить по дорожке, пока она не достигает того же темпа, что и я. Я иду с ней вдоль дороги и границы леса, стараясь сохранить её спокойствие. Я замедлился до прогулочного шага, и она последовала за мной, её дыхание тяжелое и быстрое, как и моё. Я никогда не занимался спортом, в школе меня просили играть во все сезонные виды спорта, но я всегда отказывался. Они тренируются три раза в неделю: в субботу утром, во вторник и в четверг после полудня. Вы можете понять моё затруднительное положение. Такое чувство, будто сходишь с ума. Чарли могла бы смотреть, как я тренируюсь, каждый день, но не в третий четверг месяца. Если бы она не была там, где ей было положено быть, это был бы худший вариант для неё. Мы ощутили это на своей шкуре.

Существует несколько причин, почему Чарли хочет угодить своему отцу: первая – потому что он промыл ей мозги, а вторая – когда он не доволен, то становится опасным. Она утверждает, что была больна в это же время в прошлом году, возможно, ей нужно верить в это. Она некоторое время не могла встать с постели, а потом три недели не ходила в школу. Тем не менее, я знаю, что с ней случилось на самом деле. Я смог разглядеть синяки на верхней части её рук, когда она была без рубашки и ощущал её мягкую кожу под своими пальцами. Я видел один на её шее, там, где лучше бы я ее поцеловал. Я не отходил от ее постели, пока она поправлялась и только один раз вышел в ванную, когда знал, что её отца не было в доме.

Она никогда не рассказывала мне, что на самом деле случилось. Интересно, она и по сей день блокирует это в себе? Что я знаю точно, так это то, что в четверг, перед её возвращением в школу, мы переступили большую черту, которая была утрачена навсегда. Изменилось всё внутри нас. Мы стали немного светлее друг для друга и темнее для общества.

Мы вернулись домой, горячие и потные, когда Дейви встретил нас на крыльце:

– Еще не время, – тревожно говорит он, – не время возвращаться домой.

– Не время. Но Чарли нуждается в твоём крепком объятии, поэтому мы поспешили домой, чтобы ты мог её обнять, – сказал я, покидая запыхавшуюся Чарли на крыльце, и мчусь в дом, чтобы попросить Нону помочь мне с планом Б.

Я нашел её на кухне, где она пекла печенье.

– Нона.

Она окинула меня взглядом, который говорит, что я влип, если у меня нет чертовски важной причины прогулять школу.

– Чарли нуждается в нас.

Нона вздыхает и вытирает руки о передник, на котором повсюду нарисованы бледные цветы. Это её любимый.

– Я предполагала, что эта неделя будет чрезвычайно трудной для неё.

– Что ты имеешь в виду?

– Мальш, на этой неделе годовщина смерти её матери.

– Черт! Как я мог не знать этого? Я всё знаю о Чарли... во всяком случае я думал, что знаю.

Я упал на стул и покачал головой в своих руках. Я не знаю, что это такое – потерять

маму таким образом. Моя бросила нас, когда родился Дейв, а мне было 2 года.

– Натан, ты никогда не сможешь узнать всё об этой девушке. Я вижу какую-то боль и секреты в её глазах, которые она заберет с собой в могилу, и я предпочла бы, чтобы ты никогда их не узнал. Надеюсь, что со временем она излечится, но её мама – это не то, что ты можешь исправить.

Я думал, что смогу. Я имею в виду, исправить не смерть, а Чарли. Я хочу помочь ей. Я хочу, чтобы она осталась и не потеряла веру в меня или в себя. Да, я эгоистично нуждался в ней. Не только физически, моё сердце и моя душа тоже нуждались в ней. Я не представляю мир без неё, да и не хочу. Я хочу её навечно – я и она до самого конца.

Я никогда не рассказывал Ноне ни один из наших секретов. Я не рассказывал ей о Чарли и её отце, но на этот раз все было куда более серьезным, чем я мог вынести. Мы на самом деле не можем уехать и делать то, что я в действительности хочу, так что лучше выбрать хоть что-то хорошее из остального.

– Нона, ей нужно знать, что ей есть чего с нетерпением ожидать. Ты можешь позвонить миссис Фишер и узнать, можно ли нам поехать туда сегодня?

Не знаю, что творится сейчас в её голове, может ли она видеть цель этого маленького приключения, но она улыбается и кивает. Она начинает бормотать про себя, в то время как срывает свой фартук и хватается телефон со стены.

Я бегу обратно на крыльцо, где Дейви и Чарли молча сидят на ступеньках, а его рука обнимает её плечи. Не думаю, что видел такое красивое зрелище. Звучит стремно, но это правда. Она любит Дейва таким, каким он есть, и больше ничего для неё не имеет значения, и это все, что я могу просить. Я злюсь... очень злюсь, когда люди говорят дерьмо о нём. Да, он отличается от других, но не так, чтобы это имело значение.

– Нона пытается раздобыть одобрение, но я держу пари, что оно однозначно у нас, так что по коням.

Они оба поворачиваются и встают, Дейв, улыбаясь от уха до уха и Чарли скептически.

– Куда ты нас везешь? – спрашивает она.

– Да, Натан, куда? – вмешивается Дейв. Большой мальчик разборчив.

– Это секрет. Просто загружайтесь в машину, ладно? Господи.

Я хихикаю, когда Дейв несется вниз по лестнице и направляется к 'Caddy' Ноны. Не Чарли, как обычно, всё еще стоит там, поджав губы, и сверлит меня взглядом.

– Я не собираюсь разговаривать, так что смирись с этим, принцесса, и садись в чертову машину.

Она все еще стоит на крыльце, бросая мне вызов. Ладно, вызов принят. Я резко подскакиваю к ней и покатываюсь со смеху, когда она кричит и спрыгивает с крыльца, убегая к машине. Тем не менее, я быстрее, я всегда был быстрее. Когда она смотрит через плечо – уже слишком поздно, я отрываю её от земли. Она вопит во всё горло, но это хороший крик, счастливый, который я готов с радостью слушать каждый день, каждую минуту. Чарли болтает ногами, как сумасшедшая. Хотя она и маленькая девочка, из-за чего её чертовски тяжело держать, так еще и все её волосы у меня перед носом. Я ни черта не вижу.

– Ладно, вы двое, садитесь в машину, если хотите...

– Нет! – я кричу на Нону, которая замерла, когда я поставил уже замолчавшую Чарли на землю. – Не говори им. Я хочу, чтобы это было тайной.

– Они узнают, как только мы выедем на дорогу, – говорит Нона раздраженно. Она открывает дверь со стороны водителя и передает Дейву свою сумочку. – Ну, тогда залезайте.

У нас нет целого дня, и у меня впереди много подготовки к завтрашней ярмарке. Что касается тебя, Натан, в следующий раз было бы уважительно уделять людям немного больше внимания, чем пять минут.

– Прости, Нона, – говорю я смущенно, но знаю, что на самом деле она не возражает, и я сделал бы это для Чарли снова в мгновение ока.

– Нейт, мне намного лучше, мы может просто посидеть тут. Я не хочу вытягивать Нону. Я беру её за плечи и немного встряхиваю:

– Чарли, мы оба нуждаемся в этом.

Она закусывает губу и кивает. Я знаю, что она никогда не откажет мне. Я догадываюсь, что это был поступок говнюка, но сделаю всё, чтобы вывести её из этой депрессии. Мне просто нужно, чтобы она оставалась на поверхности, пока мы недостаточно взрослые, чтобы убежать и выжить, или, по крайней мере – бороться против её отца.

Мы подъезжаем к ферме миссис Фишер и с того момента, как мы выезжаем на старую грунтовую дорогу, в машине слышен гул голосов. Дейви прыгает на сидении и болтает о бобрах и их бобрятах, Нона дразнит «Я же говорила», а я хихикаю, когда Чарли берет мою руку в свою и крепко сжимает. Она знает меня, и я думаю – она знает, в чем заключается суть визита в небольшой приют.

Дейви направился напрямиком в питомник, где миссис Фишер стоит с бобренком на руках. Нона призывает его притормозить, пока я ловлю Чарли с другой стороны изгороди. Именно здесь миссис Фишер держит раненных диких животных, которые в один прекрасный день смогут вернуться в дикую природу. Это моё самое любимое место из всех. Почти год прошел с тех пор, как я последний раз был здесь, да и то – в течение нескольких минут, пока Нона и миссис Фишер сплетничали и обменивались джемами. Я показывал Чарли птичник вспоминая, как миссис Фишер нашла меня здесь в тот день. Она рассказала мне о своей работе с орлом и другими птицами, о работе и надежде на них.

Здесь мы обречем храбрость быть устойчивыми вопреки всему.

В очередной раз в клетке находится раненое животное, нуждающееся в помощи. Чарли отпускает мою руку, когда приближается к клетке, в которой сидит крупная, величественная птица. У белоголового орлана большая повязка на крыле. Его клетка отделена от основного вольера и к тому же она гораздо меньше, поэтому я думаю – он не будет пытаться летать.

– Выглядит печально, – вздыхает Чарли напротив клетки, и я сокращаю расстояние между нами, поглаживаю её по спине, наблюдая, как она изучает раненную птицу, которая смотрит на нас настороженно.

– Да, но это не будет длиться вечно. В этом-то и весь смысл.

Она смотрит на меня, а затем обратно на птицу, пытаюсь понять, что я имею в виду. Она понимает, почему я привел её в приют для спасения раненных животных, но она не совсем понимает мораль, которую я пытаюсь донести до нее.

– Ты видишь уныние, боль, но вместе с тем и то, что некто подобно миссис Фишер спас их и проявляет заботу, но я хочу, чтобы ты увидела и вынесла для себя не это. Я хочу, чтобы ты поняла, что это возможность исцелиться и парить, и жить своей жизнью без душевных ран, которые ты носишь внутри себя. Я хочу, чтобы ты восстановилась и была сильной. Я хочу, чтобы ты была правителем своего королевства, которым является твоя жизнь, и хочу, чтобы ты рычала подобно тигру, который, я знаю, есть в тебе.

– Рычала, как тигр?

– Я хотел сводить тебя в зоопарк, но твой здравый смысл лопнул, как мыльный пузырь.

– Я хочу рычать, Нейт, – шепчет она на одном дыхании.

– Ты будешь! – я добьюсь этого, даже если это будет последнее, что случится в этой жизни.

Нейт

Настоящее

Мы заканчиваем ужин и Чарли нервничает. Понятно, что ей не хочется находиться здесь и это кажется таким неправильным, учитывая, что когда-то это было единственное место в мире, где она чувствовала себя в безопасности.

Но я лучше других знаю – многое может измениться. Что не изменилось, так это теплота между нами. Я почувствовал это в больнице даже под воздействием наркотиков. Я не мог оставаться там, зная, что она у Ноны. Я снова должен был быть рядом с ней. Я должен был знать – ощущает ли она то же, что и я – явную потребность быть вместе, даже после всего. Она нужна мне, более того, мне нужно, чтобы она нуждалась *во мне*.

– Мальчики, думаю, Чарли устала и, Натан, тебе нужно отдохнуть, – заявляет Нона, забирая стаканы со стола. – Дэвид, помоги мне с посудой, прежде чем Чарли уйдет. Натан, я помогу тебе добраться до твоей старой комнаты через минуту.

Дэвид всегда делает то, что ему говорят без возражения, и я тяжело вздыхаю, когда они покидают комнату. Я люблю их и готов умереть за них, но я мог бы дать им пинок под зад более получаса назад. Во всяком случае, бесконечные вопросы Ноны дали мне некоторые ответы, даже если большинство из них были ложью. Да, Чарли много лгала, и я вижу, как это ранило чувства Ноны, но она относится к этому с пониманием. Чарли всегда была сложной, и у неё было много времени, чтобы погрузиться глубоко в себя.

– Так ты собираешься рассказать *мне* правду? – спрашиваю я, пытаюсь сесть.

– Что ты имеешь в виду? – она бросается ко мне и подпирает мою подушку.

– Не веди себя так. Не со мной. Может быть после нашей истории прошло много времени, но тем не менее, мы всегда будем значить друг для друга нечто большее, чем подобная хрень.

Я прилагаю все усилия, чтобы не прикоснуться к ней, я должен оставить ей возможность управлять этим. Мужчины уже манипулировали Чарли и забрали у неё слишком много. Я хочу, чтобы она сама сделала выбор – прикоснулась ко мне первой.

Она кивает, и я хлопаю по краю дивана рядом с собой. Но вместо этого она пододвигает ближе кофейный столик и садится на него. По крайней мере, она не убежала. Один крохотный шаг за раз, один выбор за раз.

– Как ты на самом деле?

Она пожимает плечами и слегка улыбается. Её розовые, пухлые губы так прекрасны – мне трудно не смотреть на них.

– У меня все хорошо. Я люблю свою работу. Я хороша в своем деле... обычно. Я вроде как испытала шок сегодня, когда узнала тебя. Мне стоило покинуть палату. Я не могла выполнить свою работу.

Дерьмо.

– У тебя будут проблемы?

– Нет, Пол был не доволен, но он успокоится.

Парень. Меня тошнит от его имени. Что было пафосно и лицемерно, так это то, что у меня были девушки, просто ни одна из них не была той самой. Ни одна не была Чарли.

Трудно поддерживать отношения живыми, когда во время занятий любовью вы представляете другую женщину.

– Пол... – говорю я, пытаюсь сдержать презрение... ревность.

Она выдернула свою руку из моей, и я сразу пожалел о сказанном. Я осел.

– Не произноси так его имя. Он хороший человек.

– Ну, спасибо тебе, Шарлотта, – раздался голос незнакомца.

– Какого хрена? – на входе в дом рядом с Ноной стоял худощавый мужчина в костюме, с жестким лицом и с хмурым видом, рассматривающий Чарли, а потом меня.

– Натан, не ругайся, пожалуйста, – упрекает Нона.

– Прости, Нона, – извиняюсь я, потому что она ненавидит ругань, но, Боже, он напугал меня и Чарли до полусмерти. Он так чертовски сильно напугал её, что она дрожит. Я знаю кто он – я помню, как видел его во время того, как наблюдал за Чарли, чтобы узнать счастлива ли он.

– Как ты узнал, что я здесь? – спокойно спрашивает Чарли, прежде чем помчаться в его сторону. Он обнимает её за талию, и она съеживается. Блядь, съеживается. Она не отходит, но, безусловно, не чувствует себя комфортно. Что, черт возьми, происходит?

– Мистер Шоу покинул больницу до того, как смог получить свои лекарства, личные вещи и надлежащий уход. Ты сказала, что он твой родственник, поэтому, как только я услышал, что он выписался неофициально, то понял, что найду его и тебя здесь, – он остановился, изучая меня и начал рассматривать её. – Ты не отвечала на телефонные звонки, так что я пришел без предупреждения.

Она не встречается с ним взглядом, и это беспокоит меня. Всё это беспокоит меня. Я хочу встать с этого дивана и... и что сделать, тупица?? Он её парень, мужчина, которому она доверяет, мужчина которому.. не подходи к нему. Я не смогу исправить это, блядь, если подойду к нему.

По какой-то причине я чувствую, что должен помочь ей. Я слишком хорошо узнаю это старое чувство. Мне не нравится этот парень, и это не имеет ничего общего с тем фактом, что я ревную, как черт, из-за того, что у него есть она. Это шестое чувство, на протяжении многих лет я изучил себя и доверяю своей интуиции. Мне просто жаль, что я не собрался с духом «случайно» встретиться с ним до этого.

– Я плохо переношу больницы и другие государственные учреждения, лучше я буду лечиться здесь, – говорю я, чтобы отвлечь его внимание от Чарли и это работает. Либо я явно не нравлюсь ему, либо не нравится то, что Чарли здесь, со мной. Ненавижу, что у нас есть что-то общее.

– Могу поспорить. Думаю, что это тюрьма делает такое с человеком.

Ублюдок. Я отталкиваюсь от дивана и скриплю зубами от боли. Я такого же роста, как и Пол, но шире в груди и сильнее. *Поблагодари за это тюрьму, ублюдок.*

– Пол, – Чарли вздыхает и выходит из его объятий. – Это неуместно.

– Я согласна, молодой человек. Вы не знаете, через что прошел мой внук из-за тех, кого он любит, – вставляет Нона, и я надеюсь, что она вернется на кухню. Этот парень – задница, и я не хочу, чтобы он расстроил её. Более того, я не хочу расстраивать её.

– *Шарлотта*, он бывший зек. Я просто констатирую факт. Уверен, что ему по плечу признать свою историю, – Пол устремляет недоверчивый взгляд на Чарли.

– Возможно, – говорит она, – но ты не знаешь его историю.

Я горжусь и испытываю облегчение оттого, что она защищает то, во что она верит, и

меня. Однако меня чрезвычайно беспокоит то, что она разрешает ему называть себя Шарлоттой. *Он* называл её Шарлоттой.

– Что ж, забавно. Может это потому, что ты никогда не упоминала о нем раньше. Я думал, что у тебя нет семьи – это то, что ты мне рассказала. Если бы он не появился сегодня в неотложке, ты бы рассказала мне, что твой брат – бывший зек?

– Брат? – говорю я, а она оборачивается и смотрит на меня. Очевидно, я должен быть её братом и не более того. Охренеть. Мы далеки от родственных связей.

– Я думаю, нам всем сейчас нужно просто успокоиться, – прорвался сильный голос Ноны. – Мы все устали и наши эмоции на пределе. Чарли, дорогая, было замечательно наверстать упущенное.

Фактически Нона выпроваживает Чарли и Пола из дома. Может быть, она и стареет, и её длинные волосы теперь полностью седые, но у неё пробивной дух и она не будет терпеть дерьмо.

– Подожди, – кричу я, делая шаг и спотыкаясь, забыв про кофейный столик. Чарли кричит мне, чтобы я остановился, но уже слишком поздно. Я подтягиваюсь на руках и чувствую жгучую боль в плече, из-за чего шиплю и падаю обратно на диван, тяжело дыша.

Чарли садится рядом со мной, поднимает мою рубашку, проверяя рану.

– Тебе чертовски повезло, – шипит она.

– Сомневаюсь в этом, – говорю я ей в волосы, вдыхая её запах.

Чарли дышит рядом в мою шею, и когда она наклоняется ближе – её щека прикасается к моей, но вместо поцелуя, для которого стучит моё сердце, она шепчет мне на ухо:

– Пожалуйста. Я приду завтра. Просто остановись и отдохни, иначе я больше ничего не расскажу.

Затем, без малейшего труда, она поворачивается и возвращается к Полу.

Пол удовлетворенно ухмыляется, передает бумажный пакет Ноне, а потом собственнически кладет руку на спину Чарли. Я так сильно хочу ударить его, что меня это пугает.

– Инструкции для его препаратов внутри, вместе с его личными вещами. Убедитесь, что он принимает их, чтобы ему не нужно было возвращаться в больницу. Тем не менее, он должен встретиться со своим лечащим врачом через несколько дней, и менять повязку дважды в день в течение первых трех суток. Потом всего одного раз в день должно быть достаточно.

– Спасибо, – неискренне говорит Нона, а я смотрю на единственную женщину, которую всегда любил, уходящую через дверь с самым большим болваном, которого я когда-либо встречал.

– Спасибо, Нона, – говорит Чарли и целует её в щеку, прежде чем Пол выводит ее за дверь и долой с моих глаз.

Нона наблюдает, как они уходят, прежде чем закрыть дверь. Затем она направляется ко мне с беспокойством, врезавшимся в каждую её морщинку.

– Мне не нравится этот парень, – заявляет она.

– Мне тоже, Нона. Мне тоже. Я волнуюсь за неё.

– Я больше волнуюсь за тебя.

Она садится на кофейный столик, где сидела Чарли. Я вздыхаю и плюхаюсь обратно на старый, мягкий диван, на котором я провел много ночей.

– Тебе не о чем волноваться, Нона. Я в порядке. Просто узнай, какие препараты мне

безоговорочно нужны, и я вылечусь в два счета. Однако я думаю мне необходимо проспать неделю. Я чертовски устал.

– Я говорю не о твоём теле, сынок. Я говорю о твоём сердце.

Я киваю, потому что понимаю, что она имеет в виду:

– Да ну, слишком поздно для моего сердца.

Я давным-давно отдал его ей.

Шарлотта

Настоящее

Всю дорогу домой я молчу, но хуже этого то, что молчит Пол, и тишина не предвещает ничего хорошего.

Ненавижу, когда он такой. Обычно он такой не по моей вине. Я прилагаю все усилия, чтобы убедить его, что я не при чем, но сегодня всё вышло из-под контроля во всех смыслах. Полу нужны будут ответы и, если он не получит их, я буду наказана. Только и всего.

Мне нужно изменить его настроение, прежде чем мы доберемся домой – я должна угодить ему, прежде чем будет слишком поздно. Я протягиваю руку через консоль и прикасаюсь к его напряженной ноге – он вздрагивает от моего прикосновения и отодвигается. Я быстро отстраняюсь и заламываю руки.

– Прости меня, Пол.

Он крепче сжимает руль, и мне захотелось иметь возможность добраться домой самостоятельно, а не оставлять свою машину у Ноны. Я пыталась взывать к его здравому смыслу, но он остался непреклонен в том, что пришлет за ней кого-нибудь утром. Мне не нравится, когда у меня нет моей машины – моей свободы, но я не собираюсь спорить с Полом. Я уже переступила черту, когда защищала Нейта.

– Пол. Поговори со мной, пожалуйста?

– Ты опозорила меня сегодня, – он смотрит на меня с каменным выражением лица. Затем снова поворачивается к дороге, а я к своему страху. Это всё, чего я могу добиться сейчас. Пол отстранился от меня и не без оснований. Я не должна была позорить его. Я должна быть тихой и делать то, что мне велено. Это простые правила повиновения для безопасной жизни. Он любит меня, очень любит. Просто Пол показывает это иначе. Не так, как все мы.

Папа любил меня, Нейт любил меня – оба совершенно по-разному, как и я их. Я скучаю по отцу, несмотря на то, что он причинил мне боль. Я скучаю по Нейту, но я отказываюсь и дальше причинять ему боль, а теперь я раню Пола. Моя жизнь, как «засада», до отказа наполнена болью, которую я приношу другим.

Мы останавливаемся у здания, где живет Пол. Он говорит, что это наш дом, но здесь нет ничего моего. Я привезла свои пожитки, но большинство из них и сейчас остается в коробках в сарае. Я не возражаю, но это никогда не будет моим домом. Дверь гаража открывается, и мы паркуемся медленно и тщательно, в стиле Пола. Моё тело дрожит, болит от спазмов, когда я слежу за его руками. Я знаю, что произойдет. Просто не знаю когда. Это другой вид наказания.

Дверь гаража закрывается позади автомобиля и меня передергивает, когда Пол передвигается. Но он открывает свою дверь и выходит из машины, захлопнув дверь за собой. Что-то во мне хочет остаться в машине. Что-то глубоко во мне хочет, чтобы я схватила запасные ключи из сумочки и напролом, через гаражную дверь, вернулась к Ноне, к Нейту.

Что делаю я – выхожу из машины и следую к лучу света, пробивающемуся из подсобки. Но Пола там нет. Также его нет и в гостиной, но, когда я приближаюсь к залу, вижу, что дверь в его кабинет закрыта, и видно только узкую полоску света из-под неё.

Я облегченно вздохнула, направилась в ванную и тихонько закрыла за собой дверь. Я не заперла её на замок, потому что ему это не нравится, и я бы предпочла не испытывать судьбу.

Я не смотрю в зеркало, я и так сейчас достаточно себя ненавижу. Я отвратительна, я – шлюха. Я хотела прикосновений Нейта сегодня. Я желала его как животное, по-взрослому, без правил. Я так устала от правил, несмотря на то, что они обеспечивают мою безопасность. Так устала ненавидеть себя, но это никогда не прекратится. Я разделась и включила воду в душе, не беспокоясь о том, что она слишком горячая. Кипяток облегчает мою внутреннюю боль. Я одобряю физическое наказание. Надеюсь, Пол, обладающий сильным ударом, наградит меня им.

Я долго мылась под горячей водой и лишь спустя время задумалась о том, что я делаю со своим телом, как затвердели мои соски, и что моё дыхание затруднилось от тяжести внизу живота. Мыльными руками я провела по выпуклостям своего тела и между складками влагалища, где клитор жгло от возбуждения. Я скользкая и это не связано с мылом, всё что я могу делать – представлять, как Нейт работает пальцами во мне. Я практически кончаю, когда холодный поток воздуха обдувает мою мокрую, сморщенную кожу. Сразу после следует жесткий удар по моей голове, отбрасывающий меня в кафельную стену. Я вижу звезды. Я вижу капельки крови, стекающие с водой по белой плитке, смешиваясь с ней в канализации.

– О ком ты думаешь, когда делаешь это, Шарлотта?

Я дрожу, истекаю кровью, и слишком напугана, чтобы произнести хоть слово, даже несмотря на то, что молчание хуже.

– Ты думала о нем? О твоём грёбаном сводном брате? Это отвратительно! Мерзко!

– Нет! – выкрикиваю ложь, съездившись в углу.

– Грёбаная лживая сука. Ты никогда не делала так для меня, ты не стонала моё имя и не дрожала подо мной. Ты даже не становилась влажной. Если бы я не использовал смазку – ты бы раздрала нас обоих в клочья, такой сухой ты была.

– Пол, пожалуйста.

Я знаю, что должна делать, хоть и не хочу этого. Но ему нужна уверенность в себе, он должен быть удовлетворен. Я ползу к нему, вода бьёт меня по спине, мой мозг еще не оправился от боли. Остановившись у его ног, я пальцами сжимаю ткань его штанов, молча умоляя о прощении. Этого недостаточно, чтобы помочь мне – он пинает меня в бок, и я падаю на спину, пытаюсь вдохнуть, прежде чем из меня вырвется всхлип.

– Почему ты думаешь, что я хочу, чтобы ты трогала меня своими грязными пальцами, грёбаная шлюха?

Он никогда так не злился на меня, никогда. Я хочу умолять его о прощении, я хочу, чтобы он держал меня и утирал мои слёзы, говоря нежные слова, которые, я знаю, в конце концов, последуют за подобным. Он всегда так поступает, когда теряет самообладание. Он успокаивает меня, говорит, что любит, целует меня и заставляет пообещать, что я больше не разозлю его. Я хочу, чтобы эта часть поскорее настала.

Я борюсь со страхом, что он упадет снова. Я встаю на колени, затем на ноги, опираясь руками на скользкую плитку для поддержки, делая шаг. Мои глаза смотрят в пол, где

медленно капающая кровь смешивается с чистой водой. Делаю еще один нерешительный шаг, пока не вижу его ботинки. Закрываю глаза, поднимаю голову и жду атаку. Будет одно из двух. Либо ударит, либо сдержится.

Несколько минут спустя я обнаруживаю, что он поднял меня с пола и притянул к себе.

Я не открываю глаза, прижимаюсь головой к его груди и позволяю ему отнести меня туда, куда он хочет – всегда к себе в спальню. Он сажает меня к себе на колени и держит, пока слезы облегчения свободно падают из моих глаз. Сейчас Пол не сделает мне больно. Он будет держать меня, будто я его соковище и утешать. Он успокаивает меня и гладит по мокрым волосам, поглаживает моё мокрое тело и портит свой костюм. Он любит меня, я понимаю это по тому, как он целует меня. Я снова в безопасности.

– Мне так жаль, любимая. Я ревновал. Ты меня так разозлила, а потом, когда я увидел, чем ты занималась, я потерял контроль.

– Прости, – плачу я, прижимаясь к нему сильнее.

– Тише, Шарлотта, – он целует мою голову, и я чувствую, что его поведение снова изменилось. Его тело напрягается подо мной, и я знаю, что за этим последует. Это единственный раз, когда он принуждает меня к сексу. Единственный раз, когда я не сопротивляюсь ему и не отнекиваюсь, потому что хочу, чтобы он был счастлив. Так что я дам ему то, чего он хочет.

В очередной раз, в моей голове, я возвращаюсь в гараж, где я прежде была с Нейтом.

Я сижу на коленях у Пола, он проводит по моей коже на ребрах и боках, пока не добирается до бедер. Они дрожат, когда он разводит их одной рукой, а другой хватает меня, вводя палец внутрь меня. Я до сих пор влажная от мыслей о Нейте и хныкаю от его проникновения. Я не двигаюсь, я никогда не двигаюсь. Я просто позволяю. Этому я научилась, когда мне было 5 лет.

Чарли

14 лет

Папа становится все более озабоченным, ведь завтра наступит день, когда он позовет меня в гараж... Я не знаю, почему он меняется, он ничего не менял в течение шести лет, но в последний раз он шокировал нас обоих. У него была с собой видеокамера. Он хотел большего. Ему больше не нужны были поглаживания, поцелуи и ласки. Он спросил меня – девственница ли я, и даже приказал полностью снять одежду. Я опешила и потеряла дар речи, уставившись сначала на папу, а потом на Нейта. Нейт сдерживал ненависть в своих глазах. Он ненавидел отца и какая-то часть меня тоже. Но папа нуждался во мне, а я в нём, так что я хотела сделать для него хотя бы это.

В последнее время Нейт и я практически каждый день учились любить друг друга. Мы касались, целовались, пробовали друг друга на вкус и занимались петтингом – пока были одни, потому что нам было сложно насытиться друг другом. Рядом с нами не было папы, который манипулировал нашими действиями и мыслями – мы любили друг друга для нашего собственного удовольствия и для удовлетворения наших собственных потребностей. Но мы еще не сделали последний шаг, мы были чертовски близко к нему, но все же не переступили черту.

– Нейт. Мне страшно.

Он сильнее прижимает меня к себе и целует в висок. Легкий ветерок закружил листву.

– Я знаю, детка. Просто думай о нас, не о нем, не о его новой забаве; просто о нас и ты сможешь пройти через это.

– Буду. Я всегда так делаю. Только так я смогу пройти через все это. Мне хочется, чтобы мы снова были маленькими, когда всё, о чем я думала – довольный папочка, когда я не понимала, что то, что мы делаем – плохо.

– *Мы* не делаем ничего плохого, Чарли. *Он* делает, – Нейт глубоко вдохнул, пытаюсь успокоиться.

– Тогда почему ты не хочешь заниматься со мной любовью?

– Ты знаешь почему. Я говорил тебе. Я не хочу получить этот последний дар от тебя, пока ты не будешь готова.

– Я. Я готова, – я беру его лицо в свои ладони и умоляю его. – Натан Шоу я готова к тому, чтобы ты занялся со мной любовью.

– Я не готов, – вздыхает он и закрывает глаза.

Я беззвучно вздыхаю, но он видит это и морщится.

– Я сожалею, – шепчу я, надеясь, что не оттолкнула его. Он делает для меня достаточно много из тех вещей, которые делать не хочет.

– Здесь не о чем сожалеть. Это мои проблемы, не твои.

Я киваю, и мои глаза наполняются печальными слезами. Я забрала у него так много и не хочу забирать еще больше.

– Пожалуйста, поехали с нами, – просит он в миллионный раз.

Нона, Дейви и Нейт собираются посетить жителей Уиллоу Лэйкс. Вот куда ездят Нона и Дейв по четвергам, другие люди с синдромом Дауна и ограниченными возможностями живут там своей жизнью и учатся заботиться о себе. Но я не поеду, так как теперь мне

нужно выяснить, как уберечь Нейта от меня и моей жизни.

Сегодня вечером я пойду на свою первую вечеринку. Сегодня вечером я сделаю всё от меня зависящее, чтобы изгнать Нейта из своего мира. Он будет ненавидеть меня, будет убит горем, но он будет свободен, как орел, которого мы видели в приюте. Для него настало время, чтобы жить и процветать, быть чемпионом и королем, каковым я вижу его в моем сердце. Я хочу, чтобы он рычал, но у него не будет возможности сделать это в то время, пока он укрывает меня своим сломанным крылом.

Я машу ему вслед, хотя это разбивает моё сердце. Я осознаю, что в последний раз вижу его любящим меня. Бегу в дом и роюсь в шкафу. У меня нет ничего привлекательного и вызывающего, так что я надеваю одну из своих любимых черных футболок, связывая её в узел на талии, и джинсовые шорты с черными сапогами. Стягиваю резинку с волос и позволяю своим длинным каштановым волосам упасть на плечи. Я, скорее всего, опоздаю на вечеринку, но это нормально. Мне не нужно быть там задолго до того, как я найду Мэйсона Кинга. Он смотрит на меня тем взглядом, который я узнаю. Я вижу его в папиных глазах, в глазах Нейта и мистера Конвея. Они хотят от меня того, что я желаю дать только Нейту.

Но Нейт нуждается в свободе, и я не хочу, чтобы папа получил от меня это. Кто угодно, только не он. Поэтому кем угодно будет Мэйсон. Я знаю, что он примет моё предложение, потому что я слышала молву о том, как он хотел бы взять меня под трибунами и трахать все выходные. Я не понимаю, что говорю, но улавливаю суть и это главное.

Мне приходится идти туда пешком, но это нормально, даже слишком – это дает мне время собраться с силами и набраться мужества сделать это. Жарко, несмотря на то, что солнце садится. Я чувствую капли пота, выступающие на моей спине. Не знаю то ли из-за беспокойства о том, что должно произойти, то ли из-за жары. Но это перестало иметь какое-то значение и вылетает из моей головы, как только я слышу музыку, крики и смех в конце улицы. Это оно, это начало конца. Как только я подхожу к дому, люди начинают пялиться. Затем, они, как и до этого, продолжают веселиться, так как я для них никто. Кто-то протянул мне красный стаканчик с жидкостью. Я нюхаю и понимаю, что это пиво, так что я пью. Пью маленькими глотками; меня передергивает от горького вкуса.

Я вхожу в двери и сразу же погружаюсь в толпу школьников и еще непонятно кого. Там жарко, душно и громко, я ставлю свой пустой стаканчик на столик при входе и смотрю на мелькающие передо мной лица и направленные на меня взгляды. Направляюсь туда, где, думаю, найду его. Все футболисты будут висеть на бочке, на заднем дворе, где их не увидят полицейские и случайные прохожие. Это довольно глупо, так как в любом случае, все здесь ходят с красными стаканчиками. Никто не поверит, что в них сладкая, безобидная содовая.

Я направляюсь на кухню, где меня замечает Грег Паркер и свистит мне. Я улыбаюсь – есть на что посмотреть.

– Привет, Медвежонок Чарли. Я никогда прежде не видел тебя на вечеринках.

– Ну, теперь видишь, – говорю я, проскальзывая на кухонную скамью. Я беру у него его стакан и выпиваю, желая, чтобы меня не вывернуло.

Грег присвистнул, привлекая внимание двух других игроков команды Бивэрс, один из них Мэйсон. Он смотрит на меня и, не спеша, приближается, а я улыбаюсь над пластиковым стаканчиком Грега.

Мне определенно нужно больше пива, если я хочу пройти через всё это. Я трясую свой стакан, не беспокоясь о том, кто его наполнит. Грег с удовольствием берет его. У него тоже такой же взгляд, но он таит опасность. Нужно быть осторожной. Мне нужно покончить с

этим, но я должна сосредоточиться на одной цели. Я нацелилась на Мэйсона и знаю, что это правильный выбор.

– Хорошо выглядишь, – говорит Мэйсон, положив одну руку между моих ног и потирая своим большим пальцем кожу моего бедра. Я дрожу. Он думает, что это хороший знак. Он ничего не знает. Моё сердце колотится чертовски быстро, а рев крови в ушах конкурирует с шумом вечеринки.

Так как я не отстранилась из-за его не такого уж и тонкого намека, он осмелел. Его руки сжали мои бедра и скользнули немного выше, когда Грег вернулся с моим напитком. Я не ела с самого завтрака и уже после первых двух стаканов начала мямлить. Я осознаю опасность этого, но мне нужно заглушить чувство предательства за то, что я обманываю Нейта. Я никогда не называла его своим парнем, а он меня своей девушкой. То, что мы были вместе – было негласно. Я была его, а он моим. Но с этого момента – больше нет. Не после того, что я собираюсь сделать. Я беру напиток и выпиваю его залпом, будто умираю от жажды, хотя на самом деле я ненавижу алкоголь. Одним утром четверга Нейт напоил меня, чтобы отвлечь мое сознание от того, что должно произойти – меня рвало даже тогда, когда меня позвал папа.

В этот раз я буду умнее – не буду ждать так долго, и позволю Мэйсону отчаянно трахать меня.

Я наклонилась к нему, и его лицо оказывается в паре сантиметров от моей груди. Он такого же возраста, как и Нейт, и, полагаю, с такими же потребностями. Так что я ясно даю понять, чего хочу:

– Отведи меня наверх.

Он кивает, поднимает меня со скамьи и спускает меня по своему лобку, так что я могу почувствовать, насколько он на самом деле возбужден.

Меня отбросило в сторону, и мои бедра ударились о скамейку, заставляя меня визжать.

– Ублюдок, убери от неё свои руки, – кричит Нейт. Он кричит, ударяя Мэйсона изо всех сил по ребрам и рукам. Мэйсон съезживается и старается заблокировать атаку руками, но Нейт сходит с ума от ярости.

Я никогда не видела Нейта таким. Мне до смерти страшно, но все же я хочу его. Я облажалась. Я кричу Нейту, чтобы он остановился, но он не слышит меня, так как кричит и матерится на Мэйсона. Это моя вина. Я снова приношу людям боль.

Нейт снова заносит руку назад, и я хватаю её. Он гораздо сильнее, чем я думала – моё тело летит вперед, навалившись на Мэйсона. Ничего страшного, ведь это по-прежнему сработало.

Ужас искажает лицо Нейта, и он пялится на то, что произошло. Слёзы переполняют его глаза, он сгребает меня в объятия и целует. Он целует меня так сильно, что я не могу дышать. Отстраняется и прислоняет голову к моей шее, монотонно повторяя свои извинения:

– Мне жаль. Мне очень, очень жаль.

– Забери меня отсюда, – шепчу я, крепко обнимая его. Он выносит меня из дома, натыкаясь на людей до тех пор, пока они не остаются на расстоянии белого шума от нас. Он идет, пока я не слышу всхлип, который разрывает моё сердце, и обнимаю его крепче. Ни один из нас не говорит ни слова, пока он несет меня домой. Он не относит меня в мою комнату... Он относит в свою... И когда мы добираемся до его кровати, он нежно укладывает меня на спину и начинает целовать мою шею так, как мне нравится.

Все еще не произнеся ни слова, он целует мою кожу и его руки пробираются под мою

футболку к лифчику, и он сжимает его. Я хочу, чтобы он продолжал, но всё, о чём я могу думать – это его слова о том, что он не готов. Я, блядь, эгоистка, которая его не заслуживает.

– Нейт, нет, – я давлю на его плечи.

– Почему? – он напрягается надо мной, его глаза заволокло краснотой.

– Потому что ты не готов.

– Ха, но ты готова, – он усмехается и кривится. Я качаю головой.

– Нет. Да. Я с тобой. Я люблю тебя. Но ...

Он отталкивается от меня на кровати, запуская руки в свои волосы.

– Но ты хотела переспать с Мэйсоном. Ты, блядь, позволила ему прикоснуться к тебе! –

Рычит он и с силой ударяет по вещам на комод, с грохотом раскидывая их по комнате. Я вздрогнула, но знала, что он никогда не причинит мне боль. Я спрыгнула с кровати, чтобы удержать его, как повязку на раненной птице.

– Прости меня. Я просто больше не могу ничего у тебя забирать. Я хотела освободить тебя, и единственный способ, который, как я знала, сработает – причинить тебе боль. Я подумала, что если бы ты ненавидел меня – ты был бы свободен.

Он леденеет и жестко хватает меня за плечи. Его глаза темнее, чем когда-либо, полные глубокого мучения.

– Я свободен только тогда, когда я рядом с тобой. Я никогда не буду ненавидеть тебя. Я убью ради тебя. Я хочу быть с тобой, когда придет время.

– Я знаю. Но я хотела, чтобы это был мой выбор и мой подарок. Я не хочу, чтобы это было лишь потому, что я создана для этого. Я хочу подарить тебе себя до того, как право на выбор перестанет быть моим правом. Это всё, что у меня есть, – плачу я.

Нейт молчит, его дыхание меняется от неровного до своего рода судорожного.

– Я тоже не хочу забирать это у тебя. Я хочу всю тебя, я хочу, чтобы это был твой выбор. Ты говоришь, что хочешь выбрать до того, как он заберет у тебя эту возможность, но он уже отбирает её. Ты хочешь сделать это только потому, что должна. В этом у тебя нет выбора.

Он прав. Я смахиваю слёзы с щек.

– Тогда пусть это буду я, – говорит он. – Я люблю тебя, а ты меня. Я не хочу, чтобы у кого-то другого была возможность прикоснуться к тебе. Сегодня вечером я почувствовал ярость в себе, и это сильно напугало меня; я думал, что могу тебя потерять, и я не хочу почувствовать это когда-либо снова.

Он, как и я, делает глубокий вдох. Он проводит большими пальцами по моим влажным щекам, его руки такие теплые и мягкие на ощупь.

– Я хочу заняться с тобой любовью.

Я качаю головой. Он просто сказал это. Он шестнадцатилетний парень, который знает только о любви по принуждению.

– Позволь мне заняться с тобой любовью, – он притягивает меня к себе и целует так нежно, что я забываю всю боль и причины, почему мы не должны этим заниматься.

Чарли

Настоящее

Пол позвонил на работу и сказал, что я заболела. Перед тем как уйти на работу он поцеловал меня в щеку и велел оставаться дома и отдыхать. Он всегда ссылался на то, что я больна, потому что на мне оставались синяки и царапины, и у кого-то могли возникнуть вопросы. Это главная причина, почему он взялся за работу здесь. Нам пришлось переехать из-за того, что ходило слишком много слухов о моих «несчастных случаях». Ты можешь постоянно налететь на мебель и прослыть неуклюжей, но, несмотря на огромное количество вранья, люди все равно увидят правду.

Я пролежала в постели в течение получаса, прежде чем подняться и отправиться в ванную за обезболивающим. Однако посмотреть на себя в зеркало оказалось ошибкой. Я до сих пор всё та же женщина с отвратительной душой и грязными тайнами, но теперь я женщина с отвратительной душой, грязными тайнами и небольшим порезом на лбу. Я подтягиваю до шеи свою ночную рубашку, чтобы посмотреть на свои рёбра – темный синяк на моей нежной коже едва не доходит до бедра.

Большая часть одежды в моём гардеробе скрывает всё мое тело, потому что такую одежду предпочитает Пол. Поэтому мне никогда не приходилось сильно беспокоиться, если синяки появлялись в таких местах. Однажды он полностью потерял контроль и оставил следы от своей ярости на открытых частях тела, так что мне пришлось хорошенько подумать, как их замаскировать. Макияж мой лучший друг. Однако сегодня макияж не совсем то, что мне нужно.

Мне не нужно сегодня идти на работу, но я должна проведать Нейта. Это риск колоссальных масштабов, если Пол поймает меня. Сильная боль в моих мышцах и костях не дает мне забыть наказание за то, что я его огорчила. Я просто должна быть дома до семи часов вечера – проще простого. Кроме того, если я не пойду к Нейту, он может начать меня искать, а это гораздо, *гораздо* хуже.

Проглотив подступающий страх и отвращение к самой себе, я отправилась в душ, и позволила горячим обжигающим каплям удариться о мою чувствительную кожу. Я тру себя мочалкой грубее, чем мне нужно, и ругаю, чтобы успокоиться. Невозможно все контролировать, я знаю это лучше других. Я признаю и принимаю это каждой клеточкой своего тела.

У меня всё еще нет моей машины, и сомневаюсь, что она появится в ближайшее время, так что я решила пробежаться. Я люблю бегать. Это наказание для моего тела, которое в действительности я выбираю для себя сама, и наслаждаюсь им. Я надеваю кепку и протягиваю свой конский хвост через ее заднее отверстие, убедившись, что за кепкой не виден порез на лбу. Хватаю запасной комплект ключей и кладу их в свой карман. Глубоко вдохнув, выхожу на яркий солнечный свет Бивер-Дэма и иду по тротуарам закоулков города. Я не хочу, чтобы меня кто-то увидел, вдруг они обмолвятся об этом при Поле.

Я потею и дышу, как сумасшедшая, не обращая внимания на болезненное давление в груди и ребрах. Мой рот грязно-сухой, и впервые я жалею о том, что не взяла с собой бутылку воды. *Еще один идиотский поступок.* Я поворачиваю налево и достигаю угла своей улицы, где я жила в детстве, мои ноги замедляются, пока не перехожу на медленный шаг. Я

вижу его. Вижу своё прошлое в виде деревянных стен с отлупившейся на них белой краской. Я вижу свои кошмары в заколоченных окнах и в заросшем саду. Не знаю почему, но мои ноги несут меня в прошлое, испещренное трещинами и сорняками, проросшими сквозь бетон. Они приводят меня к месту, которое я никогда не хотела увидеть снова – моей входной двери. Нет! Это больше не *моя* входная дверь. Я давно сбежала из этого ада, он был чьим угодно, но не моим, поскольку государство оторвало меня от его мрака и от тех, кого я люблю.

– Чарли.

Я рыдаю и дрожу, поскольку слышу, что меня зовет мой отец. Почему он называет меня Чарли?? Я не хочу идти.

– Детка?

Я визжу от прикосновения руки к моему плечу и, поворачиваясь, обнаруживаю Нейта. Его глаза напряжены, и он кусает губу. Я расплакалась и бросилась к нему в объятия, где он всегда меня защищает. Смутно слышу мычание в промежутках между моими всхлипываниями и, вспомнив о его травмированном плече – отстраняюсь. Но он не позволяет мне отстраниться и вместо этого прижимает меня крепче. В это раз я чувствую боль от наших объятий в своих болезненных рёбрах. Но эта боль ничто по сравнению со звуком его рыданий по тому, что мы утратили в кошмаре нашего прошлого. Он потерял гораздо больше меня, и я никогда не прощу себя за это. Моя жизнь строится из глыб вины такой же холодной, как и здешний воздух. Моя душа, сердце, тело и любовь – слишком холодны. У меня нет ничего теплого и хорошего, чтобы дать, и поэтому, в конечном итоге, я с таким человеком как Пол, а не с таким мужчиной как Нейт. Вот почему я счастлива остаться там, где безопасность основана на знании правил.

Пол – моё напоминание. Несмотря на то, что он хорош для общества, он монстр. А монстры привлекают себе подобных. Нейт, наоборот, был втянут во тьму, его вынуждали делать тёмные вещи, пока он был сломан и потерян, а потом его забрали, чтобы восстановить.

– Всё в порядке. Всё будет хорошо, – шепчет он мне на ухо, но это неправда. Никогда ничего не будет хорошо. Я так сильно хочу, чтобы всё было хорошо, чтобы всё вышло иначе, но это не так.

– Нейт, – шмыгаю носом я, пытаюсь взять себя в руки ради него и себя.

– Пойдем.

Я киваю, он целует меня в висок через кепку, которая скрывает мой порез. Он сопровождает меня по пути от дорожки к траве, и я не удивлюсь, если это он косит газон. Косит ли он его каждый раз, когда косит газон Ноны? На самом ли деле он чувствует боль, когда находится рядом с домом, остатками гаража и нашим прошлым?

Лишь после того, как я сильно попадаю пальцем себе в глаз, и боль уходит через солёные слёзы, я замечаю, что мы идём не в дом, а на наше место. Вниз по задней границе нашего двора, которая ведет к старой ферме Лестеров. Это наше дерево, наше безопасное место, единственное место, куда не вторгнулся папа. Это было наше безопасно место, где я ждала, надеялась и мечтала о том, что на сей раз он меня не позовет.

Такого не случалось никогда.

Нейт убирает руку с моего плеча, скользит пальцами вниз по моей руке и переплетает их с моими так, как он привык. Я смотрю на наши руки, его рука по-прежнему гораздо смуглее моей, а теперь еще и выглядит гораздо сильнее. Я изучаю татуировку из

замысловатых узоров, вьющихся вверх по руке и нутром чувствую, что в них есть смысл. Я хочу спросить, но не буду. Вместо этого я молча наслаждаюсь нашим небольшим контактом и позволяю ему вести меня в тень нашего клёна. Он тянет меня на землю рядом с собой. Я едва не села к нему на колени, прежде чем вздрогнула от осознания того, что теперь всё иначе.

Он присел, боль в его плече по-прежнему очевидна, когда он прислоняется к дереву. Какое-то время мы сидим рядом в тишине, просто наблюдая, как он большим пальцем водит по моей руке.

– Я скучаю по тебе, – тихо говорит он. Я чувствую его взгляд на своем лице. Мне страшно смотреть в его красивые карие глаза, поскольку он увидит темноту в моих. Я уже не та девочка, с которой он привык столь ласково говорить под этим деревом.

– Я тоже по тебе скучаю, – говорю я, закрыв глаза, и облакачиваюсь на его здоровое плечо.

– Посмотри на меня, Чарли.

Я не хочу... нет, это огромная ложь. Я хочу, просто не могу. Качаю головой и зарываюсь сильнее в него, радуясь его здоровому плечу.

– Мне нужно, чтобы ты посмотрела на меня, – он берет меня за подбородок большим и указательным пальцами и осторожно поднимает мою голову. Я должна не замечать козырёк кепки, чтобы не видеть его реакцию, когда он снимает её с моей головы. Мне нужно отвести мой взгляд и отвернуться, прежде чем у него появится шанс увидеть порез. Всё это происходит очень быстро и моё сердце, бешено колотясь, замирает в горле.

– Что, блядь, произошло? – Нейт держит моё лицо в своих руках, наклоня мою голову так, чтобы лучше рассмотреть небольшой порез. Я дёргаю его запястья, но он не смягчается.

– Как это произошло? – он снова набрасывается на меня. Если я не возьму эту ситуацию под контроль – она очень быстро обострится.

– Я поскользнулась в душе, – считаю, что проще остановиться на полуправде.

Он застывает и, на мгновение, я думаю, что он купился на это, как сделало бы большинство. Потом он снова поворачивает к себе мою голову так, что мне остается только смотреть ему в глаза, которые взывают ко мне.

– Повтори, – говорит он, подзадоривая меня снова солгать.

– Я поскользнулась... – я прижалась к сухой, травянистой земле, не обращая внимания на ожесточенные и оскорбленные глаза Нейта, сверлящие меня. Моё сердце, как и его, вышло из-под контроля – я чувствую это. Его руки держат мою голову с обеих сторон, и я могу себе только представить, сколько боли это доставляет его плечу.

– Пожалуйста, твоя рана может разойтись.

– Меня это не ебет. Повтори еще раз, – рычит он, и я содрогаюсь. Я не дрожу от страха как когда рычит Пол. Это нечто более первобытное. Я хочу, чтобы Нейт потерял самообладание со мной. Я хочу его коснуться. Я хочу, чтобы он... оставил свой след на мне.

– Я ... совершила глупость. И заплатила за это.

Лицо Нейта сокрушается от мучительной боли, и я чувствую, как мои слёзы падают на волосы. Я снова ранила его.

– *Сукин сын*, – шепчет он.

Я качаю головой, он должен знать, что всё не так, как он думает. Я заслужила наказание.

– *Сукин сын!* – на сей раз – он кричит. Я хватаю его лицо, но оно выскальзывает из моих

пальцев, когда он отталкивается от меня и ходит взад-вперёд, рыча и ругаясь. Он ударяет кулаком ствол нашего дерева, чуть ниже наших вырезанных имен. Я кричу и поднимаюсь на ноги. Закрываю Нейта в медвежьих объятиях со всей своей любовью и силой. Он отталкивает меня, но я борюсь со всех сил. Я продолжаю крепко удерживать его, а он рычит громче, пока не вздрагивает в моих руках. Захватывает меня в объятия и сжимает до такой степени, что я не могу дышать. Но это приятная боль, я нуждаюсь в ней, когда он теряет самообладание в моих руках и утыкается мне в шею. Я чувствую его слёзы на своей шее, и на сей раз говорю ему то, что ему нужно услышать.

– Тсс, всё будет хорошо. Всё будет в порядке. Я обещаю, – я утешаю его и лгу.

Он проводит своей рукой вверх по спине к моему затылку. Давление его рук, его хватка – отчаянны, и я хочу забрать его боль. Я делаю это единственным известным для меня способом.

Я нежно целую его шею, крошечные колючки его щетины щекочут мои губы. Чувствую солёный вкус его кожи на своих губах, и что-то во мне оживает, что-то давно забытое. Я хочу большего... хочу вспомнить... хочу почувствовать.

Нейт спокоен в моих объятиях до тех пор, пока его медленное дыхание не начинает меняться, и я ощущаю, как его колючие щеки задевают мои на пути к моей собственной шее. Его влажное дыхание вызывает у меня мурашки в предвкушении прикосновения его губ. О, Боже. Я хочу, чтобы его губы коснулись моих, хотя бы еще раз.

Я, как и он, тяжело дышу, наши грудные клетки вздымаются вразнобой, пока его губы не встречаются с моими. Нейт стонет, а я задыхаюсь и еще больше наклоняю голову для лучшего доступа. Он проводит своим языком по пульсирующей вене на моей шее вверх до уха, где звук его дыхания как шторм проходит по всем моим чувствам. Я хватаюсь за его серую футболку, когда он берет меня за подбородок и запускает пальцы в волосы. Прежде чем я могу сделать еще один вдох, наши рты сливаются, и я пропадаю. Я погружена и потеряна в сущности Нейта и в его устах; его язык, лаская и захватывая, занимается любовью с моим. О, Боже, как я скучала по его поцелуям. Земля уходит из-под моих ног, когда он захватывает мой рот своим. Я чувствую ствол дерева, прижатый к моей спине и его кору, впившуюся в мою плоть, но мне на это плевать. Всё, что меня заботит – уступчивость и податливость губ напротив. Меня заботят его руки на моей шее, в моих волосах – тянущие, захватывающие и толкающие нас обоих за рамки дозволенного, но нам наплевать и на это.

Мои руки нащупали кожу над поясом его черных джинсов, и я устремляю руки к его лопаткам, ощущая пульсацию его мышц под своими ладонями. Моя грудь все еще болит, но мне наплевать. Я могла бы упасть замертво прямо сейчас и всё, что меня бы беспокоило – факт того, что это нанесет вред его душе.

Нейт хватает и сжимает мою грудь, заставляя меня стонать и снова искать его рот. Я испытываю боль всем телом. Но самое важное то, что я впервые со времени нашего прошлого чувствую тянущую боль между моих ног. Я влажная и нуждаюсь, чтобы он утолил моё желание своим твердым членом, толкающимся в мой живот через одежду.

– Черт, – мычит он, когда я беру его член руками и сжимаю. Я чувствую, как он пульсирует в моей руке, и мне нравится его сила и отчаяние, которые я в нем вызываю. Мы не изменились в том, в чём рассчитывали... Мы должны были переступить через свои чувства и оставить все в прошлом. Я вожусь с кнопкой на его джинсах, пока не расстегиваю её, звук расстегивающейся молнии проносится сквозь шум листвы. Я не могу сдерживаться, скольжу рукой в его штаны и, минуя эластичную резинку его трусов, беру его член в руку. Он

стонет и жестче прижимает меня к дереву, а свой рот к моему. Затем опускается ниже, вне моей зоны доступа, целуя мою шею и грудь. Он крепко её держит, всасывая, через ткань мой жаждущий его внимания, сосок. Я запускаю свои пальцы в его волосы, дергая и сгребая – желая большего, когда он становится на колени и поднимает мою рубашку. Что-то во мне понимало, если он снимет мою рубашку – этот воображаемый мыльный пузырь лопнет. Я отталкиваю его руки, которые принялись за пояс моих беговых шортов, и в одно движение они оказываются на моих лодыжках. Он откидывается назад, и я немного паникую, прежде чем вижу голод в его глазах, когда он смотрит на мою обнажённую промежность. Я знаю, что он хочет сделать, и он ждёт моего одобрения. Я облизываю губы и притягиваю руками его голову, сжимая его тёмные волосы. Я не смогла бы остановиться, даже если бы захотела.

Он кусает губы, словно голоден. Его руки впиваются в кожу моих бёдер, а его горячий рот набрасывается на мое влажное лоно. О, Боже, его язык скользит между моих половых губ и щёлкает по моему клитору. Я выгибаюсь дугой от одного прикосновения его языка. Я могу почувствовать, как он улыбается, когда овладевает мной под деревом, и пытаюсь переместить свой вес на его здоровое плечо. Он снова щёлкает и скользит своим языком по моей влажной щели, сжимающейся без чего-то внутри и нуждающейся в большем. Он упивается мной, целует меня, раздвигая мои ноги шире, чтобы иметь возможность трахать меня своим языком до тех пор, пока я не могу больше себя сдерживать и достигаю оргазма. Я кончаю и дрожу, как никогда раньше.

– *Нейт ...*

Прежде чем я осознаю, чем это закончится – повисаю в воздухе и мои ноги обернуты вокруг талии Нейта. Он поворачивается, сползая спиной вниз по дереву, и затем я седлаю его. Я хватаюсь за его член, нуждаюсь, чтобы он был внутри меня, заполняя меня. Его губы повсюду на моем лице и моей шее. Он приподнимает меня, и я направляю его член к своей промежности, отчаянно желая его, и позволяю скользнуть ему между губ, дразня головкой мой набухший клитор. Он смотрит в мои глаза, а затем снимает резинку с моих волос, позволяя им рассыпаться каскадом вокруг моего лица. Я не хочу смотреть в его глаза, я не хочу, чтобы он увидел ужасную правду и демонов, которых я ношу в себе. Не хочу, чтобы он понял, что он единственный мужчина, с которым я когда-либо делала это. Я говорю не о сексе. Пол трахает меня, когда ему это нужно... я говорю о том, что Нейт заставляет меня терять контроль, влажнеть от развратных желаний, а моё сердце, душу и разум – парить от любви. Я не могу дать ему надежду, что это повторится, потому что это не моя жизнь... и эта жизнь не должна быть его жизнью.

Без малейшего труда мой пузырь лопнул.

– Что? – в панике спрашивает он, когда я вздыхаю и отталкиваюсь от его колен. Я влажная, грязная, потная и мне чертовски холодно, несмотря на летний зной и страстные поцелуи, которыми мы только что обменялись. Мне холодно, потому что это соответствует моему будущему – холодному, без страсти и любви. Я не заслуживаю этой красоты.

– Я должна вернуться. Я должна... идти. – Я быстро надела трусики и шорты, не забываясь о прилипших сухих листьях и грязи.

– *Что?!* – Он хватается за меня, когда я натягиваю своё бельё и шорты, не обращая внимания на то, что его собственные штаны свалились к лодыжкам.

– Идти куда?? К нему? К нему?! – Он трясет меня, я поворачиваюсь и убегаю, прежде чем он сможет схватить меня. Я грёбаная трусиха, но я не могу объяснить ему этого. Он видит во мне кого-то прекрасного и любящего, но это ложь.

Он пытается схватить меня, но спотыкается о свои штаны:

– Блядь!

У меня есть несколько секунд в преимуществе, прежде чем он поднимет их и пойдет следом. Любая беготня вызовет мучительную боль в его плече, и это также замедлит его. Я и не подозревала... как мало времени у меня было. Я не сделала и двадцати шагов, когда он, пронзительно крича, схватил меня за талию и несессер на ремне. Я брыкаюсь и визжу в воздухе, пока не выбиваюсь из сил, всё, что остается – мои слёзы на фоне его тяжелого дыхания и хрипов на моём затылке, когда он прижимает меня к себе.

– Я собираюсь отпустить тебя... не убегай.

Он ожидает моего согласия, и я киваю. Затем ослабляет свою хватку и поворачивает меня лицом к себе.

– Ты не можешь вернуться к нему, Чарли.

Он нежно вытирает мои щеки и убирает волосы с лица. Он слегка касается моего пореза и его челюсть сжимается.

– Он больше никогда к тебе не прикоснется и не сделает тебе больно, я обещаю.

Нейт проводит большим пальцем по моим губам. Я хочу поцеловать его, но не стану этого делать.

– Не произноси такие вещи.

– Почему?

– Потому что сейчас это невозможно.

– Когда мы вместе – нет ничего невозможного. Мы боролись с невозможным и победили, – он вздыхает и ударяется своим лбом о мой.

Я качаю головой, потому что он не прав. Мы не победили. Никто не победил.

– Не отрицай. Не отрицай того, что было предопределено. Мы заслуживаем быть вместе после всего, что произошло. Я не смог уберечь тебя от всей боли, когда мы были детьми, но я больше не ребёнок, и могу тебя защитить.

Я нападаю и целую эти прекрасные губы, которые обещают такое сказочное будущее для нас. Я пробую свой вкус на его губах и проклиная сильное желание в моём животе. Я отстраняюсь и смотрю в эти глаза, в которые влюблялась снова и снова, когда была ребёнком, прежде чем узнала, что такое любовь.

– Ты хочешь спасти меня, но ты не можешь спасти то, чего больше не существует, – шепчу я, глядя на него. Я вижу его замешательство, боль и ненавижу себя еще больше.

– Ты вновь показал мне, каково это – любить и чувствовать впервые. Но, если уж на то пошло – я никогда не заслуживала этого. Я заслуживаю жить, чтобы потом умереть после этой медленной, уродливой жизни из-за всех совершенных мною грехов. Это мой ад и моё королевство, и я думаю, что заслуживаю всего, что делает Пол. Ты при этом красив, как внутри, так и снаружи, и заслуживаешь гораздо большего.

Я отступаю, но он дотягивается до меня, собираясь озвучить свои возражения.

– Ты не можешь спасти меня, – повторяю я, продолжая отступать. В этот раз Нейт не следует за мной. Он стоит там, наполненный болью и потерей, а я поворачиваюсь и убегаю.

Мы наконец-то попросились так, как должны были попроситься 11 лет назад. Мы наконец-то разделили последний кусочек нас и мне больше нечего ему дать. Сегодня он сделал мне подарок – дар выбора, который был мне малоизвестен. Я выбрала поделиться с ним маленьким кусочком себя, не боясь, что у меня это отберут. Я бы хотела заняться с ним любовью, но это разбило бы его – я бы забрала у него всё. Теперь это мой подарок ему –

отпустить его, прежде чем я снова заманю его в ловушку.

Нейт

Настоящее

Я хочу догнать её, схватить, поцеловать и заставить узреть смысл во всем этом. Она так далека от дикой и свободной женщины, которой я хотел, чтобы она была, которую я надеялся найти после всего этого времени и жертв.

Не знаю почему, но мои ноги привели меня к каркасу ада. Я стою на плите, которая когда-то была гаражом отца Чарли. Это место, где я потерял любовь всей своей жизни и свою невинность. Я говорю не о девственности. Во всяком случае, её мы лишились самостоятельно. Я говорю о неограниченной детской наивности. Что-то вроде веры в Санту, пасхального кролика и в то, что взрослые – наши защитники. В определённый день я взял Чарли за руку и последовал за ней к этой чёртовой бетонной плите, и тогда я узнал, что мир был наполнен тьмой, которая преследовала всё хорошее в нём.

Я стою на том месте, где он сидел бы и мастурбировал в свои штаны. Я стою здесь и представляю Чарли, сидящую у меня на коленках на старом односпальном диване, готовую для меня выполнять наше грязное рутинное дело. Да, это стало ни больше, ни меньше – рутинной. Мы выросли, чтобы знать, что делать, и мы сделали это. Но кое-что перестало быть рутинным – мы стали наслаждаться происходящим. Я присаживаюсь на пол и закрываю глаза от отвращения, вызванного моими воспоминаниями и тяжестью в яйцах. Я не хочу чувствовать это. Я не хочу помнить это, потому что это сверхбезнравственно и свертотвратительно. Когда я вышел из тюрьмы, то вернулся домой к Ноне и Дейву. Но той ночью, когда пошел спать, я не мог перестать смотреть в своё окно, зная, что её дом был рядом. Здание, которое забрало мою жизнь и любовь, стояло нетронутым, в то время как мы были вынуждены столкнуться с обломками, оставшимися от наших жизней.

Я не смог справиться с этим. Во тьме ночи я побежал из комнаты в сарай, схватил канистру с бензином, спички с полки и бросился к гаражу Чарли. Я больше не бежал – я шёл с целью и злостью, одержимый жаждой мести. Я облил каждую чёртову стену, разбил старое окошко в двери, забрасывая внутрь канистру с остатками бензина. Поджёг спичку и долгое время наблюдал, как маленький красный огонёк догорал практически до моих пальцев. Я не думал, правильно я поступаю или нет. Я думал – смогу ли я окончательно попрощаться с Чарли и нашей историей при помощи одной спички.

Я наблюдал за дымом от горящей спички, извивающимся спиралью в воздухе, а затем сделал самый длинный вздох в своей жизни, когда увидел, как огонь достиг лужи бензина и взревел полный жизни.

Я наблюдал, как он бесконтрольно распространялся по остаткам нашего прошлого, пока не достиг единственного предмета мебели. Я никогда не пойму свой следующий шаг. Я цепляюсь за дверь, нуждаясь в том, чтобы вытащить тот диван на улицу. Я не мог сжечь его, только *не его*. Дверь была заперта, жар уже проник в древесину и стальную ручку. Я отшагнул назад, подготовился к приступу боли в плече и протаранил дверь. Она поддалась намного легче, чем я думал, то ли из-за древности, то ли из-за пожара – не знаю. Однако я оказался на земле и в огне, когда услышал крик позади меня. Моя одежда горела, и крики позади меня становились всё громче. Я не знаю, каким образом это случилось, но я катался по траве и ел её. Жар был интенсивнее, чем от любого огненного взрыва. Ревущий шум и

треск заполнили мои уши, я не мог слышать даже своё собственное дыхание.

Нона и Дейв оказались в поле моего зрения, когда я окончательно встал на ноги, у обоих текли слёзы из глаз, и мерцание огня отражалось на их коже. Я посмотрел через плечо на то, что я сделал – огонь разрастался и диван, который я отчаянно хотел спасти... сгорел, едва не расплавившись. Мне пришлось отступить – становилось невыносимо горячо, но с каждым шагом мои плечи трясло. Я был двадцатитрехлетним парнем, но рыдал, как потерявшийся ребёнок. Рыдания охватили меня так сильно, что это причиняло боль. Я упал на колени и смотрел, как горят и плавятся наши демоны.

Я почувствовал руки на плече – Нона поцеловала меня в голову, моя семья стояла рядом со мной, позволяя мне горевать. Но я не хотел их. Насколько это эгоистично? Я хотел её, хотел вернуть всё назад, даже если бы нам пришлось терпеть боль и ежемесячно страдать от предназначенного свидания. Я хотел бы отменить то, что только что сделал, и хотел... Я просто хотел её.

Крыша провалилась внутрь, угли и пламя вспыхнули в нашу сторону. Именно тогда я очнулся от тьмы своего эгоизма. Дейв плакал, лежа на земле, прикрывая голову. Он не был ранен, но происходящее было слишком тяжёлым для него, и это была моя вина. Я сделал это с ним. Я снова причинил боль тем, кого люблю. Я подскочил к брату, в то время, как Нона гладила его по спине, и смотрела на меня убитыми от горя глазами. Я знаю этот взгляд, очень хорошо его знаю. Это взгляд-обвинение. Долгое время мы все были чертовски озабочены виной, и это убивало нас. Именно тогда я осознал, что должен остановиться.

Более пяти лет назад меня силой лишили лучшего друга. Она была вырвана из моих рук со следами крови на шее и лице, промокшем от слёз. Она тянулась ко мне, кричала, когда меня засунули на заднее сидение одной полицейской машины, а её посадили в другую. Нона и Дейви рыдали у дома Чарли, некоторые офицеры пытались задать ей вопросы, но она была не в состоянии на них ответить.

В тот день все кого-то потеряли.

Последней потерей было то, что как только я отвернулся от огненного столба и увёл Нону с Дейви домой, приехали пожарные и спасли дом. Гараж не уцелел – он сгорел практически дотла, но дом отделался незначительными повреждениями.

К сожалению, вред, который я причинил своей семье, не исправить при помощи пары деревянных планок и незначительного количества краски.

Уже сейчас, проводя пальцами по трещинам в бетоне, измученном огнем, я осознаю, что сжигание этого гаража абсолютно ничего, блядь, не изменило для человека, который нуждался в этом больше всего. Для меня это был поворот назад, тогда как для неё... Чарли была потеряна, облажалась по полной из-за чувства вины и упрёка, без чьей-либо поддержки. Спустя одиннадцать лет, будучи оторванной от всего, что она знала, она была более разбитой и опустошенной, чем прежде.

Смерть её отца была чертовски напрасна. Я сделал всё... зря.

Чарли

Настоящее

Я бегу домой. Бегу быстрее, чем когда-либо бегала в своей жизни, пока не добираюсь до дома и не рву желчью в свой палисадник. Не знаю, есть ли у меня соседи, которые находятся дома в течение всего дня, так как я держусь обособленно. Но, если они и есть? Не хочу, чтобы они беспокоились о моём самочувствии или звонили шерифу. Поэтому я столь быстро

иду к входной двери, что на втором шаге спотыкаюсь и повреждаю колено.

Я оборачиваюсь – никого нет, но взбираюсь по ступенькам, будто от этого зависит моя жизнь. Провозившись с замком, вваливаюсь в дом, хлопнув дверью позади меня. Я сажусь на прохладный деревянный пол подо мной, мой пот капает вокруг меня, и моё тело трясёт. Оно дрожит от страха, шока и, скорее всего, от небольшого обезвоживания. Я ползу по полу и кожей наслаждаюсь его гладкостью, пока моё колено не начинает протестовать сильнее, и тогда я поднимаюсь на ноги. Чувствую себя вялой и уставшей, мои кроссовки практически волочатся по полу, потому что мои мышцы не способны на что-либо другое. У меня просто нет сил.

Ванная комната светлая, но холодная, кафель жесткий и, тем не менее, прекрасно ощущается моей кожей, когда я прислоняюсь к стене и закрываю дверь. Я так устала. Устала от всего, что не могу или просто не хочу изменить. Грязная и насквозь промокшая, я провожу пальцем по стене и включаю душ, только холодную воду – горячая мне не нужна. Я ступаю под душ в одежде и все.

От смертельно-холодной воды у меня перехватывает дыхание, и я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не отступить в угол, где струя воды меньше. Задыхаясь, тяжело опускаюсь на пол и подставляю лицо к льющейся воде, открывая рот и позволяя ей заполнять, переполнять его и стекать по подбородку вместе с остальной частью жидкости. Я пью её, заполняя желудок, но мой язык требует больше. Я позволяю ей просто вытекать и заполнять, пока необходимость правильно дышать не берет верх.

Опуская голову, я поджимаю колени к груди, ощущая напряженность в ребрах, в области синяка. Я смотрю на свою вздымающуюся грудь, промежность, которая хранит грязное желание, и чувствую вину за произошедшее сегодня. Сегодня я бы в мгновение ока переспала с Нейтом, как и в любой другой день. Он моя семья. Нет, нет, нет. Нейт больше не моя семья. Пол моя семья, или должен ею быть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я была насквозь влажной для Нейта задолго до того, как он прижимался к моей киске, и я бы позволила его члену заполнить меня, если бы меня не отрезвило чувство вины. Всё, что касается вины и стыда, подобно смоле – прилипает.

Я хочу, чтобы всё было иначе. Я хотела бы спастись от липкого греха или монстра, с которым живу и делю постель каждый день, но я заслуживаю жизнь, которой сейчас живу. Я позволяю воде переполнять меня и смывать прочь память о единственном человеке, которого люблю.

Я стягиваю кроссовки, полные воды и выбрасываю их из душа с мокрым глухим стуком. Стою, держась руками за гладкую плитку, и начинаю избавляться от скользкой одежды, прилипающей к моей коже, также выбрасывая её из душа. Но этого недостаточно. Я до сих пор ощущаю его на себе – его мягкие губы на моей шее, поэтому беру мочалку и мыло и начинаю тереть себя. Я не заслуживаю его в своей жизни, и не могу позволить себе жить с воспоминанием о том, как сильно хотела заняться с ним любовью, будучи взрослой. Пол узнает. Он почувствует его запах на мне, и затем он... Я намыливаю и тру себя, пока не достигаю промежности, которая всё еще пульсирует для Нейта.

Я чувствую облегчение, когда провожу мыльной мочалкой по своему набухшему клитору. Моё дыхание прерывается, и я задыхаюсь, лицо Нейта заполняет моё сознание. Я представляю его пальцы, скользящие по мне страстно и не разочаровывая меня. Прежде чем я осознаю, что делаю – ласкаю свой клитор пальцами и мочалкой, пока не откидываюсь

назад и не прижимаюсь спиной к стене, снова задыхаясь. Не от страсти, холодной плитки или наслаждения из-за физической необходимости в нём, а от отвращения. Мой старый друг послал мне тень чувства, которое я хорошо знаю и приветствую. Я не заслуживаю ничего другого и всё же, каждый раз, когда думаю о Нейте, я хочу больше, чем мои тени могут дать мне.

Я хочу просить большего – свободу и обещания, которые он давал мне в нашей молодости. Однако я не свободна и вряд ли когда-либо буду такой. Свобода для хороших или заслуживающих её людей, даже, можно сказать, счастливчиков. Нет, свобода не для меня. С того момента, как я взяла Нейта за руку и привела его к отчаянию – я потеряла данное Богом право, так как забрала это право у него.

Я ненавижу себя за то, что сделала с ним – обернула его любовь ко мне в нечто темное. Он любил меня больше, чем я любила его...а, может, просто по-другому. Я любила его больше всего в целом мире. Но если бы это была истинная любовь, я бы никогда не впустила его в ад, которым является моя жизнь. В то же время, он делал всё бескорыстно. *Всё.*

А затем его забрали у меня, из моей тюрьмы в его собственную. В то время как меня направили в приёмную семью, его доставили в следственный изолятор, а впоследствии в тюрьму. Пока я переходила от семьи к семье, его семья была лишена его. Весь этот балаган произошёл из-за меня, из-за моей эгоистичной любви, из-за того, что я позволила ему быть бескорыстным.

Чарли

16 лет

Я наблюдаю, как нож скользит по коре ствола дерева. Нейт делает последние штрихи, а я не могу перестать улыбаться, наблюдая, как напрягаются мышцы его руки, когда он помечает наше дерево.

– Ну, как тебе? – спрашивает он с торжествующей улыбкой, глядя на меня сверху вниз. Я лежу на спине, легкий ветерок играет с нашими волосами.

– Ты прекрасен, – говорю я, зная, что он будет упираться.

– Сколько раз я должен говорить тебе, что парни не прекрасны?

Я хихикаю, когда он наклоняется и убирает с моей груди упавший листок. Я слегка вздрагиваю из-за того, что он задел мой сосок своей рукой. Моё тело хорошо знает его и отзывается на его прикосновения. Мы так долго были близки друг с другом, но сексом занимались всего около года.

Это наше, и никто не может отобрать это у нас.

Он обращает внимание на мою реакцию и слегка клацает зубами. Так происходит, когда он сдерживается. Это один из признаков. У него их несколько. Я не потянусь к нему, несмотря на то, что хочу... я хочу, чтобы для разнообразия он начал первым. Такое чувство, что это я всегда провоцирую нас на большее... будто он всегда воздерживается. Я не хочу, чтобы он сдерживался, когда мы вместе. Но понимаю, почему он бездействует, предоставляя это мне. И за это я люблю его еще больше. Он всегда предоставляет мне право выбирать физический контакт, но не понимает одного – я должна была бы уйти, если бы уже не выбрала его и наши отношения. Я должна уйти. Правда, это совершенно разные доводы.

Большую часть времени мы играем в эту «выжидательную игру» и, как правило, мне выпадает брать его руку и прижимать к себе, будто давая ему зелёный свет. Однако сегодня я просто хочу, чтобы он почувствовал это – понял, что я приму его, всякий раз, когда он

захочет меня.

Папа многое отобрал у нас и это в том числе.

Раньше я считала, что только по третьим четвергам месяца папа срывает разделённую мной и Нейтом любовь, и оскверняет её, но знала, что это бремя мы будем постоянно нести за собой. Я вижу тень сомнения в его глазах, когда мы смотрим друг на друга так, как сейчас. Мы связаны с подобным демоном и, если вы внимательно посмотрите в наши глаза, увидите, что он присутствует в них.

Сверчки громко стрекочут свою песню, и напряжение между нами трещит ей в унисон. Нейт поддается, а я, заметив это, прикусываю нижнюю губу и стараюсь сосредоточиться на движении грудью при вдохе-выдохе, что возбуждает его желание. Мои соски соблазняют его сквозь моё красное цветастое платье и хлопчатый бюстгальтер, требуя прикосновений его губ.

Я едва не ахнула, когда его пальцы начали расстегивать маленькие пуговицы моего платья. Его глаза ищут мои, а я облизываю свои губы, когда он расстегивает первые три пуговицы. Потом еще и еще, пока не смог расстегнуть платье до половины, чтобы подставить меня под лучи солнца, пробивающиеся через густую листву в ветвях нашего дерева. Он не прикасается к моим возбуждённым соскам, он просто смотрит, как слишком быстро и резко вздымается и опускается моя грудь. Крошечный серебряный крестик, подаренный Ноной на моё 16-летие, поблёскивает на моей коже. Нейт поправляет его прежде чем опустить голову, и поцеловать кожу между грудей, где лежит крестик. От его влажного и жаркого дыхания у меня на коже появляются мурашки.

Я чувствую, как он улыбается, и немного смеюсь, но при этом, как могу, стараюсь не шевелиться. Я хочу, чтобы он продолжал, потому что мне это нравится. И тогда он делает нечто, что заставляет всё моё тело трепетать. Он проводит языком по контуру моего бюстгальтера, пока его пальцы оттягивают ткань, и захватывает губами мой сосок.

Спокойствие и контроль, проваливайте. Я запускаю пальцы в его темные волосы и, выгибаясь дугой, заставляю его стонать. О, Боже, я люблю этот звук, он творит со мной что-то невообразимое.

– Шарлотта, – папин голос эхом проносится по всему поместью, заставляя нас вскрикнуть и вскочить с места. Мы, как загнанные олени, смотрим вдаль мимо низко висящих, скрывающих нас веток, в сторону дома и гаража.

– Сейчас не время, – шарахаюсь я. – Почему он зовёт нас из гаража? Сегодня не четверг! Даже не та неделя!

– Чарли, посмотри на меня, – Нейт берёт меня за руку и сжимает её.

Я не могу. Мои глаза сосредоточены на гараже, ожидая снова услышать его голос, ожидая его гнев из-за моего медленного реагирования на его зов. Я никогда не опаздываю. Я всегда немедленно иду к нему, чтобы осчастливить его.

– *Чарли*. Посмотри на меня, немедленно, – требует Нейт. Он никогда не требует, он всегда просит. Я окидываю взглядом его глаза; они необычные, практически испуганные. Он никогда не боялся; он всегда был моей опорой, когда я слышала, что отец зовёт меня.

– Что бы ни случилось, просто смотри на меня, прямо сюда, – говорит он, указывая на свои глаза. – Поняла?

– Хорошо. Я не знаю, смогу ли, но постараюсь.

– Чарли, скажи мне, что ты поняла.

– Я поняла, – шепчу я.

Прежде чем встать и помочь подняться мне вместе с ним, он берет моё лицо в свои руки и быстро целует в губы, а затем нежно в лоб. Он возится с пуговками на моём платье, а затем берёт за руку и ведет к гаражу.

Эта прогулка всегда огорчает меня и более чем слегка пугает, но мы всегда знаем, чего ожидать. Сегодня – первый раз на моей памяти, когда мы не знали, чего ожидать и страх был сильнее, чем когда-либо. Трава хрустела под нашими ногами, и притихли сверчки. Даже они боялись того, что произойдёт.

Боковая дверь, как обычно, была открыта. Только на этот раз вместо того чтобы вдвоем войти в тускло освещенную комнату, Нейт тянет меня в сторону от наружной стены. Он сделал это так быстро и сильнее, чем намеревался, что воздух со свистом вылетел из моих легких и рта.

– Прости, – шепчет он в спешке, – я хочу, чтобы ты осталась здесь. Ты понимаешь меня?

– Но ты сказал не отводить взгляд.

Схватив меня за плечи, он слегка встряхивает меня. Я чувствую, как в моих глазах собираются слёзы.

– Я передумал, – говорит он. – Я хочу, чтобы ты осталась здесь. Скажи мне, что ты поняла.

– Я поняла, – говорю я машинально.

– Скажи мне, что ты будешь делать то, что я скажу.

Моё дыхание частое в отличие от его глубокого.

– Буду.

Он целомудренно целует меня, сжимает мои плечи и ныряет в гараж, оставив меня слушать и ждать.

– Где Шарлотта? – слышу я папин вопрос.

– В безопасности, – говорит строго Нейт.

– Чтобы это могло значить, парень?

– Это значит, что она в безопасности от тебя. Это... это прекращается. Ты не будешь трогать её или просить делать что-либо, чего она никогда не захочет сделать снова.

Папа посмеивается, но это жесткий смех, даже злой.

– Она всегда хочет. Ты думаешь, я, черт возьми, слеп? Она хочет тебя. Вы трахаетесь с утра до ночи; разница здесь в том, что она моя дочь и мне нравится наблюдать. А ей нравится, что я наблюдаю.

Меня тошнит. Я собираюсь вывернуться.

– Ей это чертовски не нравится, ты мудака. Она делает это, потому что ты промыл ей мозги. Она делает то, что ты ей говоришь, потому что она запугана. Я уверяю тебя, она больше не будет делать что-либо для тебя. Если ты снова попытаешься, я *пойду* в то место, куда ты никогда не захочешь меня пустить, и донесу на тебя. Все твои коллеги, твои заместители услышат правду о том, какой ты больной ублюдок и закроют тебя навсегда.

Я не могу дышать. *Вернись, Нейт. Стоп!* Я хочу закричать, но он делает то, что мы так долго хотели сделать... Всегда ли я хотела остановиться?

– Ты чёртов молокосос! Если ты хоть душе проболтаешься, я увезу её. Увезу её далеко от тебя и твоего маленького члена, и, возможно, мне придётся взять на себя твою роль любовника или найти какого-то другого старательного преемника.

– Ублюдок! Тронешь ее, и я убью тебя. Заберёшь её – я выслежу тебя и убью. Ты понял это, ты, мудака? Убью тебя!

Искры замелькали в моих глазах, а затем наступила тьма.

Шарлотта Настоящее

Особое блюдо на ужин практически готово: любимое блюдо Пола. Также я зажгла специальные свечи, которые мы купили в прошлом году в выходные на День труда. Черт возьми, какими прекрасными были те выходные, мы прогуливались по ярмарке, расположенной на берегу реки и смотрели на фейерверк с бокалом шампанского. Такие моменты заставляют меня осознавать, насколько мне повезло, что он появился в моей жизни, и сегодня я покажу ему, насколько сильно люблю его за все то, что он для меня делает. Сегодня вечером я заставлю его забыть отвращение, которое я увидела в его глазах, когда он смотрел на меня и на то, что я делала в душе.

Нейт – моё прошлое; Пол – моё будущее, я не хочу втягивать его в уродство своего прошлого, от которого сбежала. Я хотела быть свободной, но это принесло боль тем, кого я люблю, так что мне нужно принять свою жизнь и наслаждаться ею, сделать её лучше и принять своё будущее с Полом. Другого возможного будущего для меня нет.

Свечи красиво мерцают, стол идеально накрыт, и его любимая ночная рубашка окутывает моё тело. Всё, что мне сейчас нужно – чтобы мой мужчина пришёл домой и всё снова станет прекрасно.

Раздается сигнал духовки, и я мчусь к ней, вытягиваю из неё глазированную утку и слышу, как открывается входная дверь. Моя грудь вздымается, когда я понимаю, что не успеваю. Я хотела бы сидеть за столом с уже готовой едой, выложенной для него на тарелку. Я не готова, я уже провалилась.

– Шарлотта?

– Я здесь, Пол, – я пытаюсь сохранить свой голос спокойным, но могу слышать, как он предаёт меня. Страх. Он вырывается из меня и кричит против моей воли. Просто успокойся и соберись. Он не сделает мне больно снова, если я не огорчу его. Всё, что мне нужно делать – это делать Пола счастливым, и тогда я обрету своё собственное счастье.

Пол входит в кухню, его глаза наталкиваются на меня и скользят по каждому изгибу моего тела. Я чувствую пристальный взгляд его глаз и голод в них, это тот взгляд, который я замечала всю свою жизнь. Я могу вызвать голод. И это тип голода, который я могу утолить.

Оставив утку на стойке, а тушеные овощи в кастрюле, я медленно иду к нему, готовая заставить его понять, за что он меня любит.

– Шарлотта, ты меня в могилу сведёшь.

Он хватается за бедра, и я тянусь вверх, чтобы поцеловать его. Я знаю, когда мои губы коснутся его, он забудет о ненависти и всё вернется на круги своя.

То, что касается хулиганов – они, как правило, становятся таковыми из-за запугивания, возникающего из-за страха. Я знаю, что такое страх, и до тех пор, пока я защищаю Пола от его страхов, всё будет в порядке, и мы будем счастливы.

Стук во входную дверь заставляет меня подпрыгнуть, а Пола обернуться. Его лицо приобрело угрюмый вид. Могу сказать, он ожидал именно того, чего я опасаясь – что Нейт не собирался сдаваться. Этого типа «страха» я боюсь.

У меня не было возможности попросить у Пола прощения или призвать его к терпению и спокойствию. Пол стремительно проносится к двери, и я следом за ним, слишком поздно

произносятся мольбы его жесткой, высокой, как стена, спине.

Что-то безумно защитное вырвалось из меня и толкнуло встать между Полом и – Дейвом?

– Дейви? Что ты здесь делаешь? – я вздохнула с облегчением, так как знала, что выяснение отношений сейчас на паузе. Дейви не враг в глазах Пола, он просто напоминание и фирменное предупреждение, что это еще не конец. Если Дейви сейчас здесь, то и Нейт не заставит себя ждать.

– Я соскучился, – вздыхает Дейви, а затем обнимает меня, прижав мои руки к бокам и крепко сжимая. Я скривилась от ощущений, вызванных болезненными, травмированными рёбрами. Он не осознает свою силу и удерживает меня до тех пор, пока я не закричала, а Пол заворчал, чтобы Дейви отпустил меня. Внезапно я сильно заволновалась о своей одежде, то есть об её отсутствии и прикрыла себя руками.

– Я тоже соскучилась, Дейви. Входи и дай мне секунду, что бы я надела что-нибудь приличное.

– Надевай «Грин-Бей пэкерс»! – кричит он, и я немного хихикаю. У меня больше нет этой футболки, но он не поймет, почему у меня ее нет, так что я просто улыбаюсь и стараюсь игнорировать холодный, злой взгляд Пола, когда иду в спальню за спортивным костюмом.

Я надеваю спортивный костюм поверх ночной рубашки и бегу обратно в гостиную, слишком обеспокоенная тем, что оставила Пола с Дейвом наедине слишком надолго. Не потому, что боюсь за безопасность Дейви или что-то в этом роде; Пол не сделал бы ничего такого. Это связано с чувством самосохранения. Кто знает, что Дейви мог бы рассказать Полу; несколько горьких истин и это было бы концом, я в очередной раз осталась бы в одиночестве.

Пол по-прежнему сидит в кресле, а Дейви болтает без умолку о своей девушке в Уиллоу-Лейк. Я не могу сдерживать улыбку, вызванную тем, что наблюдаю, как он превращается в мужчину, зная, что он движется по своей жизни, несмотря ни на что. У Дейва, в отличие от других людей, которые мне встречались, была самая красивая душа. Я ненавижу то, что была близка к тому, чтобы ее загубить.

– Дейви, Нона заберёт тебя? Она или Нейт знают, что ты здесь?

– Я пришел сюда пешком. Она принимала ванну, и я сам сюда пришел. Я обхожу много мест.

– Не сомневаюсь. Но я не удивлюсь, если она будет напугана, когда обнаружит, что ты ушёл, не предупредив её о том, куда ты направился.

– Если его бабушка не может следить за ним должным образом, тогда, возможно, он должен быть в приюте, – упрекает Пол со своего кресла. Я ахнула, и этот громкий звук повис в тишине, пока Дейви не вскочил.

– Я не хочу жить там. Я люблю Нону. Я забочусь о ней, а она обо мне, – плачет Дейви, и я тянусь к нему, взяв его за руку.

– Дейви, Пол не это имел в виду. Он не знает тебя и Нону, как я, но я расскажу ему. Тебе нечего бояться, хорошо?

– Но он хочет отправить меня в приют, забрать меня от Ноны, как когда-то они забрали Нейта. И тебя.

– Нет, дорогой. Он не отправит, я обещаю. Не так ли, Пол? – говорю я через плечо. Пол опирается на колени, наблюдает, слушает, усваивает и мне это не нравится, но так должно

быть, если это поможет Дейви. Я могу только представить его боль послетого, как копы забрали меня и Нейта, ведь мы были его семьей и единственными настоящими друзьями.

– Пол! Скажи ему, что он в безопасности, и что ты его никуда не отправишь.

Пол очень медленно поднимается, и я чувствую, как волоски на моей коже встают дыбом. Пол хладнокровный и расчетливый, он складывает кусочки моей головоломки. Я знаю, что он не сможет закончить эту конкретную головоломку без всех кусочков, и я никогда не дам их ему, но ненавижу то, что он с каждым шагом проливает больше света на моё прошлое, которое влекут за собой братья Шоу.

– Никто тебя не отправит туда, но уже поздно и тебе пора домой, – говорит Пол холодно, прежде чем повернуться к нам спиной и направиться в коридор. Я чувствую определённое облегчение оттого, что он ушел. Я не чувствую страх, только огорчение и облегчение.

– Дейви, я не хочу, чтобы ты шёл домой пешком. Я позвоню Ноне, чтобы она забрала тебя.

Только тогда страх заскользил по моей коже. Нейт всё еще у Ноны? Вполне разумно для него, он нуждается в уходе. Хотя он, видимо, управляет своим болевым порогом и выздоравливает быстрее, чем я могла бы предположить. Сегодня он использовал своё плечо сильнее, чем какой-либо врач когда-либо позволил бы ему. Имея сквозное, дюймовое отверстие в плече, он сжимал меня крепче, чем когда-либо. Мне должно быть стыдно... Мне стыдно за себя.

Нона ответила после третьего гудка и, как я и думала, она не имела понятия, куда он пошёл. Хотя её и не удивило, что Дейви появился здесь. Я не знаю, откуда он узнал, где я живу, с другой стороны – Бивер-Дэм небольшой город и люди умеют разговаривать.

Через несколько минут Нона притормозила свой большой, старый Caddy у обочины. Мне удалось немного расслабиться, увидев, что большой зверь остановился, а Нейта нигде и в помине не было.

– Давай, Дейви, Нона ждёт тебя, и мой ужин остыл.

Нона встречает нас в конце подъездной дороги, одетая в домашнюю одежду и с предосудительным взглядом, от которого я всегда содрогалась.

– Дейви Шоу, я волновалась. Я говорила тебе не уходить далеко от дома.

– Но я должен был спросить у Чарли, сможет ли она прийти, – оправдывается Дейви, не отходя от меня.

Куда прийти? Он ни о чем не просил меня.

– Я говорила тебе – Чарли занятая женщина и не может просто бросить всё, чтобы прийти на твой пикник. Мой мальчик, ты должен предупреждать людей ранее, чем за 12 часов. Чарли должна работать и помогать нуждающимся в ней людям.

Не знаю, что дёрнуло меня сказать, однако, слова вылетели, прежде чем я смогла бы сдержать их:

– У меня есть пара выходных.

– Видишь, Нона! – кричит Дейви, прыгая вверх и вниз, схватившись за мою руку, слегка встряхивая меня. Я не могла не хихикать из-за проявления его радости. Я люблю видеть его счастливым и, если посещение с ним завтра пикника так осчастливит Дейви, я пойду. Это будет первая выходная суббота в месяце и нет ничего лучше, чем провести её с Дейви и его друзьями.

Нона посмотрела на меня с широкой улыбкой, но немного грустными глазами. Я знала

подобную улыбку, я вижу такую в зеркале.

– Хорошо, Чарли сказала, что придёт на твой пикник, так что теперь давай поедem домой, а ей позволим вернуться к её вечеру.

Дейви заключил меня в медвежьи объятия, прежде чем прыгнуть в Caddy, а Нона подошла ближе и взяла меня за руки. Её руки прохладнее моих, а кожа мягкая, как у ребенка. Я не хочу отводить взгляд, потому что тогда буду смотреть на её мягкое лицо и в глаза, которые скажут мне правду, а для меня гораздо предпочтительней оставаться скрытой. Она знает обо мне больше, чем мне хотелось бы, и я уверена, что она обвиняет меня в разрушении её семьи. Именно это я делаю. *Я разрушаю.*

– Посмотри на меня, деточка.

Я колеблюсь, хотя знаю, что это неоспоримо. Я закрываю глаза и вздыхаю, прежде чем открыть их под натиском вины, которая вот-вот просочится в меня и никогда не покинет. Она может осесть там с другими нежеланными чувствами. Я ожидаю увидеть в её глазах обвинение и презрение, борющихся с любовью ко мне, ведь я всегда была для нее ребёнком, но вижу в её голубых глазах лишь печаль и сочувствие. Думаю, мне следовало ожидать и это.

– Ты держишься на плаву, – говорит она, прежде чем убрать мои волосы в сторону и провести пальцем по грубому порезу, который пытается покрыться коркой, – но ты близка ко дну.

Мои губы вопросительно открылись, но она качает головой и вздыхает:

– Не отрицай этого, Чарли, милая. Я вижу это и чувствую своими старыми костями. Тебе нужно выбраться из этого омута, прежде чем ты утонешь. Ты понимаешь?

Думаю, что понимаю. Я предполагаю, что также она не хочет, чтобы я потащила её мальчиков за собой, на дно. Я киваю и криво улыбаюсь.

– Нона?

– Нет. Это была не твоя вина, и чем раньше ты позволишь этому запечатлеться в твоей прекрасной головке, тем лучше. Нам всем нужно двигаться дальше, детка. Тебе больше, чем любому из нас.

Слёзы наворачиваются на глаза, искажая зрение. Они хлынули из глаз, вниз по щекам одна за другой. Ее старая мягкая рука утирает мои слезы, и Нона целует меня в щеку.

– Чарли, милая, я люблю тебя, как родную внучку, и ненавижу видеть тебя такой. Если бы я могла исправить это, – она кивает в сторону дома, указывая на Пола, – я бы исправила. Но беда в том, что ты в отношениях с тем явно опасным парнем, и только *ты* можешь решить, как будет лучше поступить для тебя. Не я, не Нейт, понимаешь?

Я киваю и чмокаю её покрасневшую щеку, прежде чем повернуться и возвратиться к опасной и беспокойной жизни, в которой я явно тону.

Закрываю входную дверь и глубоко в подсознании различаю звук отъезжающей машины Ноны, но единственные мысли, занимающие важнейшее место в моем сознании – возможно ли изменить мой образ жизни прямо сейчас.

Передо мной развилка – остаться и надеяться на относительно счастливую жизнь с Полом или уйти? Но куда бы я пошла? Кто будет там со мной, когда я распадусь на кусочки? Что будет со мной, когда некого будет любить?

– Шарлотта, пойдём ужинать, – говорит Пол, подавая тарелки с едой на стол, освещённый свечами.

Он выглядит таким мягким и красивым при этом мерцающем свете, я до сих пор не понимаю, что он видит во мне. Я до сих пор не могу поверить, что такой человек может

быть жестоким. В большинстве случаев он не такой. В большинстве случаев он заботливый, нежный и любящий, просто нуждается в том, чтобы его любили. Он сломан, и я сочувствую ему.

Целеустремленно подхожу к нему, оборачиваю руки вокруг его плеч и целую приоткрытые губы, ждущие и знающие меня.

Нейт

Настоящее

Я хотел отвезти Дейви прошлым вечером. Отчасти, это я манипулировал им, практически заставив пойти туда. Впервые использовал его болезнь в свою пользу и чувствую себя из-за этого реальным мудаком. Думаю, иногда отчаянные мужчины превращаются в мудаков.

Я не мог отвезти его туда. Дейви не может сохранить секрет, даже чтобы спасти свою жизнь, но меня не устраивало то, что он пошёл один после наступления темноты, так что я последовал за ним. Я наблюдал, как Чарли встретила его, а когда увидел её в том милом пеньюаре, который она одела для *него* – скрежетал зубами до тех пор, пока не был уверен, что растер их в порошок. Нона видела мой грузовик за углом, так что я знал, что получу нагоняй, тем не менее, я бы терпел брань снова и снова ради возможности увидеть Чарли и помочь ей.

Она должна помочь себе, я знаю это. К тому же, если сведения из анонимной программы достоверны – она сама должна хотеть помочь себе. Но я думаю, что она нуждается в толчке, чтобы понять – она заслуживает новой жизни вдали от своего нового обидчика.

Я всё еще не могу поверить в то, каким дураком был, что не заметил этого. Знаки были в том, как она нерешительно двигалась возле него, и в том, что никогда не искала встречи с Ной или Дейви после возвращения. Это была моя спесь и надежда на то, что она начала счастливую жизнь, став девушкой доктора и, возможно, однажды станет его женой, желая оставить свою испорченную жизнь позади. Меня даже не волновало то, что она иначе одевается или разговаривает – подобно женщинам из высшего общества из загородных клубов. Я просто желал ей счастья, даже если оно было бы не со мной, потому что женщины подобные ей не обратили бы внимание на мужчин подобных мне. Но теперь я знаю и не буду стоять в стороне, глядя, как она превращается в другой вид женщин – сломленный, и я подразумеваю не только физически, но и морально, что также опасно.

Так что нет, я не испытываю огромного чувства вины, как должен, за то, что отправил Дейви позвать её на сегодняшний пикник. Я знаю, что она никогда не смогла бы ему отказать, значит, я заберу её от Пола на некоторое время, достаточно долгое, чтобы она могла понять, что её дом – там, где я.

Я не буду сегодня играть со всеми в мяч, и это хреново, так как прежде она никогда не могла отказать мне, когда я был без рубашки – что ж, моё раненое плечо слегка препятствует этому. Но у меня есть план.

– Она, возможно, сбежит, как только увидит тебя. Надеюсь, ты подготовился к этому, потому что твоя дерзкая ухмылка меня пугает, – говорит Нона, наклонившись ко мне, и я хихикаю.

– Маловероятно. Она не огорчит Дейви и ей будет всё труднее и труднее отвергать меня. Однажды Чарли останется здесь, и всё вернётся на круги своя.

– Ах, милый мальчик, я просто не хочу тебя обнадёживать, вот и всё.

– Не-а. Перестань беспокоиться обо мне. Иди, спаси Дейви от влечения Карлы.

Нона смотрит на моего брата, его щёки налились румянцем в тон скатерти перед ним. Карла, его девушка, всего лишь поцеловала его в щеку, и они оба хихикают, вобрав головы в плечи. Это как смотреть на малышей, таких невинных и нетронутых жестоким миром. Я всегда буду защищать его от этой жестокости, пока не умру. Я и Чарли поклялись защищать его еще на первой учебной неделе в школе после того, как Билли Саммерс и его яйцеголовые последователи бросили в Дейви камень. Спустя некоторое время Нона забрала его из обычной школы и начала обучать дома. Нам повезло, что она получала столько помощи от Уиллоу-Лейк.

На следующий день шестилетняя Чарли подошла к Билли и пнула его в голень. Я наблюдал за ней со скамьи ровно до того момента, пока страх не сразил меня наповал из-за того, что Билли быстро пришёл в себя и замахнулся на неё.

Уже тогда я был быстрым и заехал своим плечом в Билли, повалив нас обоих на землю. Я вмешиваюсь в её разборки не в первый и не в последний раз, тем не менее связь между мной и Чарли крепкая, как камень. Я знал, что она, как и я, всегда будет присматривать за Дейви – не думая о последствиях. Это было опасно для нас обоих по многим причинам, которые мы никогда не понимали и о которых не беспокоились в том возрасте, но Дейви нуждался в нас. И теперь я использую её потребность заботиться и защищать его против неё самой, но ради её же блага.

Нона хихикает, когда бродит около столов друзей и членов семьи Уиллоу-Лейк. Я хотел бы, чтобы у неё была более легкая жизнь с любящим мужчиной рядом с ней, но сходитья с женщиной, заботящейся о взрослом мужчине с интеллектом 13-летнего мальчика, с внуком – бывшим заключённым, и с хреновой тучей слухов, не захочет ни один никчёмный мужчина.

Я наполняю последний контейнер для льда, закрываю крышку, поднимаю глаза и вижу, как паркуется Чарли. Моё сердце стучит сильно и быстро, но я стараюсь оставаться спокойным. Чувствую себя так, словно я снова хренов подросток, только прежде я никогда не испытывал отчетливый страх быть отвергнутым. Чарли всегда была моей, а я её. Сейчас для меня все было совершенно чуждым.

Я хватаю другие пустые контейнеры для льда и выбрасываю их в мусорный бак, который совершенно случайно оказался рядом с парковкой. Я вижу, как она смотрит на меня через лобовое стекло. Она должна была знать, что я буду здесь, но выглядит так, будто находится в шоке. Хороший знак? Кто знает?

Она успокаивается, держась за руль, а я стараюсь не улыбаться, когда иду к её машине после того, как выбросил мусор. Она смотрит на меня так, будто я дикое животное, приближающееся к её машине, как в drive-thru². Я хотел бы сводить её в один из таких зоопарков. Мы, казалось, провели не так много времени у Миссис Фишер после первой встречи Чарли с орлом. Я считал, что ей нужно было увидеть орла после того, как однажды он был травмирован, и после его выздоровления.

Я открыл её дверь и улыбался оттого, как она следила за каждым моим движением.

– Ты не можешь оставаться в машине, ты будешь готовить.

– Было бы легче остаться, – признается она, вызывая у меня смех.

Я тянусь к её руке, а она следит за каждым движением, смотрит на мои пальцы, обхватившие её, смотрит, как я тяну её нежную руку за собой, призывая её тело следовать за

мною. Она следует за мной, как в замедленной съемке и мне требуются все силы, чтобы не обвить её руками и не поцеловать, ведь она находится так близко. Она всё ещё следит орлиным взором за каждым моим движением, когда я закрываю дверь её машины. Мне ненавистно, что она считает, будто без меня все было бы проще. Но думаю, что так и есть, и с этим не поспоришь.

– Чарли, нам никогда не было легко.

Но это не значит, что я сдамся. Я лишь буду бороться упорнее.

Шарлотта

Настоящее

Я последовала за ним напрямиком на забой... ладно, забой, возможно неправильное определение, но все эти взгляды и вопросы... я предпочла бы просто забой.

Все такое милое – милые улыбки, приятные беседы, хорошие семьи, но милое – не значит реальное. Моя мать была милой, но у неё был ребёнок – монстр. Папа был милым – хороший член общества, хороший служащий полиции, но хорошей была лишь его маска, скрывающая истинную тьму его души. Пол милый, пока не почувствует себя под угрозой. Я милая, и всё же... вы понимаете, в чём смысл. Милость – не что иное, как прикрытие, которое люди используют в присутствии других, и я окружена этими прикрытиями.

Единственным настоящим человеком в моей жизни был Нейт. Он единственная снежинка среди нас – другой, красивый и хрупкий. Я знаю, если буду держать его – я разрушу его. Я поняла это много лет назад. Именно поэтому я так и не навестила его после того, как он вышел из тюрьмы, и так и не вернулась к нему, когда его выпустили на свободу, я думала, он меня поймет. Он решил не подпускать меня к себе, пока был в тюрьме, а я придерживалась этого и дальше. Я решила уважать его желания – никогда не звонить и не писать ему. Я сделала ещё больше для него – дала ему возможность жить спокойно.

Я смотрю, как он с жадностью ест чикен-ролл, его кожа сияет от ярких солнечных лучей и бликов на озере, а в глазах сияют удовлетворенность и любовь. Он прекрасен и заслуживает мира. Я знаю, что поступила правильно. Также знаю, что он всё ещё хочет меня, однако думаю, что это по привычке. Нейт всегда говорил, что отец промыл мне мозги, но я была не единственной его жертвой. Нейт не осознает этого, но ему тоже промыли мозги. На самом деле он не хочет меня, не любит меня и не нуждается во мне. Его запрограммировали верить в это. Если бы я не взяла его за руку в тот день и не привела в свой ад, он был бы с прекрасной женщиной как внутри, так и снаружи, она бы родила ему детей, и они бы сейчас держались за руки, разделяя этот обед с друзьями и близкими.

Вот что должно происходить в жизни Нейта, но из-за того, что судьба – законченная неверная сука – Нейту кажется, что его будущее со мной. Я практически чувствую, как это всё ещё трепещет в его сердце. Мы привыкли мечтать о совместном будущем, но мечты для невинных и наивных. Я определенно не отношусь ни к тем, ни к другим.

Я стараюсь не пялиться на него, как жаждущая идиотка, и взамен нахожу глаза Ноны. Она лишь немногим лучше Нейта; она желает того же, что и мы, но вместе с тем она видит горькую реальность нашего будущего. Я уже достаточно им навредила и ни в коем случае не хочу навредить ещё больше, а моё пребывание здесь с ними повышает шансы на то, что это повторится.

– Она беспокоится, – шепчет мне на ухо Нейт и сжимает мои бёдра. Он не должен прикасаться ко мне. Я не должна позволять ему прикасаться ко мне, но, хоть убей, кажется,

что я не в состоянии приказать своей руке скинуть его руку или рту – сказать, чтобы он её убрал. Я никогда бы не согласилась на это.

– У неё есть на это полное право, – говорю я, не глядя на него.

– Не могла бы ты просто насладиться сегодняшним днём? Насладись пребыванием здесь с семьей... со мной.

Я поворачиваюсь к нему, наши лица, наши губы так близко, что я не могу не смотреть на них.

– Если я начну наслаждаться, не знаю, удастся ли мне сделать то, что должна.

– И что же ты должна сделать?

Думаю, он наверняка знает, что я имею в виду, но его теплое дыхание и притяжение держит меня приклеенной к нему, растягивая мой ответ.

– Уйти.

– Так не уходи.

В его словах отчетливо слышна мольба и я соглашаюсь. Я на самом деле согласна остаться.

Я не хочу уходить, и хочу сообщить ему об этом. Но если я скажу ему – он никогда не освободится.

Наше дыхание слишком учащенное, и я снова смотрю в его глаза, обрамленные длинными ресницами, выпрашивающие поцелуй.

– Я не могу остаться.

– Я отпущу тебя, если ты поцелуешь меня здесь и сейчас, – провоцирует он меня. Я собираюсь оценить нашу аудиторию; здесь около пятнадцати семей, но он слегка качает головой.

– Только ты и я, больше никто не имеет значения, кроме тебя и меня. Это твой последний шанс – поцелуй меня, и я отпущу тебя.

Я прикусываю губу, прежде чем сделать последний вдох. Последний поцелуй и мы оба будем свободны. Просто, не так ли?

– Натан, Чарли, к вам гости, – голос Ноны пробивается сквозь облака, в которых я витаю. Моё лицо бросает в жар, когда я замечаю, что она смотрит на парковку позади нас. Я чувствую подступающую тошноту, будто что-то испортилось глубоко внутри меня. Мне не нужно смотреть, чтобы узнать, кто приехал, и, если бы он приехал всего на долю секунды позже, он бы прибыл как раз вовремя, чтобы увидеть поцелуй...или, возможно, он приехал как раз вовремя, чтобы предотвратить ошибку.

Я поднимаюсь со стула рядом с Нейтом. Его рука соскальзывает с моего бедра, и длинный вздох пронизывает меня виной оттого, что иду к другому мужчине. Пол не улыбается, когда приближается ко мне; он изучает меня, когда я двигаюсь по направлению к нему. Затем он мечет свой взгляд туда, где я сидела, а именно – на того, с кем я сидела так близко. Я вижу глубокое напряжение мышц его руки, и это сигнал. Не исключено, что я почувствую эту руку сегодня вечером, но у меня есть много времени, чтобы перенять его страх. Я знаю своего монстра и это главное. Я была слишком молода, чтобы понять папу, но теперь всё изменилось.

Я дотягиваюсь до него, улыбаюсь, беру его напряженные руки в свои. Легонько целую его прекрасные губы, вначале он не отвечает мне взаимностью, но затем поцелуй становится глубоким и полным любви. Я знаю, что это не для меня; это самоутверждение, но затем напряжение в его руках смягчается, так что это приятная расплата.

– Иди, пообедай, – говорю я, мило улыбаясь. Видите, как много можно скрыть за *милостью*.

– Я перекусил в госпитале, но я скучал по тебе. Я попросил Джейкоба прикрыть меня ненадолго, а потом мне нужно будет вернуться.

Он не лжёт. Он действительно скучает, но также я знаю, что он приехал сюда неожиданно, чтобы проверить меня и вероятнее всего, чтобы проверить и Нейта.

– Я тоже соскучилась. Тогда посиди со мной немного.

Я тяну его к нашему столику, стоящему среди пяти других. Люди заинтригованно смотрят на нас, и я делаю милое выражение лица.

– Все, это – Пол Паркер. Пол, это все.

Пол кивает, когда толпа произносит: «Привет, Пол», а затем занимает моё место рядом с Нейтом.

– Шарлотта, – протягивает он мне руку. Я беру ее, и он притягивает меня к себе на колени. Для Пола это не означает ничего, кроме обозначения собственности, но для Нейта и меня это значит гораздо большее. Нейт понятия не имеет, что я позволяю Полу делать со мной. Он никогда не простил бы мне этого, особенно после всего, что он сделал для меня. Но когда он смотрит на меня, я вижу боль и ненависть в его глазах.

Прежде чем кто-либо поймет, что происходит, Нейт резко встает со стула, опрокидывая его назад, и устремляется в сторону деревьев. Я смотрю ему вслед с внутренним волнением и, несмотря на всё, что я изучила о самосохранении – поворачиваюсь к Полу с немой мольбой, желая получить разрешение. Он пожимает плечами, и я целую его в щеку. Он не спокойно относится к этому, он скорее равнодушен – что *гораздо* хуже.

Я могла бы позволить Нейту уйти, позволить ему думать худшее, в конце концов, так оно и есть. Но Нейт сидел в тюрьме из-за меня. Из-за меня он потерял больше, чем просто годы и, если я должна была столкнуться с ужасным наказанием из-за того, что хочу убедиться в том, что он не причинит себе вреда – я заплачу за это сполна. Если честно... Я заплатила бы своей жизнью за его счастье.

В очередной раз Нона приходит к нам на помощь и зазывает всех сыграть в мяч перед десертом. Надеюсь, это отвлечет Пола и остальных на некоторое время.

Я не бегу, даже несмотря на то, что мои ноги умоляют об этом мозг. Я уже привлекла достаточно внимания к себе и заработала приличное наказание. Бег бы лишь преподнес еще большее наказание, чем я смогла бы выдержать.

Найти его не заняло много времени, меня привлёк звук его тяжелых стонов. Я нашла его в тени деревьев, где он сидел на корточках, прислонившись к одному из стволов. Он услышал меня, прежде чем увидеть, но не встал. Он просто смотрит на меня, слёзы в его глазах разбивают моё сердце, и больше ничего ценного во мне не остается.

– Почему?? – хрипит он.

– Он не такой как ты думаешь.

– Лгунья! Я, блядь, знаю тебя, и знаю, как ты выглядишь в таком положении и в таком настроении, – он вскакивает и резко хватает меня за плечи. – Почему ты позволяешь кому-либо делать это с тобой снова? После всего? Ты позволяешь ему владеть собой и называть тебя Шарлоттой, как... как называл тебя отец.

Слёзы стекают по его лицу и падают на моё.

– Я не знаю, – выдыхаю я

Он смотрит вверх на деревья и кивает, прежде чем снова посмотреть на меня.

– Он убьет тебя. Ты ведь знаешь это, да? Если и не физически, он заберёт все, что в тебе осталось, всё, что я люблю.

– Это то, что ты не понимаешь, Нейт, – вздыхаю я, слёзы обильно текут глубоко в душу к известной мне истине, которую я собираюсь открыть ему. – Во мне больше нечего убивать и, возможно, физическая смерть исправила бы всё остальное.

Шок, сопровождаемый гневом, отразился на его лице, из-за чего мои волосы встали дыбом, а сердце затрепетало в груди.

Он жестко толкает меня к стволу дерева, из-за чего из моей груди вырывается писк. Я не боюсь его, скорее он... возбуждает меня. Его ожесточенность всколыхнула что-то глубоко во мне.

– Тебе действительно так хреново? – рычит он.

Я облизываю губы и смотрю на него, желая, чтобы он поцеловал меня.

– Да, – скриплю я.

– Почему ты не хочешь бороться? Это то, чего ты хочешь? Сдаться? – практически кричит он. Видеть меня такой причиняет ему боль и, тем не менее, это возбуждает меня. *Даа, мне хреново.*

– Прекрасно! – рычит он, оттягивая меня от дерева, и поворачивает меня спиной к своей вздымающейся от дыхания груди. Моё дыхание хаотично, он тянет меня за собой на землю так, что я оказываюсь у него на коленях, а его губы возле моего уха:

– Это то, чего ты хочешь?!

Я откидываю голову назад и хочу, чтобы он просто поцеловал меня. Я так сильно хочу его губы, но вместо этого я чувствую его жесткую хватку на внутренней стороне моего бедра

– Это единственный способ обладать тобой? Только так я когда-нибудь смогу обладать тобой?

Я хочу, чтобы он заткнулся, перестал спрашивать меня о том, что я не могу выразить словами. Не хочу, чтобы он злился. Не хочу, чтобы он думал о тех днях и всё же... он прав. Я медленно поднимаюсь, вытаскиваю себя из тумана и отталкиваю его руки, находящиеся на моей тёплой промежности. Он хватает меня, и я начинаю делать то, чего никогда не делала с Нейтом. Я борюсь с ним. Мне никогда не приходилось бороться с ним, не в этой жизни. Но это совсем другое, у него другие намерения. Нейт наказывает меня не потому, что я попросила его сделать это из-за любви к отцу. Не потому, что он хочет меня и любит меня – он наказывает меня, как Пол.

Я окончательно разрушила свою снежинку.

Теперь я борюсь, борюсь изо всех сил, напирая и толкая всем своим весом. Я никогда не боролась против Пола, я знала, что заслужила те наказания. Я не могу позволить Нейту перенять это от меня или него. Не могу забрать последнюю часть *его* и превратить в такого же монстра.

– Борись упорнее, – требует он.

Я бью его локтем по ребрам достаточно сильно, чтобы он закричал, и он перемещает руки с моих бёдер и промежности на мою талию. Он тяжело дышит мне в ухо, а я задыхаюсь из-за влажности в груди, покалывающей из-за ветерка с озера.

– Отпусти меня, Нейт, – говорю я, переводя дыхание.

– Не сейчас.

Я не знаю, что делать, поэтому позволяю ему обвить меня руками, поглощая меня. Я прижимаюсь к нему, мои руки покоятся на его бедрах. Я ощущаю стук его сердца своей

спиной, он словно старая успокаивающая песня, приветствующая меня дома. *Я хочу домой.*

– Чарли, ты пугаешь меня.

Я пытаюсь наклониться вперёд, мне нужно повернуться и посмотреть на него, но он не позволяет мне этого сделать и прижимает меня к себе крепче.

– Я напуган тем, что единственная любовь, которую ты примешь – та, которая причиняет тебе реальную боль.

– Я напугана по той же причине, Нейт. Если я останусь с тобой – это будет сплошная боль для *тебя*.

Нейт утыкается губами в мою шею и так нежно целует кожу, что это вызывает боль в груди, и новые слёзы срываются с моих глаз.

– Я тоже, – выдыхает он на мою влажную кожу, его теплое дыхание слегка щекочет. – Но я не могу полюбить другую. Я всегда буду любить тебя, Чарли. Я всегда любил тебя, и всегда буду любить только тебя.

Вот то, чего я боюсь... он поддался воздействию моего отца.

Чарли

Настоящее

Даже если это будет последней вещью, которую я когда-либо сделаю правильно, я заставлю Нейта понять, что он заслуживает большего, что он полюбит другую, и они будут жить той сказочной жизнью, о которой мы мечтали, когда были детьми.

Моя любовь к нему никогда не изменится, хотя она совершенно иная. Я не была приучена любить Нейта, только отца. Я была приучена удовлетворять Нейта, а из-за того, что сейчас произошло, я поняла, что это тоже изменилось. Теперь мы взрослые, мы сами делаем свой выбор, а потом сталкиваемся лицом к лицу со своими демонами. Будь моя воля, я бы трахнула его прямо здесь, в нескольких ярдах³ от семей, детей... и Пола. Напрашивается вопрос – зачем мне рисковать из-за этого, если я знаю об опасности?

Но, по-моему, я ни о чём не думала, затерявшись в тумане с Нейтом. Не было мыслей, не было настоящего, прошлого или будущего – только мы и наши желания. Вот поэтому эти отношения опасны для нас обоих.

Рука Нейта крепко сжимает мою, и он безмолвно умоляет меня пойти за ним в его мечты; наши мечты. Но мечты – единственное, что останется от наших отношений.

Я делаю гигантский вдох, зная, как я должна поступить. Я должна отпустить его, даже если мне придётся его послать.

– Нейт, это неправда, это не по-настоящему. Твои чувства ненастоящие.

Я чувствую дрожь его тела и, как трусиха, закрываю глаза. Он обхватывает моё лицо, и мои руки обессилено опадают по бокам, я не доверяю им.

– Ты не знаешь, что я чувствую, Чарли. Открой глаза.

Я не хочу, но повинуюсь, потому что это – то, что я делаю всегда.

– Я не знаю, как ты могла подумать о таком, но, если ты вообще веришь моим словам, верь этому – я люблю тебя.

– Ты так думаешь, но я...

– Нет! – его громкий рык раздаётся среди тихого шелеста деревьев вокруг нас. – Не преуменьшай мои чувства – только не их. Не позволяй ему лишиться нас этого. Твой отец, где бы он ни был, хотел бы забрать эту последнюю часть нас, но мы не можем этого ему позволить. Когда ты вернешься туда и встретишь Пола, мы расскажем ему о нас вместе. Он будет в ярости, оскорблен и растерян. Скорее всего, он скажет ужасные вещи о тебе и обо мне, но это всего лишь слова. Рядом со мной он больше никогда не причинит тебе вреда.

О, как бы мне хотелось, чтобы мы могли так поступить. Тем не менее, я осознаю реальность. Пол не воспринял бы это так легко, если бы вообще всё ещё был там. Я не сомневаюсь, что он уже ушел, потому что сидеть в окружении незнакомых людей, пока его девушка бежит за старой любовью – слишком много неловких ситуаций для него. Я буду наказана за сегодняшний день. Одна лишь мысль о том, как он будет осуществлять своё наказание вызывает у меня отвращение, не понимаю, как я столько раз прежде выдерживала их. Однако, по крайней мере, Нейт наконец обретёт свободу. Он не может постоянно меня спасать. Это всегда было его слабым местом: спасение людей, спасение меня. Что ж, теперь настал мой черёд спасти его, и неважно, чего это будет мне стоить.

– Я хочу, чтобы ты сходил с кем-нибудь на свидание.

Мне больно говорить это. Я хочу немедленно забрать свои слова обратно и броситься к нему в объятия, но я не сделаю этого. Я буду сильной для него в последний раз.

Он был бы менее шокирован, если бы я дала ему пощечину.

– Что? – шепчет он с искажённым от боли лицом. Он понимает, о чём я его прошу, это написано на его истерзанным болью лице.

Я сглатываю ком, образовавшийся в моём горле:

– Единственный способ, которым ты докажешь, что действительно любишь меня – если ты найдешь кого-то и попытаешься двигаться дальше.

– *Какого хрена, Шарлотта?!*

– Не называй меня так.

Он раздраженно вздыхает, снова опускает руки на мои бедра и кивает в знак извинения.

– Чарли, детка, это безумие просить меня встречаться с кем-либо, чтобы доказать мою любовь к тебе.

Я поглаживаю его колючую щеку и ощущаю под своими пальцами его напряженные скулы, когда он прижимается к моей руке.

– Я должна быть уверена, что твои чувства ко мне не являются следствием того, через что мы прошли, того что отец сделал с нами. Ты всегда говорил мне, что он дрессировал меня, промывал мне мозг, чтобы я угождала ему. Но он сделал что-то гораздо хуже этого, Нейт... думаю, он приучил тебя любить меня так, что ты согласен пройти для меня через что угодно.

Я даже не успеваю вдохнуть, когда он прижимает меня к своей широкой груди и, тяжело дыша, запускает пальцы в мои волосы, я чувствую его сильный запах, причиняющий мне боль.

– Ты так думаешь?

Я киваю, прижавшись к его груди, игнорируя новые слёзы.

– Я уверяю тебя, это не та причина, по которой я тебя люблю.

– Я не могу этого знать наверняка. По крайней мере, с Полом...

Он отстраняет меня от себя, крепко удерживая на расстоянии вытянутой руки, чтобы посмотреть мне в глаза:

– Он не любит тебя, Чарли. Ты же должна знать это. То, что он делает с тобой... – он смотрит сначала на мой лоб, где при помощи макияжа искусно скрыто проявление гнева Пола, а затем снова смотрит в мои глаза.

– Он любит меня. Просто не так, как должен. Он прилагает все усилия и проявляет свои чувства так, как может. Он понимает, что мы с ним похожи.

Нейт сильнее сжимает мои плечи. Я понимаю, что он не знает о том, что я чувствую каждую долю его гнева и отвращения в том, как он сжимает меня своими пальцами. Вероятнее всего его пальцы оставят на мне след. Также оставит своего рода след его страдальческий взгляд... тот след, который не заживёт.

– Это неправда, – бросает он, качая головой, слёзы снова наполняют его глаза. – Он такой же дьявол, как и твой отец. Как ты можешь оставаться с ним?

– Потому что это всё, что я знаю.

– Нет, это не так! – со стальным взглядом возражает он, провоцируя меня на спор, ведь я знаю иную любовь. Однажды мы оба познали иную любовь.

– Ты прав. Но это всё, что у меня когда-либо будет.

Также, это всё, что я когда-либо захочу без Нейта.

– Ты не можешь так поступить с нами. Ты не понимаешь, Чарли, я не могу сделать то, о чём ты просишь меня, потому что ты украла моё сердце, когда мы были детьми, и я не смогу отдать его другой.

Новая одинокая слеза скатывается по его щеке и застревает в темной щетине. Я борюсь с собой, чтобы не смахнуть её, и ненавижу себя за то, как с ним поступаю. Хочу, чтобы он понял, что я делаю всё это *для него*.

– *Ты не понимаешь...* Я не хочу его *красть*.

– *Тогда чего ты хочешь?* – Он встряхивает меня, и его взгляд проникает сквозь стену, которой я пытаюсь оградить свою душу.

– Я хочу, чтобы ты сам отдал его мне, чтобы ты сам выбрал меня.

У него отвисает челюсть и теперь я вижу, что он понимает.

– Папа лишил тебя этого выбора, а теперь я возвращаю его тебе. Но единственный способ для меня искупить свой грех и знать, что ты разорвал ту цепь, которой был ко мне прикован, состоит в том, чтобы ты постарался и подарил своё сердце другой.

– Я не хочу этого.

– Я знаю. Для меня нет большего удовольствия, чем сказать тебе «да», но лучшее, что я могу сделать – сказать «нет» Полу. Я предлагаю тебе сделку – ты пытаешься найти свою любовь, а я порву с Полом.

– Мы могли бы начать нашу совместную жизнь с нуля прямо сейчас; жизнь, о которой мы всегда мечтали. Я хочу, чтобы ты бросила того придурка, но какой смысл тебе уходить от него, отправляя меня к другой женщине.

– Я уйду от него, потому что знаю – если останусь, то в один прекрасный день он скорее всего меня убьёт, и ты никогда не сможешь спокойно жить своей жизнью, желая спасти меня от моей.

– Я хочу убить его.

– Поэтому я уйду от него сегодня вечером.

– Куда ты пойдёшь?

– Я поеду в Грандвью на несколько дней.

– Ты знаешь... – я заставляю его замолчать, приложив палец к его губам.

– Прекрати спасать меня и живи своей жизнью. Я делаю то, чего ты хотел: собираюсь освободиться от этих ядовитых отношений и наконец-то быть в безопасности, стараясь преодолевать своих собственных демонов. Ты должен преодолеть своих... даже если это означает, что тебе придётся попроситься со мной навсегда или отдаться другой женщине и просто быть моим другом. Если, в конце концов, мы снова найдём друг друга – мы поймём, что наша любовь реальна.

Нейт снова прижимает меня к своей груди, и я в последний раз вдыхаю его аромат. Он пахнет свежестью и древесиной, это то, что я никогда не забуду и не заменю. Я крепко сжимаю руками его лопатки, помня о повязке, а затем провожу по его мускулистым рукам, татуированным замысловатым узором. Надеюсь, что в один прекрасный день мне удастся обнимать его, как своего мужчину, но это маловероятно, поэтому мне нужно запомнить всё о нашем последнем объятии, о мужчине в моих руках, разделяющим со мной наш мрак. Я хочу всегда ощущать его дыхание на моей шее. В последний раз я позволяю ему меня поцеловать, и он доводит меня до дрожи. Я хочу, чтобы мы хоть раз занялись любовью будучи взрослыми, чтобы я могла его чувствовать полностью, обвиться вокруг него, пока он будет внутри меня – лишь раз, чтобы это воспоминание осталось со мной навсегда.

Прежде чем я передумаю, прежде чем моё тело в очередной раз возьмет верх над разумом и поддастся постоянному напряжению между нами, я вырываюсь из его объятий, и на этот раз он неохотно позволяет мне выскользнуть из них. Он стоит, расстроенный и побежденный, а я выхожу из тени деревьев, отступая на открытую местность, ведущую к озеру и любящим родственникам из Бивэр-Дема, которые проводят время со своими семьями.

Как я и предполагала – Пол уехал. Он должно быть в ярости и несомненно опасен. Я заберу свои вещи, всё еще упакованные в коробки и стоящие в гараже, не дожидаясь его возвращения домой. Всё, что мне нужно сделать – упаковать чемодан с одеждой. Я вынесу свои вещи и вернусь ждать Пола в садике перед домом, чтобы вернуть ему ключи и его свободу. Так безопаснее.

Я приношу свои извинения, целую Нону и прощаюсь с ней и с Дейви. Не оглядываясь, направляюсь в свою машину и уезжаю навстречу следующему шагу в моей жизни.

Я не слышу музыку, звучащую из моих колонок, и не замечаю смоляные реки, ведущие к дому Пола. Но когда я делаю последний поворот, я замечаю то, от чего кровь стынет в моих жилах. Коричневые коробки стоят вдоль тротуара, мусорный бак переполнен моей одеждой, а рядом с ним свалена еще куча шмоток – в этом заключалась вся моя жизнь

Я плавно отпускаю педаль газа и качусь оставшееся расстояние. Я полностью останавливаюсь посередине дороги, за пределами того места, где делила жизнь с человеком, который решил, что я больше его не достойна. Меня не должно это ранить; я даже должна почувствовать облегчение, но нет. Я напугана. Мои вещи могли бы сгореть прямо сейчас – и мне было бы совершенно всё равно.

Если даже монстр не хотел меня, тогда кто бы захотел?

16 лет

Чарли

Я почувствовала его запах прежде всего остального. У него древесный аромат, так пахнет только он, больше никто. Запах расслабляет и исцеляет, в нем я узнаю Нейта.

Я ощущаю его тяжелое дыхание на моём плече и легкую встряску от его резких шагов, прежде чем понимаю, что я парю. Меня несут. Мои глаза сопротивляются мне, но в конце концов открываются, как я их и заставляла. Я вижу его темно-серую футболку, красную клетку его рубашки и сверкающий серебряный крестик Св. Христофора⁴, а затем поднимаю взгляд на блестящую оливкового цвета кожу его шеи, на его подбородок с небольшой небритостью и легким намеком на щетину. Он сбривает отрастающую щетину, но думаю, что большинство парней, которым только исполнилось восемнадцать, этого просто стесняются.

– Привет, – тихонько говорит он. Мне кажется, будто я сплю – он смотрит в мои глаза, над нами чистое голубое небо, но Нейта поглощает сумрак. Мой сон прекращается, когда я замечаю алый цвет. От его правого глаза и до скулы, на месте, где появился красный припухлый отек, тянутся две полоски уже свернувшейся крови. Виной тому небольшое рассечение у него на лбу. У меня мгновенно всё встает на свои места – почему он меня несет, почему я потеряла сознание, почему Нейт ранен из-за меня.

Я хнычу, не в состоянии сдержать этот глупый звук в себе, он просто вырывается из меня, и Нейт останавливается. Я даже не в курсе, куда он несет меня или как долго я была без сознания. Он опускает меня, и я оказываюсь стоящей на земле. Нейт не отпускает меня –

то ли боится того, что я снова упаду или того, что потеряю сознание, то ли еще чего-то, но я благодарна ему, так как абсолютно не доверяю своему телу. Моя рука дрожит, когда я касаюсь одной из капель крови, похожей на смертельную слезу и ощущаю её влагу своим пальцем. Она такая яркая и такая реальная на моём пальце. Эта рана отличается от тех, которые когда-либо были у Нейта, от тех, за которыми я ухаживала. Одиннадцать лет я ухаживала за всеми его царапинами, порезами и синяками от падений, аварий или драк, но эта травма другая... она была от отца.

Мой отец никогда не причинял боль мне или Нейту, никогда. Это всё меняет.

– Это пустяки, Чарли, – я чувствую себя немного ошеломленной от того, как нежно говорит Нейт. Я что-то пропустила?? Отец ударил его. Это *не* пустяк! За одиннадцать лет папа ни разу не поднял руку на Нейта. Он не обнимал ни одного из нас и не держал нас за руки, никогда не кричал и не наказывал даже в тех многих случаях, когда мы этого заслуживали. Мы были его гордостью и утехой – его игрушками. То, что отец ударил Нейта – означало, что наши жизни только что в корне изменились, мы больше не доверяем ничему. Отец был человеком привычки; мы могли доверять этому. Сегодня, когда он позвал меня, всё это распалось.

– Мы больше не в безопасности, Нейт.

Нейт вёл меня к своей кровати и впервые за всё это время я поняла, что мы находимся в его комнате. Он шагает назад к двери и закрывает её, а после возвращается ко мне, и становится передо мной на колени. За последние два лета он настолько вырос и вширь, и ввысь, что когда мы стоим – он возвышается надо мной.

– Отныне ты будешь жить здесь, хорошо? Нона не будет против – так или иначе это мало чем отличается от того, что было прежде.

– Это сильное отличие. Я не могу жить у тебя, – говорю я, глядя на его кровать, а затем обратно на его карие глаза, они темнее, чем обычно, и я знаю, что беспокойство за меня делает их такими.

– По-другому не будет. Ты и я, Чарли. Так было и будет всегда. Ничего не изменится до тех пор, пока ты сама этого не захочешь.

– А как же мои вещи, моя одежда?! А как быть с тем, что скажут люди?!

– Мы соберем твои вещи, когда твой отец уйдёт на работу. Касательно остальных и их мнения – с каких это пор тебя волнует, что думают о тебе люди?

– Меня не волнует, что они думают обо мне, меня волнует, что они думают о тебе, – ухмыляюсь я, поглаживая его подбородок.

Он прижимает мою руку к своей щеке, слегка размазывая кровь по своей коже.

– Наша семья это самое главное. Ты, я, Дейви и Нона. Поняла?

– Поняла.

Улыбаясь, он прижимается своим лбом к моему так, что мы соприкасаемся носами, и я вижу, как Нейт двоится у меня в глазах.

– Теперь ты в безопасности. Ты рядом со мной, и я никому не позволю снова причинить тебе боль.

Я немного отклоняю голову и целую его лоб в стороне от рассечения, прежде чем снова посмотреть ему в глаза.

– И я никогда и никому не позволю снова обидеть тебя, Натан Шоу.

Нейт

Настоящее

В моей жизни было много случаев, когда я чувствовал, что просто не смог бы сделать то, что требовалось сделать; когда сдать, на хрен, было бы гораздо легче. Но потом в моей голове возникал её образ, и я понимал, что не могу опустить руки.

Я уверен, что не смогу выполнить то, чего она от меня хочет. Конечно же, у меня были женщины после неё, но это другое. Я вижу будущее с Чарли, если бы только она позволила этому случиться. Я целиком и полностью осознаю, что её суждения верны, и если бы я не пошёл на терапию после освобождения из тюрьмы, то бы верил в то же, что и она. Единственное хорошее, что вышло из всего этого – моя терапия проводилась в группе людей с теми же проблемами. Один вечер в месяц я делюсь своими чувствами и мыслями с другими людьми, пережившими насилие.

Мне по-прежнему страшно открываться людям, выслушивать чужую боль и меня до смерти пугает число людей, прошедших через такое.

Мы не друзья, даже не знакомые, ничего подобного; они не знают, где я работаю, что я люблю кофе с сахаром или то, что сейчас я просыпаюсь в холодном поту из-за своих старых кошмаров. Моя личная жизнь моя и только моя. Мы – выжившие, будем рядом друг с другом и когда кому-то потребуется помощь – скажем в глаза: «Это не твоя вина». На этом всё, и это – прекрасно. Единственное, что плохо в этой ситуации – теперь мне нужно принести свою личную жизнь в группу. Я исцелился, рассказывая о своих кошмарах, думаю, пришло время поступить также и Чарли.

Я знаю, что не должен следовать за ней, но хочу убедиться, что она в порядке. Поэтому, когда я останавливаюсь через четыре дома от нее и вижу, что она медленно останавливается посреди дороги – я знаю, что ввязываюсь в неприятности.

Её вещи разбросаны повсюду, коробки и, кажется, одежда. Её движения, когда она выходит из машины, медленные и выглядят рассчитанными на то, чтобы отступить – это говорит только об одном – он там.

Я не хочу ухудшать ситуацию, несмотря на то, что всё во мне хочет приблизиться к ней. Вместо этого я глушу двигатель и опускаю окно так, чтобы было лучше слышно. Если понадобится, я смогу прибежать к ней на помощь, но надеюсь, что этого не потребуется.

Она продолжает смотреть на дом, набирая одежду в руки. Она не бросается за коробками, и я думаю, что это разумно. Если ей нужно быстро убраться отсюда, коробки усложнят эту задачу. Возможно позже я погружу их в багажник и оставлю у Ноны.

Сейчас жарче, чем в аду, хотя лето подходит к концу; пот пропитывает мою футболку, и я вижу волны жара, исходящие от асфальта. Возможно мне жарче оттого, что я на взводе, поэтому я убираю пальцы с руля и вытираю пот о свои шорты, следя за Чарли и за двором, ожидая появления Пола. Сейчас она копается в коробках, разбрасывая вещи на землю вокруг себя. Я не понимаю, почему она не загружает их на заднее сидение машины с другими вещами. Что-то не так.

Она осторожно что-то достаёт со дна мусорного бака, будто оно покрыто чем-то неприятным, а потом это бросает. *Чёртов подонок!* Он, вероятно, наблюдает за тем, как она унижается, доставая вещи из мусора, наслаждаясь своим ударом по её достоинству. Я очень

сильно хочу надрать ему зад, но это не поможет ей и уж точно не поможет мне. У меня есть надзиратель, который был бы не слишком доволен этим вообще.

Чарли открывает багажник и оглядывается на дом, прежде чем взять одну из коробок и погрузить её в багажник. Все пять коробок туда не влезут. Интересно, как этот подонок так чертовски быстро упаковал её вещи и почему коробок всего пять, ведь после прожитой совместно жизни она заслуживает всего. Поднимая следующую коробку, она роняет её, и моё сердце подпрыгивает, когда она пятится задом и спотыкается о бордюр. Потом я замечаю, что Пол выходит из укрытия дома, спрыгивает с небольшой террасы на траву, держа в руке маленькую коричневую шкатулку. *Блядь!*

В моей голове нет ничего, что напоминало бы движение или структурированные мысли, ничего кроме страха на её лице и самодовольства на его. Я не могу позволить себе сделать с ним то, что я хочу; вместо этого я бегу к ней, и Пол видит меня. О, он чертовски хорошо видит меня; он ускоряет свой шаг в её сторону, и выражение его лица искривляется в уродливой, злобной гримасе. Я на расстоянии дома от неё, а он пересёк половину двора – не нужно быть гением, чтобы понять, кто первым до неё доберётся.

Если я позову её по имени, то это приведет только к тому, что она оторвёт свой взгляд от Пола, а ей нужно быть сконцентрированной на нём, чтобы она могла увернуться или убежать, или сделать то, что потребуется. Моё горло горит от желания выкрикнуть её имя, но, несмотря на это я кричу единственное, что ей может помочь:

– Беги!

Слишком поздно, происходит именно то, чего я боялся. Она не реагирует так, как я хотел, она не бежит по моей команде: она поворачивается в состоянии шока, отвлекаясь от единственного объекта, от которого отвлекаться не следовало, и теперь он её достиг. Тем не менее, он не бьет её, не толкает, не хватает и не тащит её прочь, как я предполагал; ублюдок толкает её к машине и целует. Не знаю почему, шатаюсь, я остаиваюсь, почему моё сердце запинается, и почему это приводит меня в большую ярость, чем если бы он ударил её. Я – мудака. Вероятно, это то, что он хочет, чтобы я чувствовал. Я недооценивал Пола. Он знает, как играть в эту игру, и за какие нити нужно дёргать, чтобы ты чувствовал себя ничтожеством в его присутствии. Сейчас я проигрываю.

Он целует её, удерживая дурацкую коробочку, которой я хотел бы проломить ему голову. Затем он отступает назад и оглядывает Чарли с головы до ног, качая головой:

– Было забавно трахать тебя, Шарлотта.

– Верни её мне, – заикается она. Не могу поверить, что она не убегает от него. Вместе с этого она протягивает к нему руку. Какого хрена она делает?

– Помни, дорогая, ты можешь оставить меня ради этого парня, но ты всегда будешь моей.

Он трясет шкатулкой в руке, и тогда я понимаю, что это тот предмет, который ей нужен. Затем придурок подмигивает мне:

– Что касается тебя...возможно, ты и трахал её, пока тебя не посадили, но она всегда будет думать о моём члене внутри неё вместо твоего.

Я теряю самообладание. Я ощущаю только гнев и потребность причинить боль.

Понятия не имею, как я так быстро добрался до него, тем не менее, он был подо мной и моим кулаком. Кровь брызнула, я жаждал её. Тюрьма научила меня многим вещам, например, тому, как бороться за свою жизнь или как показать, что ты не шутики шутишь. Я, не сдерживаясь, показывал ему и то, и другое. Я больше не слабак, и он будет знать это,

когда снова попытается напасть на того, кто принадлежит мне.

Я только заново кулак, чтобы ударить его в пятый раз, но меня пробивают со стороны и валят на землю. Моё плечо пылает от боли, и я смутно слышу звон воплей и криков прежде, чем вижу рукав синей рубашки, обтягивающий накачанную руку, удерживающую меня. Я вижу, как Пол держится за лицо и из-под его руки непрерывно струится кровь, пока другой рукой он указывает на Чарли, а затем на меня:

– Я разрушу ваши жизни. Вы оба заплатите за это!

– Где он?? – кричит Чарли над ним, пока её удерживает пожилая пара. У неё в руке шкатулка; она висит открытая и пустая.

– Где он?!

Пол смеётся и смеётся, как победивший сумасшедший.

Во мне назревает злость и дурнота, я больше не беспокоюсь о Поле. Я просто хочу добраться до Чарли, орущей и дрожащей, пока пожилая женщина пытается поддерживать её. Мужчина направляется к истекающему кровью Полу, спрашивая, не нуждается ли тот в помощи. Да кому он нужен?

Я снова и снова пытаюсь оттолкнуть здоровяка от себя. Мне нужно быть рядом с ней, но он мне не уступает. Я даже не могу посмотреть, кто это, чтобы понять, знаю ли я его. Но он знает меня, мое имя, я слышу, что он называет меня по имени. Он пытается успокоить меня, но я практически не различаю других звуков, кроме одного... отчетливый звук сирены становится всё громче.

Кто-то вызвал копов. *Чёрт.*

Чарли

Настоящее

Сквозь пелену слёз я снова вижу, как шериф Бивер-Дэма тянет Нейта на заднее сидение своей патрульной машины из-за меня, из-за того, что он защищал меня.

Чёрт, когда это всё прекратится? Когда я перестану ранить тех, кого люблю? Даже если бы я перестала дышать, я бы сделала кому-то больно.

Я не могла рассказать Шерифу Ноэлю ничего такого, что могло заставить его слушать меня, или более того, изменить своё глупое мнение. Он сказал, что ждал, когда Нейт оступится, и это был его шанс воздать ему по заслугам. Ноэль, будучи новым заместителем, так и не поверил нам, когда мы много лет назад рассказали ему о том, что его наставник педофил; он просто не хотел с этим мириться. Теперь, когда он – шериф, он мстит Нейту.

Папа всех одурачил; однажды занятая им должность шерифа принесла ему много доверия от жителей городка, которые гордились подобными вещами. Он был полицейским, верующим человеком, который трагически потерял жену и был убит горем. Потом он воспитывал психически больную дочь, у которой были слишком близкие отношения с плохим соседским парнем, сыном наркоторговца. Не было смысла пытаться объяснить правду; никто не верил ни нам, ни Ноне.

Ноне вновь предстояло пройти через боль от того, что её внук может попасть в тюрьму. Единственный способ уберечь его от тюрьмы – рассказать некоторые отвратительные факты, которые я никогда не хотела, чтобы кто-то знал, даже Нейт. Я лишь надеюсь, что полицейский надзиратель поможет, что он поверит мне и моим грехам.

Вскоре город снова и снова будет обсуждать наше прошлое, а так как Пол не имеет ничего общего с ним – он, должно быть, разделит мой дневник со всеми; страницы,

наполненные нашими с Нейтом секретами.

Я уже практически его не веду; у меня не было возможности с тех пор, как я съехала с Полом. Вы не можете скрывать личный дневник вблизи от кого-то подобного ему. Так что я спрятала его в старую деревянную шкатулку, которую нашла на блошином рынке The Vintage Bazaar. С тех пор он оставался закрытым на дне моего комода и я доставала его только тогда, когда отчаянно нуждалась удержаться на плаву. *Дура!*

Я приехала сюда, оставив прошлое позади. Большинство жителей города не узнают меня, а кто узнаёт – либо избегают меня, либо забыли о всеобщем внимании, которое я и Нейт привлекли ко всем, кого мы любили. Отчасти нам повезло, что мы были несовершеннолетними, бюрократия скрывает большую часть информации от общества, оставляя сплетни, которые занимали умы людей.

Теперь они узнают. Я собиралась рассказать всё, если этого не сделал Пол, так как это был единственный шанс спасти Нейта.

Чарли

16 лет

Разумеется, Нона радушно приняла меня в своем доме. Она не задавала слишком много вопросов, но знала, что всё было крайне серьезно. Думаю, она полагает, что со временем я сама расскажу ей обо всем, но она ошибается. Я никогда не расскажу ей.

Единственное её правило заключается в том, что мы не должны спать вместе. Я понимаю это; я следую ему, но не Нейт. Он спорил с ней, чем отличается то, что она разрешила мне спать в его кровати почти каждое утро от того, что теперь мы будем спать вместе всю ночь. Её аргументом было то, что раз он не смог увидеть разницу, он был слишком глупым, чтобы девушка осталась в его кровати на всю ночь.

Я люблю её. Она никогда не боится, чего не хватает мне и Нейту. Он делает вид, что ничего не боится, но это не так. Возможно, если бы Нона знала правду, она бы тоже боялась. Возможно, она бы отправила их всех подальше от меня, оставив меня в полном одиночестве. Нет, я не расскажу. Не расскажу, потому что очень боюсь, очень сильно.

Нейт подготавливает импровизированную кровать на ночь, несмотря на то, что Нона предпочла бы, чтобы он спал на диване до тех пор, пока она не установит еще одну кровать здесь. Думаю, она поселит мальчиков вместе, и я ненавижу себя за то, что из-за меня Нейт переезжает из своей комнаты, хотя подозреваю, что он в любом случае не останется в той временной комнате. Как только мы услышим, что дверь в её спальню закроется, Нейт подойдет ко мне и крепко обнимет. Она никогда не заходит в его комнату; она считает, что парень заслуживает пространства, но я не удивлюсь, если теперь это изменится, когда я здесь.

– В твою рубашку могут влезть три меня, – говорю я, придерживая свою импровизированную ночную рубашку, чтобы показать, что я имею в виду. Он роняет свою подушку и поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и я не могу не скользнуть взглядом по его худым бедрам и двойной резинке трусов, умоляющей меня опустить взгляд ниже, но я не осмеливаюсь.

Нейт хихикает, медленно направляясь ко мне. Этот парень может медленно двигаться, и в своих трусах он умоляет о большем, чем просто о взгляде.

Нейт практически мужчина, и мысль об этом заставляет меня задрожать всем телом, почти до глубины души.

Он тянет мою рубашку... или свою рубашку.

– Может быть, мы могли поместиться в ней вместе, – он поднимает бровь, и я хихикаю. По-дурацки хихикаю, и он ухмыляется, будто победил. Самодовольная задница.

– Может быть ... – он подходит ближе, удерживая рубашку оттянутой. У меня под ней ничего нет; все мои вещи остались дома, и я не смогу забрать их до тех пор, пока не будет безопасно. Так что, когда он подходит ближе и смотрит вниз, он всё видит.

– Возможно, мы могли бы просто избавиться от неё. Она тебе не нужна.

– Думаю, Нона это не одобрит.

Он хихикает и выпускает ткань из рук; она сползает по моей коже, посылая мурашки по всей моей плоти.

– Думаю, что прямо сейчас Нона не одобрила бы практически все мои мысли и

предложения. Вернее, я знаю, что она не одобрила бы, и всё же мне насрать.

Я засмеялась, прежде чем он толкает меня на кровать и целует так, как мне нравится: голодно и нежно. Я хочу, чтобы он всегда был моим, а я его. Когда мы такие, я чувствую силу в наших чувствах, силу в том, что мы отдаемся друг другу.

Впервые за всё время я вижу реальное прекрасное будущее для нас с Нейтом, и удивительно, насколько все может изменить то, что будет происходить между нами ночью. Несмотря на отсутствие моих вещей, несмотря на предательство по отношению к Ноне, сегодняшняя ночь – начало нашей жизни, и я не могла быть счастливее.

Нейт

17 лет

Впервые за много лет я не просыпаюсь оттого, что она тайком, как испуганный котёнок, крадётся в мою комнату. Я ложусь спать, не беспокоясь о ней и не молясь о том, чтобы он её не тронул. Я не могу вспомнить ни одного подобного раза прежде. Кажется, теперь моя жизнь пришла в норму. Этого больше не повторится. Всю ночь она была плотно обернута вокруг меня именно так, как мне нравилось. Её длинные волосы задевали моё предплечье, а дыхание щекотало мой сосок. Моя белая футболка ярко светится на её шелковистой коже в лучах утреннего солнца: именно так, как мне хотелось. Это утро должно быть самым прекрасным во всей моей жизни. Мой испуганный котёнок взял на себя огромный риск, и я так горжусь ею. Теперь я знаю, что мы станем сильнее. Я знаю, что она преуспеет и будет диким тигром, я хочу, чтобы она им была.

Для некоторых она выглядит крошечной, милой и, возможно, беспомощной; для меня она тоже может быть милой и крошечной, но она не беспомощна: у неё дикое, сильное сердце и светлая душа. Поэтому я люблю её, поэтому я знаю, что в один прекрасный день не смогу назвать её котёнком, и мне интересно, как скоро это случится.

– Ты храпишь, – бормочет она. – Я думаю, ты *должен* лечь на полу или еще лучше на диване.

Я вижу её борьбу с ухмылкой и не могу сдержать смех, прежде чем перекатываюсь на неё и прикрываю её рот рукой, чтобы приглушить её визг. Я хочу прикоснуться к ней, щекотать её, но мне не хватает рук: одной я удерживаю себя на весу, а другой блокирую её визг, чтобы они не привлекли в мою комнату Нону, впервые за годы. Так что я закрываю её рот своим, а рукой сжимаю её нежное бедро.

Она больше не визжит и не борется со мной, вместо этого она целует меня в ответ и выгибается навстречу моему телу. Нет, думаю, она недолго будет оставаться моим котенком.

Нона никогда не заходит в мою комнату, но в то же время у нас с Дейви не оговаривалось, что это моя личная территория, и сегодняшнее утро – яркий пример того, почему я должен убедить Нону поставить на мою дверь замок. Дейви ворвался в комнату в своей любимой голубой пижаме, радостно хлопая в ладоши. Он смотрит на нас, закусывает губу и смеется, хлопая в ладоши интенсивнее, так как мы были пойманы в компрометирующей позе. Войди он минутой позже – я был бы глубоко внутри неё и в большой беде.

– Заткнись, Дейви, и закрой эту чертову дверь, – резко говорю ему я, стараясь не привлечь внимания Ноны, находящейся на первом этаже, и пытаюсь не раскрыть Чарли, вставая с постели.

Правда в том, если он увидит, что я голый, то он сообщит эту ошеломляющую новость. Может у него и есть Синдром Дауна, но он не тупой: у него есть некое представление о том, что такое секс, и он не носит свой слуховой аппарат. *Черт поберу.*

У меня нет выбора: я выскользываю из-под одеяла, под которым прячется смущенная Чарли. Бегу через комнату к двери, быстро и тихо закрывая её, прежде чем хватаю первое, что вижу – учебник по математическому анализу, которым и прикрываю свои гениталии. Всё своё волнение Дейви скрывает, смеясь в ладони, с широко раскрытыми глазами. Чувак, я

в заднице.

– Дейви, для меня и Чарли важно, чтобы ты сохранил этот секрет, хорошо?

Он медленно кивает и многие могли бы подумать, что он в глубоких раздумьях, но меня не проведешь. Его двигательные навыки медленнее, чем у большинства и это известный факт. Вероятность того, что он сохранит наш секрет – 50 %, но даже если он будет хранить его сейчас, это не значит, что он сможет хранить его до конца. Я вздыхаю.

Думаю, чему быть, того не миновать. Я тянусь к штанам и натягиваю их.

– Чарли, я заберу твою одежду из сушилки, а затем вернусь, – подмигиваю я Чарли, которая пристально смотрит на меня и строго улыбается. – Давай, брат, пора вернуться в постель или посмотреть мультфильмы по ящику. – Я беру Дейва за руку.

Знаю, она встанет и заправит мою кровать в моей футболке. Я никогда не избавлюсь от этой футболки. Я улыбаюсь, думая о Чарли в ней. Да, несмотря на то, что нас прервали, это всё еще лучшее утро в моей жизни.

За завтраком Дейви все еще молчал о том, что ему довелось увидеть сегодня утром, но, думаю, это потому, что мы загрузили его заботами в надежде, что он забудет утренний инцидент. Когда он просит нас о «кино-дне», мы быстро соглашаемся. Дейви и я направляемся к Caddy, пока Нона и Чарли моют посуду, разбираются с обилием белья и готовят попкорн. Это кажется естественным и замечательным. Все, кого я люблю, в безопасности и под одной крышей. Я не мог просить большего. Не мог наплевать на то, где моя мать и почему она выбрала путь трусихи, бросая своих сыновей на пороге у своей матери – это была моя негласная борьба, но не более того. Теперь у меня всё это есть, и я никогда никому не позволю разрушить это или отобрать. Никто из нас никогда не почувствует себя использованным, отвергнутым, нелюбимым или снова брошенным. Нет, если это зависит от меня.

Клише, но я могу поклясться. Я иду бодрым шагом, когда Дейви тянет меня в магазин DVD-дисков, где он возьмет напрокат тот же фильм, что и всегда. Мы купили этот диск много лет назад, но он по-прежнему берёт его напрокат и с ним бесполезно спорить. Я видел его истерику из-за этого фильма, и поклялся, что это того не стоит. Он хватает фильм Карапузы⁵ и я, как и каждый раз, улыбаюсь, наблюдая его ликование, хотя знаю, что он не понимает и половины фильма. Думаю, больше всего ему нравится собака.

Я беру несколько новых релизов, и мы направляемся домой, Дейви напевает какую-то древнюю песню, которую я когда-то слышал звучащей из старого радио Ноны. Не удивлюсь, если на самом деле это было записано еще и на кассету.

Я въезжаю на подъездную аллею и усмехаюсь, воображая Чарли, которая слышит, как мы подъезжаем и взволнованно хватает большую миску попкорна и содовой. Когда я глушу двигатель, каждый волосок на моем теле встает дыбом и сердце уходит в пятки. Это крик?

Дейви выходит из машины и болтает, но я напрягаюсь, пытаюсь услышать то, что надеюсь, мне померещилось. Затем раздаётся еще один, громче предыдущего. Затем слышатся многократные вскрики, и я бросаюсь бежать в единственное место, в котором я молюсь не найти тех, кого люблю. Не в гараж, а в её дом – его дом.

Я взбегаю на крыльцо и через открытую дверь направляюсь к смешанным крикам Чарли и Ноны, отчетливому рычанию и голосу человека, которого ненавижу больше всего в этом мире. Предполагалось, что он работе; предполагалось, что он за пределами наших жизней. Однако я нахожу Нону, бормочущую что-то, сидя на полу в зале, где он, должно быть, бросил её. Непосредственно передо мной я вижу одетого в форму крупного мужчину, он находится

поверх Чарли, в то время как она кричит и пытается бороться, чтобы освободиться и дышать. Я бросаюсь, сбиваю его с неё, но не могу схватить и скольжу по разбитому, крошкой лежащему на плитке стеклу. Он миглом вскакивает на ноги и бросается на меня, как минимум дважды ударяет меня в лицо, отчего из глаз сыплются искры. Я не могу уйти, не могу оставить их с ним. Совершенно не имело значения, насколько я был им необходим: нужда и страх не имеют преимуществ перед его кулаком.

Прошли секунды, возможно минуты, не знаю, но когда слышу хныканье – заставляю своё тело отреагировать. Чарли и её папа ушли. Я ползу на коленях и вижу, что Нона тоже исчезла, но я всё ещё слышу хныканье. Где же она?

Мой ум реагирует медленно, воспаляясь от страха, когда я слышу, что хныканье раздаётся из комнаты Чарли. Желчь от страха поднимается к горлу. Мне так чертовски страшно; не думаю, что я когда-либо ещё был так напуган. Моё тело не подчиняется мне; шатаюсь, подхожу к её двери, хотя на самом деле мне хочется бежать к ней. Она открыта, и я не трачу время напрасно, не планирую, просто тихо вхожу. Я вижу Чарли побитую, рыдающую и практически голую на её кровати. Он стоит перед ней спиной ко мне, издевается над ней, спуская штаны до щиколоток. Я не смотрю на то, что находится в моей руке, мне наплевать на то, что оно впивается в мою кожу. Я взял его на полу в ванной, уже зная, как должен его использовать. Я знаю, что это никогда не закончится, если, конечно, я не воткну это в него. И я делаю это.

На самом деле я весьма шокирован тем, как легко осколок стекла вонзается в область почек, как быстро кровь начинает течь по моей руке. Несмотря на то, что сейчас могу смотреть, как он умирает, я вытягиваю из его тела кусок стекла и позволяю ему повернуться лицом ко мне, чтобы он мог увидеть того, кто отправил его напрямик в ад.

Очень медленно он поворачивается ко мне, широко раскрыв глаза; в действительности я не могу поверить, что он не рыдает от боли, и ненавижу себя за то, как я хочу, чтобы он рыдал. Я хочу, чтобы он чувствовал боль, которая была бы только частью той боли, которую он причинял Чарли на протяжении многих лет. Каждый раз, когда он звал её через двор со своего гаража – он откалывал кусочек её души. Хочу, чтобы он почувствовал ту боль, которую чувствовал я, наблюдая это, не в силах что-либо сделать. Я хотел, чтобы он почувствовал всё, вонзая осколок в его живот и оставляя там, надеясь, что я попал в какой-то важный орган.

Он берёт осколок в руку, смотрит на меня и даже улыбается: эта сволочь улыбается! Я хочу проверить Чарли, но не могу отвести взгляд от этого сумасшедшего ублюдка, пока он не умрёт. Вместо этого я наблюдаю, как кровавые капли капают из его тела на пол. Я смотрю, как он оборачивает пальцы вокруг осколка и вытягивает его из тела, вызывая тем самым ещё больший поток крови. Не успеваю опомниться, как он направляет осколок на меня.

Затем, как по щелчку выключателя его самосохранения, он толкает меня в бок. Чарли кричит, а он натягивает штаны и, спотыкаясь, выходит из комнаты и направляется вниз в холл. Я слышу, как он кряхтит и ударяется своим истекающим кровью телом о стены на своём пути. Надеюсь, это чертовски больно. Я подбегаю к Чарли, обнимаю её маленькое, дрожащее тело, пока она кричит на моей груди. Я окутываю её простынёй, пытаюсь унять её дрожь. Я действительно тотчас же благодарю Бога, за то, что её отец не добрался до неё и меня, когда слышу выстрел.

– Оставайся здесь! – требую я, и она кивает.

Её глаза кричат, умоляя меня остаться, но я не могу, и она знает это. Надеюсь, она

сделает то, что ей говорят. Я выбегаю из её комнаты по направлению к крыльцу, где уже практически чувствую витающий в воздухе запах пороха. Я спрыгиваю с крыльца, перепрыгиваю через ступеньки на траву и именно тогда вижу смерть. Я вижу, как он безжизненно лежит лицом вниз, из пулевого отверстия в его спине вытекает кровь. Она стоит с винтовкой в руках справа от меня, уставившись на мясную тушу, которая некогда была её соседом, шерифом города, отцом Чарли и нашим мучителем. Всё кончено. Окончательно... кончено.

Чарли

Настоящее

– Шарлотта Барнс, думаешь, кто-либо поверит тебе или тому убийце? – усмехается Шериф Ноэль, прежде чем отпить дымящийся кофе из своей смешной кружки с рисунком из мультфильма.

– Мой адвокат верит мне, и я надеюсь, что он и судью тоже заставит нам поверить, – парирую я, как глупый подросток. Мне не следует раскрывать все карты. Чем меньше Шериф Ноэль знает, тем меньше у него возможности подготовиться, чтобы положить конец любому успеху, которого мы можем достигнуть.

– Ты, наверное, шутишь?! Ни один местный судья не выпустит твоего парня под залог. У тебя был шанс начать новую жизнь с тем доктором, но ты не смогла удержаться от мерзкого влечения к Шоу. Тебе некого винить кроме себя.

– Может и так, но это моя жизнь!

Шериф Ноэль с грохотом ставит свою чашку на дешевый стол, стоящий между нами, и её содержимое выплескивается через край.

– Твой отец перевернулся бы в гробу, если бы увидел, что ты творишь со своей жизнью.

Я полагала, что до этого ненавидела Ноэля, но он просто опустился еще ниже. Он знает мою историю, он просто решил в неё не верить. Чтобы потом напоминать об этом, будто мне было не плевать на то, что отец думает о моей жизни, это как тыкать в разъяренного медведя пальцем. Где, чёрт побери, мой адвокат?

– Шериф Ноэль, совету вам перестать со мной разговаривать, потому что мне больше нечего вам сказать, – ворчу я, что вызывает ухмылку на его более чем нелепом детском лице. Я определенно хочу ударить его.

– Шарлотта, ты можешь уйти, когда захочешь. Но я напомню тебе, что врать полиции, предоставляя ложные показания – преступление. Я бы посоветовал тебе пересмотреть твоё заявление.

– Я бы посоветовала вам приобщить его к делу и пойти на хер. *Чёрт.*

– За это я мог бы тебя арестовать.

Я ничего не говорю, потому что освоила важный навык в своей жизни от людей, подобных Полу и отцу. Я научилась читать людей. Шериф Ноэль кричит что-то, касающееся меня. Многозначительная тишина окутывает нас, обволакивает словно туман, до того, как он снова берёт свою чашку, я стараюсь скрыть свою ухмылку, потому что только что выиграла эту битву.

– Шарлотта, почему твои показания и показания Шоу отличаются от показаний твоей соседки через дорогу, миссис Кейн?

Что. За. Фигня?

– Откуда мне знать, что она была свидетелем и давала вам показания? Я могу донести лишь свою версию; всё остальное – слухи, не так ли?

Он сжимает челюсть, потягивая кофе, используя чашку в качестве защиты, чтобы скрыть свою информацию, но он лишь дурачит сам себя.

– Ты хорошо знакома с миссис Кейн?

– Нет. Я вообще её не знаю. Я даже не знала, что её так зовут. Я видела её несколько раз

во дворе, вежливо махала рукой в знак приветствия, не более того.

– Если вы с ней не дружите, в таком случае, зачем ей было выдумывать историю про тебя и Шоу?

Хотела бы я знать.

– Не знаю. Как я уже сказала, у каждого своя версия произошедшего и эти версии отличаются в их глазах. Она верит в то, что она видела с другой стороны улицы. Наша версия – то, что мы пережили. Проблема могла бы быть, если бы её история действительно отличалась от нашей.

Я мимоходом высказываю свою версию, но будет ли он достаточно глупым, чтобы повестись на это?

– Он должен быть готов встретиться с тобой снаружи через десять минут.

– *Что?*

Он серьёзно? Нейта не обвинили в преступлении? Что сказала миссис Кейн? Я хочу задать ему эти вопросы, но не рискую спорить, тогда он встаёт и открывает дверь, ожидая, что я последую за ним. Он отпускает Нейта, и мне не придется объяснять Ноне, что я очередной раз разрушила её семью, отправив её внука за решетку.

Я быстро поднимаюсь и проскальзываю мимо шерифа Ноэля, убеждаясь, что не касаюсь его. Моё сердце безумно колотится в ожидании момента, когда он начнет смеяться и сообщит, что просто разыгрывает меня, но как только меня отводят обратно в приёмную участка, я начинаю надеяться, что это всё правда: Нейт и я будем свободны, чтобы отправиться домой.

Я больше не вижу шерифа Ноэля. Его помощник, которого я никогда не видела прежде, сопровождает Нейта в приёмную, и я бегу в его объятия.

Он крепко меня обнимает и целует в висок.

– Теперь всё в порядке. Давай выберемся отсюда и поедem домой.

Я киваю ему в грудь, и, прижав меня к себе, он выводит нас через переднюю дверь в затуманенное небо. Мы направляемся вниз по лестнице к моей машине. На тротуаре, напротив моей машины, я вижу Пола, ожидающего нас. Его лицо покрыто пятнами, а один глаз опух и практически закрылся. Нейт и я застываем на месте, как только видим его. В доли секунды я прячусь за Нейта, его широкая грудь полностью прячет меня от Пола. Ну, не совсем. У Пола густая и холодная аура: я чувствую его пронзительный взгляд и ненависть сквозь защиту Нейта.

– Чего ты хочешь? – рычит Нейт. Я хочу разорвать его и действительно порываюсь это сделать, но Нейт перемещается, скрывая меня, как он делал это в школе, когда я переоценивала свои возможности.

– Разве это не очевидно? – насмехается Пол. Это пугает меня больше, чем его гнев. В особенности из-за того, что он дразнит Нейта. У него имеется власть, способная разрушить жизнь Нейта благодаря моему дневнику, и Нейт не догадывается об этом.

– Ты ее не получишь, так что проваливай.

Пол усмехается, и я слышу его шаги. *Пожалуйста, пожалуйста, не подходи к нам: Нейт не сможет сдержаться.* Но именно в тот момент, когда в моём горле стоит ком, и я думаю, что больше не могу стоять в стороне, понимаю, что его шаги отдаляются. Затем Нейт немного отходит в сторону и берёт меня под мышку. Я не могу не наблюдать, как уходит Пол. Только тогда он смотрит через плечо, будто почувствовав мой взгляд. Он подмигивает и продолжает идти, пока не достигает своего автомобиля и проскальзывает за руль. Он

хочет, чтобы мы знали, что он еще не закончил с нами. Что это еще не конец. Он хочет сказать, что я не свободна.

Яркий пример того, почему я должна освободить Нейта, несмотря на то, что моё сердце хочет сражаться за него. Я держала бы его за руку и никогда бы не сдавалась, если бы так было лучше для него, но я не подхожу ему. Так что я должна быть решительной и быть рядом с ним совершенно в другом статусе. Быть верной всему хорошему, что во мне осталось, прежде чем станет слишком поздно, и всё хорошее в нём будет отобрано.

Мужественно стоя, он смотрит вниз в мои решительные глаза, и я приказываю себе заставить его услышать то, что ему необходимо знать, чтобы также мужественно стоять в одиночку.

– Ну, вот и всё. Не осталось ничего другого кроме истины – тебе нужно идти и жить своей жизнью и удерживать эту хорошую жизнь, которую ты для себя создашь, с девушкой или без девушки.

Я вижу грусть, просачивающуюся сквозь него и его прекрасные глаза, в которых отражается понимание смысла моих слов. Я хочу забрать их обратно, но это только мечта, я буду бороться и защищать его свободу.

– А как же ты? Я нужен тебе.

– Я пройду через это так же, как и ты. Ничего никогда не складывается идеально, Нейт, и всё, что мы можем делать: быть сильными и поступать правильно. Я поступаю правильно.

– Не думаю, что я смогу пережить это, – шепчет он, разбивая моё испорченное сердце. Слезы, которые я пыталась сдержать, начинают течь обильными потоками.

– Что мне сказать, чтобы ты передумала?

Я не сдамся, не в этот раз.

– Нет ничего, что ты можешь сказать, но я всегда буду рядом для тебя. Нам просто нужно некоторое время, чтобы измениться. У тебя есть работа, бизнес, а мне нужно определиться, что будет дальше.

Я смахиваю слёзы и обратно опускаю руки по бокам, когда замечаю слёзы, катящиеся по его щеке. Мы переживём это; нам просто нужно оставаться сильными. Будь что будет. Если двери в нашу жизнь не закроются навсегда после того, как мы соберемся по кускам, мы будем знать, что сможем пережить всё. Тем не менее, сейчас он должен уйти. Другого выхода нет. Мне нужно выяснить, как заполучить обратно свой дневник, прежде чем все мои ужасные слова предстанут перед судом, перед всем миром.

– Я не хочу оставлять тебя одну, незащищенную от этого мудака.

– Я собираюсь вернуться и запросить защитное предписание, затем собираюсь забрать свои пожитки и поехать в Грандвью на несколько дней, пока не разберусь со всем происходящим.

Он тянется ко мне, а я делаю разрывающий сердце шаг назад.

– Я просто хочу, чтобы ты знала – моя любовь скреплена с твоей, и так будет всегда.

Я глотаю тугой комок, кажущийся кусочком моего сердца.

– Я отпускаю тебя.

Он плечом вытирает щеку, и я больше не могу сдерживаться – протягиваю руку и вытираю одинокую слезу прежде, чем поцеловать её след.

– Ты свободен.

Нейт

Настоящее

Нона хочет, чтобы я вернулся домой, но я не могу там находиться; не могу видеть тот дом или быть рядом с кем-то. Я заставил её высадить меня у моего грузовика и направился домой. Не знаю, была ли это хорошая идея потому, что теперь я знаю, на что это похоже – быть по-настоящему одиноким. Моё сердце в плену и не важно, что она говорит или делает, но, когда любишь – ты должен думать о другом человеке. Она нуждается в личном пространстве; никакая любовь не сможет изменить этого. Чем больше я думаю об этом в зовущей меня тьме, тем больше понимаю, что она нуждается в том, чтобы я оставил свет на её пути домой. Не сомневаюсь, что она вернется ко мне, но я должен остановиться и ждать, не боясь. Я должен позволить ей держаться и победить самостоятельно. Единственное, что я могу сделать – уступить и ждать.

Я смотрю на свои сапоги, упершись лбом в ладони, будто они хранят ответы на все вопросы. Я просто хочу помочь, физически что-то сделать для неё, однако, самое лучше для неё – делать ,блядь, абсолютно противоположное. Только Бог знает, что скрывается под её страданиями, но я хочу защитить её и подарить Чарли любовь, которую она заслуживает, хоть и отрицает это.

За всеми нашими слезами – план и всё, что я должен сделать для нас – оставаться сильным и не тащить её ко дну.

Она думает, что у меня есть работа, на которую я должен вернуться. Я хотел рассказать ей, чего достиг, чего добился своими собственными силами. Она не знает, что я владею своей собственной строительной компанией, состоящей из двух квалифицированных бригад, умеющих выполнять любые работы от ремонта до строительства домов и многое другое. Но не могу при помощи денег или другого рода успеха добиться своей цели; я могу лишь продолжать жить, улучшать свою жизнь и жизнь моих людей, и держаться на плаву.

Я всё еще хочу утонуть в её объятиях, ощущать её кожу своей, слышать, как она зовет меня по имени и заставляет вдохнуть прежде, чем я уйду. Она мой воздух и моё солнце. Я хочу и нуждаюсь во всём этом, но так сильно устал, что не могу здраво мыслить. Я хочу исправить её, исправить нас, и это моя проблема.

Я не могу стереть из памяти потребность в её любви и прикосновениях. Не могу стереть желание поднять трубку и позвонить ей, или стереть образ ее развевающихся волос из-за легкого ветерка от нашего дерева. Но я могу вычеркнуть долгие минуты её отсутствия в моей жизни, когда я был напуган тем, что она может найти мне замену, потому что знаю, что она любит меня, и я никогда её не отпущу.

Я провожу руками по волосам и делаю самый глубокий исцеляющий вдох, беру мобильный и звоню в офис. Чтобы выжить – я заменю одну потребность другой. Чтобы просыпаться с новым рассветом и встречать день в одиночестве, пока она не будет готова строить нашу жизнь снизу и до самого верха, откуда я никогда не позволю ей упасть.

Я такой же, каким и был прежде чем мои глаза окончательно закрылись, только мне холодно, и я чувствую себя разбитым. Моё плечо ноет, но я должен идти на работу, мне придётся глубоко копать, маскировать одиночество и беспорядок, каким сейчас является наша жизнь. Так что я вытаскиваю свою задницу из постели и бегу от неё. Я принимаю душ и завариваю чёрный кофе. Закрываю дом, оберегая своё плечо от ненормального для 5 утра

холода, пока не расслабляюсь в прогревающемся грузовике.

К тому времени, как доберусь на работу, мой бригадир, Коннор, уже приступит к работе. Это крупнейший из наших заказов: новое поместье. Мы получили контракт, что было бы абсолютно невозможно, если бы я не начал собственный бизнес, после того, как получил отказ во всех строительных компаниях штата. Никто не хотел нанимать человека с судимостью, я понимаю это, но я сочувствую тем, кто не так удачлив и успешен, как я. Скорее всего, они попали обратно в тюрьму, так как не могут жить на минимальную зарплату или вообще не могут получить стабильную работу. Сейчас у меня контракт с государством на обучение тех, кто проходит реабилитацию, моему роду деятельности, с возможностью после предложить им трудоустройство. Пока всё проходит благополучно, несмотря на некоторое недовольство местных. Главным образом люди видят пользу, моя деятельность представляет собой символ моего покаяния – делать что-то хорошее после всего случившегося.

Я простой человек, просто хочу найти себя, быть уверенным в том, что делаю, любить кого-то и быть любимым. Еще проще быть не может.

Наверное, уже в сотый раз я сопротивляюсь порыву позвонить ей, просто чтобы узнать, что она в порядке, не нуждается ли в чем-то, но всё же понимаю, что не могу сделать этого. Даже если бы я мог, несмотря на то, что хочу, я не могу изменить её мнение или её стремление разобраться со всем самостоятельно. Чарли становится сильнее, и я не буду этому препятствовать.

Я предпочел бы умереть, чем быть тем, кто толкнет её в ловушку и во тьму снова в тот момент, когда она видит проблеск света позади её тайн. Я предпочёл бы умереть жуткой и мучительной смертью.

Меня радушно приняли обратно, атакуя огромным количеством шуток на протяжении всего дня, время от времени отвлекая от того, чтобы, черт побери, не позвонить Чарли. Я практически отправил одного из ребят поехать в Грандвью, но отмахнулся от этой идеи, когда подумал о предательстве. Это постоянная борьба, в которой я буду сражаться так, как сражался со всеми остальными пристрастиями.

Двадцать долгих дней я работал до тех пор, пока едва не валился с ног, но засыпать было всё также тяжело. День за днём я тащил свой зад домой, ощущая пустоту из-за её отсутствия. Я мутно и плохо сплю, прежде чем мне приходится встречаться с новым днём, в постоянной борьбе с моими собственными обязательствами. Я надеюсь, что и она победит в своей собственной борьбе. Я потерял бесчисленное количество часов сна, мечтая о том, что могло бы быть, только для того, чтобы проснуться с раной глубоко во мне, ощущая ошибочность мнения, что я поступаю правильно.

Нона звонила пару раз. Я игнорирую её и знаю, что это хреново, но я не в состоянии иметь дело со всем этим прямо сейчас. Я бесчувственный, погружен в работу с головой и хочу игнорировать всё, что заключает в себе моё сердце.

Прямо сейчас мне больно так, будто я снова потерял её. Когда меня впервые арестовали, от мысли, что могу потерять её, я чувствовал такую же острую боль, как если бы меня выпотрошили. Дейви и Нона были друг у друга, но мы: Чарли и я, столкнулись с большей утратой, чем когда-либо испытывали.

По сей день поражаюсь своей наивности в отношении будущего. Я думал, что с утверждением о самообороне против монстра у меня был шанс на защиту. И всё же, когда я столкнулся с тем судьёй и длинной очередью чудаков-свидетелей, мне стало действительно

страшно. Они поручились за то, каким замечательным человеком и отцом был покойный Шериф Барнс до своей трагической и жестокой смерти от рук неумняемого молодого человека. Я начал осознавать пугающую реальность того, что меня ожидает впереди. Несмотря на мои показания, а также Ноны и Чарли, присяжные и судья полагали, что за кулисами осталось больше, чем любой свидетель мог бы увидеть, и это подарило нам надежду. Затем они перешли к вынесению приговора, но... когда ты слышишь «но», всё, предшествующее ему – исчезает.

Я защищал наши жизни до тех пор, пока не выгнал отца Чарли во двор и выстрелил ему в спину.

Нона закричала в противовес их словам, ибо она знала правду. Она спустила курок в тот роковой день, однако я собирался поплатиться за это. Вина кричала исходя из её души и всё, что я хотел сделать – поддержать Нону. Чарли нигде не было видно. Они скрыли её от нас, так как она была несовершеннолетней. Я видел её только тогда, когда она давала свидетельские показания. Рассказывая свою версию того, что её отец делал с нами и с ней в тот день, она плакала очень сильно, но ни разу не отвернулась от моего пристального взгляда. Прямо перед тем, как она должна была изложить свою ложь, она посмотрела в сторону Ноны и Дейви, заставив нас гордиться, прежде чем её вывели из зала суда и моей жизни.

Есть грань между самообороной и охотой. Я переступил эту черту и получил соответствующий приговор. Некоторое время я провёл под арестом, пока не достиг совершеннолетия, затем меня отправили в тюрьму штата, где через пять лет я получил условно-досрочное освобождение.

Содержание под арестом фактически походило на серьёзно охраняемую школу, что позволяло мне продолжать обучение и получать консультации психолога. Там было немало уязвимых детей, но большинство находились на грани безумия, либо были членами банд. В первый же день меня предупредили о преступных группировках. Если бы я не был таким замкнутым человеком, возможно, я решился бы присоединиться к ним, так как понимал силу одиночества. Когда тебя оторвали от твоей семьи или у тебя вообще её никогда не было – очень заманчиво стать частью чего-то, что олицетворяло собой идею. Они были в братстве и были опасны. Я старался изо всех сил не стоять у них на пути, сознательное выживание стало единственным моим союзником.

Я был совершенно неправ и чуть не поплатился за это своей жизнью.

Тюрьма была точь-в-точь тем же, только с большим количеством охраны и большим числом видов монстров. Я примкнул к первой попавшейся банде и делал всё зависящее от себя, чтобы сохранить душу и тело в целостности. Только по прошествии двух лет я создал свою собственную репутацию, многие из моего «братства» были убиты или выпущены на свободу. Я поднимался по иерархической лестнице не только при помощи силы, но и путём подавления. Именно тогда я осознал, что мог изменить некоторые фундаментальные вещи моей повседневной жизни в этих толстых, холодных стенах. Я мог защищать слабых и по-прежнему оставаться сильным, мог жертвовать без потерь. Эти перемены были вознаграждены начальниками и охранниками благосклонностью и финансовым обеспечением, чем-то типа лицензий моим строителям и другими проектами.

Всё это во многих отношениях изменило мою жизнь и выставило меня дураком во многом другом. Однако именно её письма подтолкнули меня, заставили стремиться к моему будущему и напоминали, что я был невиновен.

Её слова могли вдохновить меня, дать мне надежду, а порой они были подобно пулям, разрывающим на куски мою плоть. Я заслуживал каждую поверхностную рану и более, ибо я никогда не отвечал на её душераздирающие, преданные письма. Внимание парней всегда привлекало то, что когда я получал ее письмо, я прислонялся к стене и перечитывал каждое слово много раз подряд, пока оно не врезалось в мою память навсегда. Затем я нес письмо к ближайшей раковине или унитазу и рвал его на мелкие кусочки, прежде чем смыть. Я никогда бы не позволил другому мужчине прочесть её драгоценные слова, её тайны. Я не позволил бы им узнать о её горе и страданиях, которые она переживала в приёмной семье. Но, полагаю, в один прекрасный день, после окончания вуза, она отказалась от меня. Больше не было ни словечка, ни письма. Каждый раз, когда приходила почта и я не получал письмо, пусть за многие годы и привык к этому, мне хотелось ударить кулаком в стену. Что и случилось пару раз.

Я ненавидел себя за это, а порой сильнее ненавидел её. Но она поступила так, как хотел я – выросла и оставила позади ужасы нашего прошлого.

Тем не менее теперь, когда я обдумываю все те решения, которые мы приняли, считая, что они верны, я осознаю, как сильно мы ошибались. Чарли никогда не превратится в свободную женщину, какой я хочу, чтобы она была. Она так и не попала в сказку. Она ушла из одного дома ужасов в другой.

Что ж, мы оба в десятикратном размере оплатили наши долги и потеряли слишком много времени. Она не живет – она существует в состоянии ожидания в мотеле, и это нужно прекратить.

Этим утром вместо того, чтобы ехать напрямик на строительную площадку, я медленно еду в сторону Грандвью, вижу её машину, припаркованную в отведенном для этого месте, и вздыхаю. Не знаю, чем я могу помочь, но выясню это, даже если мне придётся стать своего рода сталкером. Нужно покончить с этим дерьмом прежде, чем оно покончит с нами.

Чарли *17 лет*

Я выплакала все слёзы и даже больше, но ни одна слезинка не стоила этого. Я думала, что они выпустят его после задержания. Думала, что они не отправят его туда, куда сажают убийц и насильников, но они посадили его. У меня не было возможности поговорить с ним или встретиться, так как моя новая приёмная семья говорит, что я должна двигаться дальше. Они используют такие слова, как: зло, грех, покаяние и Бог, но это всего лишь слова. Смиты – тоже ничего не значат, они не помогают ни мне, ни Нейту.

Я чувствую боль в груди оттого, что потеряла его. Он был моей опорой сколько я себя помню, а теперь у меня не осталось ничего, кроме сомнения. Сомнение – жестокая уязвимость, оно закапывает всё, чему ты доверяешь, под землю, хороня так глубоко, что ты задаёшься вопросом, было ли правильно хоть что-то, с самого начала. Прошло двенадцать месяцев, от Нейта не было ни одного письма, ни сообщения, ни звонка.

Я думала, что он любил меня, но это было полной чушью. Это было в прошлом. Я просто желаю, чтобы он, как и я, нуждался в прикосновениях.

Глубокой ночью я чувствую муки страданий. Я плохо переношу одиночество и хочу, чтобы он вернулся. Хочу в его кровать, которая на протяжении многих лет была моим безопасным местом, но я так давно была лишена её, что больше не могу вспомнить запах.

Нона и Дейви тоже не звонят, и они сменили номер своего телефона. Я могла бы снова

его узнать, но ради чего мне напрягаться, если совершенно ясно, что они не хотят со мной разговаривать и действительно, чёрт побери, с чего бы им хотеть? Я – виновница того, что Нейт сидит в тюрьме, а их семья разрушена в пух и прах. Я разрушила их всех, потому что была чертовски напугана, чтобы противостоять отцу, и достаточно глупой, думая, что он позволит мне уехать. Потому что мне нравилось каждое ласкающее прикосновение Нейта... потому что я чёртова грязная трусиха. Чарли – милое имя для меня, оно ни в коей мере не соответствует действительности.

Это моя третья приёмная семья и скорее всего не последняя, ибо я отказываюсь от их Бога и прощения, которое он хочет мне подарить. Не Бог должен простить меня. Дольше всего я пробыла в моей последней приёмной семье, я рассказала его жене о его прикосновениях и легких касаниях. Она назвала меня грёбанной лгуньей и на следующий день отправила паковать вещи. Однако, вне всяких сомнений, моя первая приёмная семья была худшей, так как всё было слишком новым для меня. Не знаю, был ли у меня шанс обрести счастье у Дженнингсов; я думала, что никогда не стану счастливой без Нейта, так что я даже не пыталась.

Я до сих пор несчастна без него.

Итак, сейчас я сижу на автобусной остановке, ожидая Грейхаунд⁶, который доставит меня на встречу с Нейтом. Мне нужно увидеть парня, которого я люблю, или мужчину, каким он стал; и того и другого я буду любить до конца своих дней и это единственное, что будет держать меня на плаву.

Подъезжает автобус, запах выхлопных газов щекочет мне нос. Автобус почти пустой, и я чувствую на себе взгляды людей по мере того, как, опустив глаза в пол, прохожу четверть пути к одному из свободных мест, прежде чем запрыгнуть на сидение и посмотреть в окно, ни на что особо не глядя. Я занимаюсь этим всю дорогу, пока водитель не предупреждает меня о моей остановке. Новый поток взглядов обрушивается на меня, пока я мчусь к передней двери, улыбаюсь водителю и выбегаю, прежде чем он сможет сказать то, что, судя по его виду, хотел сказать.

Я потеряла всё и сегодня меня ничто не сможет помешать нашей с ним встрече. Я хочу, чтобы он знал – я жду его освобождения. Я хочу увидеть его, и знаю, что для нас всё реально. Возможно, мы могли бы пожениться, как на тех шоу, и я смогла бы постоянно навещать его... а может единорог подарит мне три желания.

Получается, мне нужно всего одно желание. Я несовершеннолетняя и без присмотра взрослых не могу навещать заключенных. Всё было зря, ну, практически всё. После одной одинокой слезы охранник сказал, что он сможет передать Нейту письмо в том случае, если я буду согласна, что персонал вначале прочтёт его в соответствии с регламентом. Я, не раздумывая, согласилась на его условия; всё для того, чтобы Нейт знал, где я и что я жду его. Если у него будет мой адрес, он сможет написать мне.

Мой почерк неразборчив из-за того, что рука слишком трясется, однако на самом деле я думаю, что его это не будет волновать. Я очень быстро пишу на тот случай, если охранник передумает. Дописав, я подношу письмо к губам до того, как охранник пугает меня, из-за чего я чуть ли не роняю послание.

– Нет. Ты не можешь оставить помаду, блеск или запах духов на письме. Сожалею.

Он действительно выглядел извиняющимся и я, благодарно улыбаясь, складываю письмо пополам и жду, чтобы он прочитал его, но он этого не делает. Я смотрю на него, затем вручаю письмо, желая, чтобы он прочитал его до того, как я отправлюсь домой. Но он

вкладывает его в конверт и остается на своем посту, с каждой потраченной секундой убивая во мне по частичке надежды.

Он заметил, что я сомневаюсь, стоит ли мне уезжать, и криво улыбается.

– Он получит его где-то через неделю. Письмо как раз пройдет проверку, так что ожидание бессмысленно.

– Ох. – Мне нужно два желания, – спасибо.

Выжатая и опустошенная, я поворачиваюсь и направляюсь на автобусную остановку, не имея понятия, есть ли там автобус, который сможет меня отвезти обратно, или придется ждать, когда прибудет четырехчасовой автобус, на котором я планировала уехать.

Я сижу, многочисленные слезинки часами скользят по моим щекам в тишине, прежде чем следующий автобус забирает меня. Проходя через те белые двери дома моих боголюбивых приёмных родителей, я знала, что уже в пути на новое место жительства. Если бы Нейт получил моё письмо через несколько дней или даже завтра, было бы слишком поздно, чтобы я могла получить ответ. Марк и Бевэрли Смит не отправили бы почту с маркой из государственной тюрьмы, и я никогда не получу то письмо. Тем не менее, это не мешает мне писать ему еще, еще и еще.

Нейт должен знать: моя любовь сильнее стен и решёток.

Чарли

Настоящее

Он думает, что я не вижу, как он приседает в проходе между полками позади меня, делая вид, что выбирает продукты. Я решила превратить это в игру, чтобы преподать мегасранцу урок. Именно тогда, когда он думает, что может безопасно следовать за мной по проходу, я оборачиваюсь и ему приходится быстро схватить с полки товар или сделать вид, что он изучает цену. Так что я направляюсь к предметам личной гигиены и, убеждаясь, что он находится напротив полки с тампонами, оборачиваюсь, повергая его в панику. На секунду он не понимает, что находится перед ним. Сейчас он опозорится из-за своего имитируемого осмотра. Я не могу сдержать смешок, когда его сексуальные, темные брови хмурятся, как только он осознает на что смотрит.

Впервые за долгое время, искренне улыбаясь, я, управляя тележкой, поворачиваю за угол. Он всегда был причиной моей улыбки, и я сильно по нему скучаю.

Пачка тампонов падает в мою тележку, пугая меня, несмотря на то, что я знаю, кто её туда закинул.

– Я решил, что ты, должно быть, нуждалась в них, – говорит он, толкая свою тележку рядом с моей.

Я не смотрю на него, пытаюсь скрыть свою широкую улыбку.

– Ну... не я была тем, кто остановился, чтобы осмотреть их.

Он хихикает, и я больше не могу сдерживать улыбку.

– Что нового? – спрашивает он, будто бы мы старые друзья, которые не виделись некоторое время... погодите. Ладно, именно так и есть. Но я не должна обманывать себя. Мы всегда были больше чем друзья и наверняка ничего не изменится, вопреки ограничениям, которые мы для себя устанавливаем.

– Ты бы знал, если бы что-то было, – ухмыляюсь я, а он, весь из себя милый, опускает голову вниз.

– Извини.

Я толкаю свою тележку, и он молча делает то же самое. Думаю, больше нет смысла скрываться.

– Ты что, в самом деле ешь замороженные корн-доги⁷? – качаю головой, осматривая содержимое его тележки, наполненной дрянной пищей.

– Они подходят для быстрого перекуса. Не осуждай меня.

– О, я осуждаю. Ты действительно ешь всё это дерьмо?

Он смотрит на содержимое своей тележки и смеётся.

– Кое-что я закинул, когда пытался отвлечь твоё внимание от моей слезки.

– Угу. Значит готовые котлеты для бургеров не входят в твой обычный список покупок?

– Они входят. Собачий корм – нет, у меня нет собаки.

Я смеюсь и останавливаюсь в конце прохода.

– Когда ты в последний раз нормально ел?

Он от удивления поднимает брови, и я передразниваю:

– Ну?

– До несчастного случая, раз в неделю я просил Нону готовить мне еду. Обычно я

слишком занят.

– С момента аварии прошло несколько недель.

– Да, ну это были тяжелые несколько недель.

Я киваю, точно зная, о чём он говорит. Было трудно во всех смыслах. Я оглядываюсь в поисках продавца и замечаю молодого парня в PigglyWiggly⁸ униформе, заполняющего полки товаром. Я забираю у Нейта тележку, не обращая внимания на его протесты, вызванные тем, что я оставляю тележку продавцу, объясняя, что Нейту нужен был некий тренинг на тему покупок. Вначале молодой человек кажется раздраженным из-за того, что ему придется расставлять по местам такое количество продуктов, но затем улыбается и забирает тележку.

Я поворачиваюсь к Нейту и моей ожидающей, наполовину заполненной свежими продуктами, тележке. Игнорирую его недоверчивый вид и самодовольно улыбаюсь.

– Я приготовлю тебе ужин. Это меньше, что я могу сделать.

Наверное, это неправильно и глупо, но, на удивление, так приятно заботиться о нём.

Я хватаю тележку, но Нейт отталкивает меня в сторону:

– Я повезу.

Я убираю руки и хихикаю:

– Хорошо, но помни – теперь там есть тампоны.

Нейт смеётся, искренне смеётся и это так круто – слышать его смех. В мгновение ока его глаза и кожа озаряются, и я понимаю, что всё делаю правильно.

Мы в течение нескольких минут молча гуляем по рядам – я хватаю покупки с полок, Нейт берёт их у меня и складывает в тележку, пока мы не достигаем крайнего ряда и не возвращаемся обратно к кассе, где он снова легонько отталкивает меня в сторону локтем. Он ухмыляется, взгромождая покупки на ленту для кассира. Я могла бы привыкнуть к этому. По ощущениям это было приятно и естественно. Он не позволил мне заплатить и впервые за всё время мне пришло в голову, что я не знаю, чем Нейт, кроме строительства, зарабатывает себе на жизнь.

Я следую за ним, когда он толкает тележку к моей машине и протягивает руку за моими ключами, чтобы он мог выгрузить продукты. Я вижу, что он загружает мой багажник преимущественно правой рукой.

– Всё еще немного болит?

– Слегка, но ничего серьёзного, тебе не о чём беспокоиться, – он вращает плечом, подтверждая свои слова, но ему не удается меня убедить.

– Ты хочешь поехать ко мне прямо сейчас или встретимся в мотеле около шести? – спрашиваю я, проклиная неуверенность в голосе. Я не просила его встречаться со мной, жениться или трахнуть меня. Нет, мы, как взрослые, по-дружески поужинаем. И всё.

– Я вернусь позже. Мне нужно помыться и привести в порядок завтрашнюю работу.

Мы, как два неуклюжих подростка, стоим под палящим солнцем, рядом с моей машиной. Между нами никогда не было неловкости. Никогда. Я хочу что-то сказать, но ничего не выходит. Он тянется ко мне, а потом опускает руку. Хихикает и отступает от меня, затем делает еще один шаг назад и еще, пока не оказывается прямо на выходе с парковки. Затем разворачивается и направляется к огромному голубому грузовику, на боку которого надпись, гласящая «*Строительная компания Шоу*».

Обожемой!

Я смотрю как мой лучший друг, давний любовник, любовь всей моей жизни и

совершенно незнакомый человек машет мне рукой и, трогаясь с места, уезжает с парковки PigglyWiggly.

Сегодня вечером будет несколько серьёзных вопросов и ответов.

Я отвожу свою тележку на парковку и практически не замечаю, как возвращаюсь к машине. Ни с того ни с сего я заволновалась. Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, когда я последний раз была взволнована готовкой для кого-то. Это были ни страх, ни переживания, просто чистое, вызванное адреналином, волнение.

Делая успокаивающие вдохи и выдохи, я еду, не нарушая правил, по улицам Бивэр-Дэма с мечтой в сердце – начать всё с нуля, как взрослый человек со страстной улыбкой на лице, у которого впереди вся жизнь.

Принимать незначительные решения в своей жизни, например, с кем ты будешь ужинать – это и есть свобода. Я больше никогда не позволю себе принимать их и никогда не приму это как нечто само собой разумеющееся.

Нейт

Настоящее

Я так горжусь ею, так чертовски сильно горжусь. Хотел бы я лишь гордиться ею, а не желать уложить и показать, как сильно я скучаю по ней, по ней целиком, по её телу и душе.

Мне стоило больших усилий первым отступить назад. Её улыбка убедила меня сделать это. Она счастлива и это благодаря мне. Знаю, звучит странно. Но наши тела, как маяки друг для друга. Мы одно целое, мы соответствуем друг другу, вместе мы отразим атаки всего мира.

Я бегу по лестнице, перепрыгивая через ступеньку и мгновенно оказываюсь в доме. Раздеваюсь по пути в душ, оставляя позади себя тропу из одежды. Я чуть не пропахал остальной путь носом из-за того, что забыл в коридоре сбросить с ног ботинки, прежде чем начать стягивать штаны.

У меня есть куча времени, но по пути к ней я хочу постараться раздобыть какие-то цветы и, возможно, бутылочку вина или... чёрт! Вода обжигает, потому что из-за того, что мой мозг перевозбужден, я не включил холодную воду. Я отступаю назад к стене, покрытой кафелем, танцую, будто я в составе "Риверданс"⁹, пока температура воды не снижается и затем, конечно же, не становится слишком холодной, но с этим я могу справиться. По правде говоря, прохладный душ – вероятно, хорошая идея, по многим причинам.

Я намыливаюсь и тру себя мочалкой, вытираюсь полотенцем и брызгаюсь духами. Бритье требует, чтобы я, блядь, успокоился, а не вёл себя как ребёнок, или в противном случае я порежу себе лицо.

Я завершаю задачу со вздохом облегчения, оставшись целым и невредимым. Не думаю, что смог бы противостоять пыткам Чарли, с которыми она непременно бы накинулась на меня, если бы мне пришлось объяснять исчезновение ямочки над губой с моего лица. Я ногой отшвыриваю в сторону свою разбросанную одежду. Позже уберу.

Как идиот, дважды переодеваюсь, прежде чем выбрать джинсы и темно-синюю рубашку с длинным рукавом, и поглядываю на часы, сейчас 4-50. Я приду рано, но, если быть честным, я этого хочу. Я хочу видеть её и быть с ней рядом. *Болван.*

Просто, кажется, сегодня всё по-другому, будто она снова стала самой собой. Есть признаки дерзости и огня; я боялся, что они были утрачены, но она возвращается. Моя Чарли возвращается.

Чарли

Настоящее

Всё начиналось, как неловкое свидание: цветы, судорожные движения и неуклюжий поцелуй. Когда он осматривал мой дом, то замолкал и эти моменты, казалось, тянулись, как будто в другом, собственном временном пространстве.

О да, я называю эту маленькую комнату своим домом, потому в течение очень долгого времени у меня его не было. С тех самых пор, как государство взяло меня под свою опеку. Так что, невзирая на огромное количество картин с пейзажами, невзирая на мою кровать, стоящую, как жирный слон в комнате или на то, что моя уборная видна из кухоньки с крохотным обеденным столом – этой *мой дом*.

По крайней мере, сейчас.

Я собираю посуду и несусь к крошечной раковине; все, что угодно, лишь бы избавиться от столь ощутимой потребности друг в друге, связывающей нас. Когда я чувствую тяжесть его теплого тела своей спиной, да поможет мне Бог, вдыхаю его запах, будто он олицетворяет единственный настоящий дом, который у меня когда-либо был. Мой разум, тело и поврежденная душа тают в нём. Он оборачивает свои большие руки вокруг меня, крепко обнимая, и я понимаю, что другого дома у меня не будет. Кровати, крыши, стены – всё это несущественно по сравнению с его объятьями. Когда Нейт обнимает меня, я – его.

Моё сердце колотится быстро и сильно. Я чувствую пульс его сердца своей спиной, не синхронного с моим, но, по сути, движимого тем же желанием. Я сжимаю джинсы на его напряженных бёдрах, ощущая выпуклую мышцу под джинсовой тканью. Это была не единственная напряженная мышца, которую я могла почувствовать через крепкую ткань; я хотела его. Не думаю, что я когда-либо так сильно хотела его.

Желая большего, я пытаюсь развернуться, но он по-прежнему обнимает меня и это лишь еще больше возбуждает меня. Вцепившись в его джинсы, пытаюсь поместить руки между нами так, чтобы у меня был доступ к нему, но он сильнее прижимается ко мне. Раковина врезается мне в живот; резкая боль лишь усиливает острую необходимость.

Нейт, оставляя горячий след, проводит языком по шее к челюсти, и я тянусь к нему, желая продолжения. Я нуждаюсь в этом. Выгибаюсь в его руках от того, что он практически мнет мою грудь через хлопчатую ткань сарафана, который я выбрала, потому что ему всегда нравится, когда я ношу платье. Я задыхаюсь и облизываю губы, когда он берет меня за подбородок, притягивает к своим губам и, заставляя вытянуть шею, жадно целует. У него такой нежный язык и он сводит меня с ума, когда с особой потребностью погружается в мой рот, задевая губы и зубы. Клянусь, он никогда так не целовал меня. Есть нечто отчаянное в том, как я вдыхаю и подстраиваюсь, хватаясь за него, чтобы притянуть ближе к себе.

Его поцелуй сильный, поглощающий и я на грани смерти, когда он запускает пальцы в мои волосы, прижимаясь своими губами к моим. Он всегда любил целоваться, и теперь его желание усилилось. Если бы нам не нужно было дышать, мы бы целовались вечно.

Он прикусывает уголок моей нижней губы. Его горячее, влажное, хриплое дыхание обдаёт мой подбородок и ухо, этот звук вызывает боль внизу живота, и она усиливается, когда его другая рука скользит от моей груди по животу к моей промежности.

Я стону еще до того, как он хватается за меня, жадно присасываясь к моей шее. Я больше не могу терпеть это, не имея возможности прикоснуться к нему; это раздражающе и...

чертовски горячо.

– Пожалуйста, – хрипло молю я, а он стонет мне в шею, прежде чем повернуть меня лицом к себе и снова овладеть моим ртом. Он хватается руками за подол моего платья и задирает его так, чтобы добраться до моих влажных трусиков. Я так возбуждена для него, желаю его, нуждаюсь в нём. Вожусь с пуговкой на его джинсах, подобно новичку, которым в действительности не являюсь. Тем не менее, моя рука не перестает трястись, я не могу унять дрожь. Я даже не успеваю добраться до молнии – он сжимает мой зад и поднимает. Я оборачиваю ноги вокруг его талии; мои губы стремятся к его гладкому, как у младенца, подбородку. Он пахнет чем-то пряным и это вызывает желание облизать его, что я и делаю. Я облизываю, пробую и вдыхаю его аромат, когда он бросает меня на кровать. Взъерошиваю пальцами его короткие, темные волосы, пока он целует мою шею и грудь, а его пальцы разбираются с крошечными пуговками моего платья. Его губы и язык следуют за руками, отправляя меня в стремительный полет, вниз по кроличьей норе, в моё безумие.

Его язык блуждает по моей груди, прямо по покрытым кружевом соскам, я знаю, что он собирается сделать, моё тело знает это. Когда его губы касаются моих заострённых «вишеночек», я стону, и он посасывает сильнее, пока не достигает местечка под грудью. Кто, черт возьми, знал, что это место такое чувствительное? Я выгибаюсь сильнее, и он стонет.

– Ты так прекрасна. Я хочу касаться, облизывать, пробовать и вкушать всю тебя, до последнего дюйма.

Я не могу думать, я просто действую.

– Нейт, – умоляю я.

– Я знаю.

Его голос глубокий и чувственный. Покусывая и лаская мою кожу языком, он прокладывает путь к моим трусикам и в опасной близости замирает, мучая меня. Я извиваюсь под ним, но он прижимает меня к матрасу.

– Скоро, но сперва я ублажу тебя, и затем ты станешь моей навсегда, – обещает он.

Я безумно хочу кричать. Хочу целовать и любить его, показать, как сильно я желаю принадлежать ему. Хочу рассказать ему, что всегда была его. Как только я собираюсь произнести эти слова, горячий рот накрывает мою промежность, облизывая и посасывая сквозь трусики, его пальцы устремляются к нежной, влажной плоти, отодвигая в сторону промокшую ткань. Невозможно сопротивляться движению его пальцев, когда он проскальзывает ими в меня, разжигая болезненное желание, распространяющееся от моего живота и заполняющее всё моё существо, делая его более податливым для него.

Я неустанно извиваюсь, невзирая на то, что Нейт удерживает меня под весом своего тела, его плечи и руки удерживают мои ноги разведенными. Почему он до сих пор не взял меня? Я хочу ощутить его внутри себя, как он заполняет меня своим толстым членом и горячей спермой. Я задыхаюсь и практически схожу с ума, извиваясь от его проникающих пальцев и терзающего меня рта.

– Сейчас! – шумно выдыхаю я, отталкивая его голову, разрываясь между желанием потерять себя в наслаждении, доставляемым его ртом, и желанием получить небольшую передышку, раздевая его, прежде чем он возьмёт меня.

Из его груди вырывается глубокое, вызванное желанием, рычание, он поднимается и стягивает через голову рубашку, отбрасывая её в сторону от кровати. Он соскальзывает с матраса, не разрывая зрительного контакта с моим взглядом, горящим от желания увидеть его голым, увидеть его готовый для меня член. Это будет первый раз, когда мы занимаемся

любовью, будучи взрослыми, и это будет завершением всего, что было в прошлом. Я во многих отношениях нуждаюсь в этом так же, как и он.

Моё тело открыто для него, платье задралось с обеих сторон и лишь руки удерживают его на мне. Лифчик скрывает немного, а трусики, из-за того, что пропитаны влажностью, и подавно. Я сажусь, позволяю платью упасть с моих плеч и отвожу руки назад, затем расстегиваю бюстгальтер и обнажаю грудь, чтобы Нейт мог видеть её и взять. Единственное, что осталось снять – трусики, но я хочу, чтобы это сделал он.

Нейт скинул штаны и трусы одновременно, стоя у подножия кровати, восхитительно обнаженный и нетерпеливо твердый. Он изменился во многих отношениях, я восхищаюсь этими переменами в нём и горю от нетерпения, чтобы оценить их по достоинству.

Он ползет по кровати между моих, ждущих его, ног и берется за тонкую ткань с обеих сторон. Я думала, что он собирается разорвать их, но он делает хуже. Кропотливо медленно, дюйм за томительным дюймом, он снимает их с меня. Его язык оставляет дорожку по следу трусиков, пока он не стаскивает их с моих ног, и я предстаю перед ним обнаженной. Моё тело и вся я готова, чтобы Нейт заполнил меня и доставил удовольствие так, как должен мужчина. Нейт никогда не разочарует меня. *Никогда.*

Он нависает надо мной, упираясь членом в мою доступную киску. Он хочет быть медленным и заботливым – это, как и каждое мгновение проявления самообладания, отражается в его глазах. Нейт боится за меня. Он не боится причинить мне боль, он напуган тем, что мне нужно больше времени, чтобы подумать об этом... чтобы выбрать.

Мне не нужно больше времени. Я выбираю его. Я всегда буду выбирать его.

Он тихо вздыхает, когда я беру в ладонь его толстый член и приподнимаю бёдра ровно настолько, чтобы головка проскользнула внутрь; с этого момента он теряется во мне. Он вошёл легко – одним прекрасным толчком, заставляя меня глубоко вдохнуть, отчего мой рот принял форму буквы «О». Нейт так глубоко во мне, что я чувствую давление внутри меня и то, как моя киска сжимается вокруг него.

Глубоко и неистово сильно, Нейт снова и снова заполняет меня в интенсивном ритме, пока я пытаюсь сдержать рвущиеся крики.

– *Нейт.*

Он приподнимает меня над матрасом, опускается на колени, широко разводит ноги, и глубоко заполняет меня. Я двигаюсь с ним в такт; его дыхание щекочет мое ухо, одной рукой он удерживает мою спину, другой – убирает волосы, чтобы получить доступ к шее. Я двигаюсь и задыхаюсь, пока с моих губ произвольно не срывается вскрик. За считанные секунды, когда я сжимаюсь вокруг Нейта, разум покидает моё тело, и я кричу, не сдерживая своих эмоций.

Первобытный рык, звучащий из глубины его груди, лишь усиливает мой оргазм, и он, следуя моему примеру, пульсирует внутри меня и заполняет спермой.

Когда мы опускаемся с вершины наслаждения, наши окутанные потом тела крепко переплетаются друг с другом. Он целует меня чуть ниже уха, а затем в губы. Я люблю его поцелуи: отчаянные, поспешные и игривые. Но эти нежные и возбуждающие поцелуи, показывают его любовь ко мне больше, чем его слова.

– *Моя,* – шепчет он мне в губы.

Кроме одного этого слова – оно подтверждает всё.

Мне тяжело открыть глаза от солнечного луча, освещающего нас сквозь щель в шторах. По правде говоря, я ощущаю тяжесть, практически ноющую боль во всём теле кроме сердца. Ох, но я наслаждаюсь этой болью, ибо она была получена от страсти, избыточного доверия и любви. Я никогда не насыщусь этим голым мужчиной, лежащим рядом со мной. Тот же солнечный лучик проливает свет на небольшое количество волос на его груди. Не могу удержаться и пробегаю пальцами по его теплой коже, купающейся в солнечных лучах.

Это объясняет многое о нём и его влиянии на мою жизнь. Не сомневаюсь, что мы бы жили долго и счастливо, если бы могли остаться в этом номере мотеля до конца наших дней. Он был бы моим Питером, а я его Вэнди. Мы могли бы творить собственные приключения, не думая и не заботясь о внешнем мире. Вселенная состарилась бы, пока мы в этой комнате оставались теми же, соблазненные взглядами и прикосновениями, мечтая, что всё это никогда не закончится.

– Доброе утро, – стонет он, очаровательно довольный.

– Доброе утро.

Я не прекращаю легонько водить пальцами по его коже, потому что он слишком красивый в лучах солнечного света, и я не могу лишиться себя такого удовольствия.

– Который час?

Я мельком смотрю на цифровые часы у кровати:

– Семь двадцать.

Нейт выпрыгивает из моих объятий и пулей вылетает из кровати, а я тотчас же начинаю тосковать по его теплу.

– Чёрт, чёрт, чёрт. Я опаздываю.

Он запрыгивает, в прямом смысле этого слова, в штаны. Это так чертовски сексуально.

– На очень важное свидание? – поддразниваю его, несмотря на то, что чувствую всё что угодно, кроме радости от его ухода. Разве Алиса не отправилась в погоню за своим кроликом? Должна ли я пойти с ним?

Он натягивает рубашку через голову и опускается на колени на кровать передо мной, его лицо опечалено.

– Я не хочу уходить, Чарли. Я хочу остаться здесь навсегда, но это чрезвычайно важно для моего дела. У меня встреча с людьми, которые рассчитывают на меня.

– Прости. Я не хотела ...

Он улыбается, наклоняется и охватывает руками моё лицо перед тем как поцеловать.

– Пакуй свои вещички, я оставлю тебе ключ. Встретимся у меня дома, как только я освобожусь.

Он сползает с кровати, вертя в руках ключи, пока я пытаюсь понять его самонадеянность и причины.

– Нейт, не думаю, что мне стоит переезжать к тебе. Я знаю, что наша любовь не перегорела, но многое произошло в нашей жизни. Мы – незнакомцы, влюблённые в наше прошлое.

Я чувствую его недоверчивый свирепый взгляд, пробирающий меня до костей, от которого мне холодно и по коже бегут мурашки. Я натягиваю простынь до подбородка и ловко выбираюсь из кровати, прикрывая своё тело. Всё будет плохо. Более того, это будет тяжело. Я не хочу лежать голой в кровати, в которой несколько часов назад мы бесчисленное количество раз занимались любовью, когда всё катится к чертям. Не хочу пачкать эти воспоминания резкими словами, которые обязательно будут произнесены сгоряча. Когда я

закрою глаза после того как он уйдёт отсюда – я хочу видеть нашу любовь, а не боль.

– Я понимаю, о чём ты говоришь и не думаю, что это повод, чтобы притормозить. Мы очень хорошо знаем и любим друг друга. Что еще, кроме этого, тебе нужно знать?

– *Всё.*

Он проводит рукой по своим растрёпанным волосам и тяжело вздыхает, прежде чем снова посмотреть на меня, его глаза слишком усталые.

– Это всё обыденно и у нас будет всё время мира, чтобы узнать друг друга. Вступающие в брак пары каждый день узнают что-то новое о своих супругах даже после женитьбы. То, что мы знаем друг о друге, превосходит всё это.

– К чему тогда спешка? Почему мы должны делать это сегодня?

Мы оба начинаем раздражаться из-за неспособности понять друг друга. Ненавижу, что слова могут разрушить всё хорошее, сталкивая нас обоих с сумасшедшей высоты. Но, думаю, это лишь половина нашей проблемы.

– Чарли, ты не можешь продолжать жить в подвешенном состоянии. Ты должна двигаться дальше.

– Как это я живу в подвешенном состоянии?

– Это, – он протягивает руки, размахивая ними, – не жизнь! Пребывание в мотеле – не движение вперёд. Эта комната – твоё заточение и, боюсь, если ты здесь еще хоть на минуту задержишься – ты заведешь себя в тупик.

– *Прекрати пытаться исправить меня!* – кричу я до боли в горле. У меня разрывается сердце, мне хочется кинуть в него чем-то; хочу поцеловать его и сказать, что я тоже напугана и хочу двигаться дальше.

Что я делаю – подхожу к двери своего заточения, одной рукой сжимая простынь вокруг тела, а другой открываю дверь и пристально смотрю на свои ноги, изо всех сил стараясь не плакать и не смотреть на Нейта. Если я поступлю иначе, он решит, что в этом сражении у него есть надежда на победу, а я не собираюсь допустить этого. У нас нет времени для дискуссии, в которой мы нуждаемся, и определенно не хватит терпения для этого. Если это то, чем является наша любовь – не уверена, что мне хватит сил.

Нейт останавливается в дверях рядом со мной, практически касаясь моих ног носком ботинка. Его дыхание проносится сквозь мои волосы, когда его руки сжимаются в кулаки с крепко удерживаемыми ключами в одной из них. Затем, именно так, как я беззвучно молила, он выходит из моего заточения и из моей жизни. Надолго ли? Не знаю. Я опасуюсь наихудшего, слушая рёв двигателя его грузовика и визг резиновых покрышек.

Когда же заживут боевые шрамы наших связанных жизней?

Я хлопаю дверью и, сдаваясь, падаю на пол, потому что сдаться – это всё, что я сейчас могу.

Нейт

Настоящее

Я так сильно стараюсь поверить в то, что всё закончится благополучно. Так чертовски сильно стараюсь, но она испытывает меня. Она пробуждает все мои страхи. Я хочу обнять её и защитить нас от всех чёртовых страхов и от нашего прошлого. Лишь для неё под моей кожей течет разгоряченная кровь и так было бы, даже если мы не были подвергнуты подобному кошмару в детстве. Я в любом случае любил бы её. Я столько хочу для неё, но, прежде всего, чтобы она была свободной... всегда. Тем не менее, чтобы я ни делал – она запирается в клетке и забивается в угол, отгораживаясь от меня.

Поражаясь своей глупости, бью кулаком по рулю. Она не хочет, чтобы я исправлял её, помогал ей, но я не могу остановиться. Я хочу помочь ей, и если мне удастся – решить её проблемы. Подобно эгоистичному придурку, я хочу быть для неё причиной не сдаваться. Я хочу быть тем, ради кого она будет двигаться вперёд, хочу всего этого, чтобы, в конце концов, мы были вместе – потому что вместе мы способны на многое, вместе мы сможем бороться. Я сделал это для неё и знаю, она тоже может сделать это для нас.

Я заезжаю на парковку мэрии на десять минут позже назначенного времени, похожий на бомжа, а не на бизнесмена. Не могу поверить, что по глупости рискнул стольким, не установив будильник на телефоне. Независимо от того, что происходит между мной и Чарли, я должен помнить, что в моих руках человеческие жизни. Я не имею в виду, что жизненно необходим людям, подобно пожарному, но от меня зависит их повседневная жизнь и реализация их мечты – стать в будущем честными людьми; кого-то поддерживает семья, а кто-то один. Однако, в конечном счёте, они хотят от жизни чего-то большего, чем возможность получать минимальную зарплату и перспективы еще одного тюремного срока.

Взбежав по лестнице, как обычно, мчусь в конференц-зал. Дверь ударяется о стену, отдаваясь эхом от полированного бруса, что заставляет содрогнуться меня, троих мужчин и нашего полицейского надзирателя – Джона Холлиса. Через три месяца он больше не будет *нашим* надзирателем, а останется лишь *их*, и, как бы я ни был обязан этому ворчливому старикашке, я не могу дождаться, когда избавлюсь от него в этом плане.

– Извините за опоздание.

Я быстро подхожу к длинному столу и сажусь рядом с Джоном, окидывающим меня анализирующим взглядом, который я, охренеть, как ненавижу.

– Натан Шоу.

Я протягиваю руку каждому по мере того, как они представляются мне, и приступаю к рассказу о своей компании, который я довел до совершенства путём многократных повторений. За девять раз, что я проводил введение в курс обязанностей, только один человек отвергнул моё предложение. Я никогда не отказывал им, так как слишком хорошо понимал необходимость начать всё с нуля, и лишь двое подвели меня с момента их трудоустройства. Сегодня был очередной успех, спустя два с половиной часа у меня было три новобранца, готовых к работе в «Строительной компании Шоу».

Обычно после собеседования я, переполненный самодовольством, прыгаю по кругу, но, как только вижу, что трое мужчин покидают комнату, вздыхаю, ссутулившись в кресле.

– Ну, парень, выкладывай.

Джон вздыхает, отчего я секунду полу-ухмыляюсь.

Я потираю лицо и чувствую щетину, колющую мою ладонь

– Она убивает меня.

– Ох, Натан, тебе следует знать, что нельзя позволять женщине лишать тебя сна.

Глядя на него, я наклоняю голову и смеюсь.

– Я лишился сна и теряю терпение. А все из-за неё... рядом с ней я забываю, как дышать.

– Боже мой, да ты втюрился, парень.

Я потираю подбородок, размышляя о том, стоит ли ему рассказать правду. Черт с ним. Он в любом случае услышит нашу историю в этом городе.

– Я никогда не переставал любить её.

Джон наклоняется вперед: он так близко, что я вижу красные капилляры в его глазах.

– Да уж, догадываюсь, но ты должен держать все под контролем. Чарли может быть якорем в твоём сердце, но якоря тянут вниз, на дно, чтобы утопить.

Я киваю, но ненавижу то, как он произносит её имя, будто она – грязный секрет. То, что произошло с нами, было гадким, но не она, она никогда не будет таковой, чтобы между нами не произошло. Таких как Чарли больше нет: смелая, сильная и красивая – она для меня единственная на свете.

– Угу, – соглашаюсь я, потому что в какой-то мере он прав.

– Я думал, когда Ноэль отпустит тебя после сфабрикованных обвинений, ты придёшь ко мне. Я доставал тебя разговорами, и ты так и не объяснил, какого чёрта происходило в тот день, но...

– Помнишь, как много лет назад я выслеживал её?

Он кивает, и я продолжаю:

– Я думал, что она тогда была счастлива, понимаешь? Я говорил тебе, что мог бы двигаться вперед, зная, что она не стоит на месте. Я двинулся дальше и кое-чего достиг. Я помогаю другим найти свой путь и из-за этого прекрасно себя чувствую. Я сделал всё это, но выяснилось, что она была абсолютно несчастна. Парень издевался над ней, избивал её. Я, блядь, не знаю, как далеко он зашёл и как долго... Я мог бы убить его.

– Не смей так говорить. За такое он бы засадил тебя в тюрьму, – Джон щелкает пальцами перед моим лицом и всё, что я вижу – как закрывается дверь моей тюремной камеры.

– Я знаю.

– Ну, так что? Она всё еще с ним?

Я качаю головой, радуясь хотя бы этому.

– Нет. В прошлый раз, когда мы виделись с тобой, был последним разом, когда она видела его, я уверен.

– Что на счёт её работы?

– Она взяла отгулы.

Мне интересно, когда она вернётся на работу, и если решится, то как будет работать в одном отделении с тем подонком? *Чёрт*. Я ни разу не задумывался об этом. Просто еще одна вещь для беспокойства, еще одна причина, по которой она будет злиться на меня, потому что независимо от того, сколько раз Чарли говорит мне, что может постоять за себя и не нуждается в моей помощи – я всегда буду хотеть помочь и никогда не прекращу попытки.

Эта куча дерьма становится всё больше и больше.

– Не знаю, – честно продолжаю я. Хотел бы я сказать, что она уволится или найдёт работу в другом отделении, но она сделает то, чего хочет сама, и я должен позволить ей, в противном случае – я её потеряю.

Чарли

Настоящее

Он прав и неправ одновременно. Мы по разные стороны баррикад, но боремся за одно и то же – друг за друга. Так сколько же мы будем продолжать в том же духе? Это не должно быть так сложно... жизнь не должна быть такой сложной.

Никогда не думала, что буду делать это, и всё же я здесь, с моими скудными пожитками, с ключом в руке, таращусь на дверную ручку. Это единственный способ вернуться обратно в его объятия, единственный путь вперёд. Я вставляю ключ, и когда я поворачиваю его и открываю старую деревянную дверь, мои руки дрожат.

Я отчего-то ожидала увидеть следы происшествия, оставшиеся в гостиной моего отроческого дома. Но то, что было передо мной – лишь суровая действительность того, что происходит спустя время; люди забыты, имущество никуда не годится и воспоминания тоже.

С трудом дыша, я прохожу мимо гостиной, в которой вся мебель покрыта белыми простынями. Кто сделал это? Кто мог позаботиться об этом? И тут до меня доходит – Нона.

Я в том месте, где мой наихудший кошмар стал явью, где пришёл жестокий конец известной нам жизни. Грязно-белая плитка не отображает опасность того, что здесь произошло; на ней не видно первых капель крови. Моей или отца. Не осталось ничего, кроме воспоминаний, которые всегда будут преследовать меня, и всё же, выбор, который я сделала сегодня после того, как рыдала, едва не впад в забвение, сталкивает меня с моими демонами.

Я всегда относилась к этому месту, как к напоминанию о моём прошлом, к чему-то такому, от чего я ушла. Но Нейт прав. Я не двинулась дальше: я лишь нажала «пропустить» и выдавала своё существование за жизнь. Я выбрала работу, на которой помогала людям, при этом убедившись, что никогда не увижу их снова. Я никогда не чувствовала себя частью общества. Я живу особняком!

Я хочу жить, увлекаясь... всем чем угодно. Более того, хочу полностью отдаться чувствам и жизни с Нейтом. Единственный известный мне способ добиться этого – начать с самого начала и перебороть множество страхов. Уверена, это не то, что имел в виду Нейт и определенно не то, чего он хотел, но пока его желаниям не суждено осуществиться. Мне нужно сделать это для себя, он поймет. Всё, чего Нейт когда-либо хотел для меня – чтобы я была счастлива. Я знаю, если смогу обрести счастье самостоятельно – смогу осчастливить и его. Мы оба будем счастливы.

Я вытираю верхнюю губу – всё моё тело покрыто потом и это не от жары. Реакция моего тела – показатель паники и безосновательного страха, но внутри этих стен больше нечего бояться. Воздух густой от пыли и прошедшего времени, и всё же я знаю, что не это причина ощущения сдавленности в груди или того, почему я не в себе. Нет, моё тело борется против разума, призывающего меня к бегству. Но в этот раз я не хочу бежать. Я никогда не убегу от моего прошлого или Нейта снова. Не без чертовски хорошего боя.

Я шагаю в ванную и широко открываю окно, затем делаю то же самое во всём доме ... кроме *его* комнаты. Дверь в отцовскую комнату закрыта, я мгновение таращусь на неё, прежде чем продолжить двигаться дальше и заняться снятием чехлов, защищающих мебель

от пыли, мысленно обрабатывая воспоминания, навеянные ею.

В течение часа окна открыты по всему дому, и все пылевые чехлы свернуты в прачечной. Я, грязная и промокшая от пота, смотрю в кухонное окно, которое раньше отчасти использовалось, чтобы смотреть на гараж и двор, где растёт наше дерево. Всё же, не знаю, что толкает меня пойти туда, ведь знаю, что не готова, но выхожу через заднюю дверь и оказываюсь ступающей на старую плиту из битого бетона именно в том месте, где была дверь. Нет ни стен, ни мебели, ничего, лишь тепло, исходящее от искусственного камня под моими ногами. Однако я вижу всё: старое радио, камеру на штативе, отцовский стул на котором Нейт и я утратили нашу юность и невинность. Я вижу всё именно так, как было тогда, а затем вижу его. Отцовская широкая улыбка и взгляд его глубоких карих глаз были совершенно другими, когда он был здесь. Я никогда не понимала этого, пока не повзрослела, а затем стала видеть его лицо во сне и тьме.

Ночные кошмары не прекратились даже несмотря на все эти годы и расстояние от этого места, от этого города. Но, может быть, в конце концов, если я столкнусь с этим всем лицом к лицу, я смогу найти выход из тьмы и уйти далеко от отца.

Делая шаг назад с бетонного покрытия, я поворачиваюсь и взвизгиваю.

– Ты напугал меня до смерти.

– Это ты меня напугала. Я вернулся в номер, а тебя там не было. Отправился обратно в город, надеясь, что ты не столь глупа, чтобы пытаться вернуться к Полу.

– Я бы никогда так не поступила. Не могу поверить, что ты думаешь, будто я смогла бы так поступить после прошлой ночи.

Я отстраняюсь от Нейта и отступаю назад в дом, но он преграждает мне путь.

– Я ожидал чего угодно, однако ни в коем случае не поставил бы на твоё возвращение сюда.

– И всё же ты здесь, и не даешь мне пройти, – резко возражаю я.

Он хмурится, его челюсть сжимается. Он зол, но мне плевать. Мне нужно сделать это и, возможно, он поступит также.

– Честно говоря, я думал, что ты могла пойти к Ноне, а затем увидел тебя здесь, в оцепенении.

– Ох.

Я опускаю свой раздраженный взгляд и закрываю глаза. Думаю, он знает о чём я размышляла; возможно, он ненавидит это место так же, как и я.

– Это я сделал, если что, – говорит он. Не понимаю, что он имеет в виду, и он замечает это, так что добавляет, – я сжёг его.

Не могу скрыть своё изумление. Воскликание вырывается из моей груди и срывается с губ прежде, чем я осознаю это, и даже несмотря на то, что я прикрываю рукой рот – слишком поздно. Нейт гладит мою руку и нежно убирает её от моего лица, прежде чем взять в свою руку.

– Я думал, это поможет. Но этого не произошло, я сожалею.

– Нет, – тихо говорю я, качая головой, – не извиняйся. Я понимаю и мне наплевать, что он сгорел. Ты нашёл меня изумлённую здесь, потому что мне тоже не помогает то, что гараж сгорел. Я по-прежнему всё здесь вижу, – говорю я, касаясь висков. – Наша борьба не со зданием, она внутри нас и ни пожар, ни побег не изменят этого.

Нейт сгребает меня в охапку и прижимает к своей груди. Он снова и снова целует мою голову, пока я не запрокидываю её и не ощущаю его поцелуи на моей влажной щеке. Я

начала плакать и впервые за долгое время это были слёзы не боли или страха, это были радостные слёзы за наш первый совместный шаг вперёд. Вместе мы будем бороться; вместе мы победим.

* * *

Я убедила Нейта вернуться на работу, пообещав, что если мне что-либо потребуется – я тотчас же позвоню ему. Он придёт сюда сегодня вечером и принесет еду из The Bell. Не могу дождаться, когда увижу его снова и узнаю, что происходит в нашей жизни, и каковы планы на будущее. Думаю, что у меня есть некоторые неопределенные планы, хотя, по сути – это наше начало. Знакомство, свидание, мечты о реальном совместном будущем, наполненном счастьем за вычетом препятствия в виде монстра.

Я решаю начать уборку с моей старой комнаты. Так как у меня нет ни краски, ни принадлежностей, ни чистящих средств – понимаю, что у меня нет другого выбора, кроме как пойти в магазин. На самом деле я рада этому новому приключению и ощущение потрясающее – верить, что я действительно смогу сделать это.

Я хватаю сумку и трусцой бегу к машине, когда слышу, как Нона окликает меня. Я должна была пойти и увидеться с ней, сказать, что возвращаюсь обратно, но я нервничала и не смогла. Теперь всё изменилось, когда я знаю, что у меня есть Нейт, когда признаю и верю, что все мои страхи и отвращение могут быть вылечены... Я могу излечиться.

– Привет, Нона, – машу ей рукой, пока она спускается на передний двор, и я встречаю её на полпути.

– Останешься?

Я ухмыляюсь, потому что знаю, что она уже поговорила с Нейтом. Это чудо, что она не прибежала, как только увидела, что я приехала. Она бы увидела, как Нейт пришёл и ушёл. Я бы сказала, что, как только он ушел, Нона позвонила ему, не из любопытства – оно ей не свойственно. Она жаждала помочь, обнять и быть заботливой Ноной, какой она всегда была для мальчиков и меня.

– Ладно, девочка. Ты подловила меня.

Мы смеёмся и обнимаемся.

– Он сказал мне оставить тебя в покое; я могла бы выбить парочку тех прекрасных зубов, если бы разговор был не по телефону. Кем, черт возьми, он себя возомнил, чтобы указывать его Ноне, что делать? Но, когда я увидела, что ты уезжаешь, подумала, что должна убедиться, что ты в порядке.

– Мне гораздо лучше. Не думала, что так будет, и определенно никогда не думала, что буду хорошо себя чувствовать здесь, но, так или иначе, я с легкостью справляюсь с этим.

Она улыбается, но улыбка не касается её глаз. Я задаюсь вопросом почему, но не спрашиваю, что-то говорит мне, что на самом деле я не хочу это слышать.

– Ну, – говорю я, подготавливая её к моему отъезду, – я собираюсь за покупками. Тебе и Дейви нужно что-то купить?

– Нет, – поглаживает она мою руку. – Езжай. Увидимся позже.

– Ладно.

Я целую её в щеку и сильно раскаиваясь, постыдно улыбаюсь. Я очень хотела, чтобы она не застала меня во время моего отъезда и это дрянное чувство. Я полагаю, что просто хочу чуточку дольше оставаться в своём мыльном пузыре. Вместо этого я медленно сажусь в машину и пристально смотрю в зеркало, отъезжая от Ноны. Она наблюдает, словно знает

что-то, чего не знаю я и что мне не понравится.

Я отбрасываю мысли о Ноне на задворки сознания и совершаю короткую поездку, сперва в хозяйственный магазин. Он тоже не очень изменился. Беру тележку, устремляюсь к ряду с краской и хватаю банку белой. Всяко лучше розового в моей комнате и тускло-желтого, которым выкрашен весь дом. На всякий случай хватаю две баночки белой краски. Знаю, что для всех комнат она не подойдёт, но так будет, пока я не подберу желаемый цвет.

Вскоре тележка наполняется нужными мне инструментами, и я направляюсь к кассиру, пожилому мужчине с широкой улыбкой.

– Ремонт, мэм?

Я хихикаю, глядя на содержимое, часть из которого даже не знаю, как использовать, если оно понадобится.

– Ага. Мой парень убьёт меня, когда вернется домой и обнаружит, что ему предстоит красить стены.

– Уверен, что он с удовольствием поможет. Он местный?

Я почти что хочу сдержать это в себе, а потом думаю – зачем мне это? Мои демоны – лишь мои; никто другой не видит их.

– Натан Шоу.

Его глаза расширяются, а лицо озаряется улыбкой.

– Натан? Он подкидывает мне уйму работы; я один из его поставщиков.

– Ох, хорошо.

Я начинаю выгружать покупки на прилавок, когда он поднимает руку, останавливая меня.

– Нет надобности, мисс. Я вытащу все из тележки, – говорит он, и я понимаю, чего мне так не хватало в большом городе по сравнению с этим городком: такие милые и всегда готовые помочь люди. Поход в крупный супермаркет является ярким тому примером – десятки рабочих пчёл и ни от кого не дождешься помощи. Нет, такой магазин мне нравится гораздо больше. Я замечаю, что на его рубашке, на левой стороне груди, вышито имя: Дон.

– Спасибо, Дон.

Он снова улыбается, и я отвечаю ему взаимностью, приятно улыбаться незнакомцам. Не уверена, что раньше ощущала подобное, но мне нравится.

– Итак, стоимость вашей покупки составляет сто три долларов, это с учётом небольшой скидки за то, что вы терпите Шоу.

Мы оба хихикаем, и я понимаю, почему Нейт ведёт с ним дела.

Я достаю кредитку, и он проводит ею по кассе и вдруг улыбка, которая так мне нравилась, превращается в хмурый и недоумевающий взгляд.

– Ой, кажется, что-то не так с вашей кредиткой.

– Что?!

Я знаю, что на ней есть деньги; у меня приличные сбережения. Я ...

– Не могли бы вы попробовать эту карту, пожалуйста.

Я чуть не сказала: «Не могли бы вы попробовать эту карту, пожалуйста, *Дон*». Но я больше не чувствую дружелюбия, которое было между нами до этой неловкой ситуации, повисшей между ним, прилавком и мной.

Я протягиваю ему кредитку, зная, что на ней наверняка есть деньги, но в то же время страх и подозрение душит меня. Когда на лице Дона появляется выражение досады – я понимаю, что меня обвели вокруг пальца.

– Мне жаль, – бормочет он.

Я качаю головой:

– Нет, это не ваша вина. Я схожу в банк. У меня есть мысль о том, что произошло.

Я смотрю на тележку, заполненную краской и принадлежностями, и чувствую себя кошмарно. У меня есть немного наличных, но если мои подозрения верны, то эти деньги понадобятся мне для еды и более важных вещей. Если я хочу красить, то, возможно, у Ноны в гараже есть немного краски.

Как будто малярные работы так важны, Чарли, черт побери!

– Мне необходимо пойти в банк, чтобы разобраться, а это означает, что я оставляю покупки, и вам придется положить всё обратно. Мне так жаль.

Я не оборачиваюсь, наклоняю голову и, смущенная, направляюсь к выходу.

– Подождите!

Я поворачиваюсь и обнаруживаю его, толкающим тележку в мою сторону.

– Это подарок.

– Что? Нет. Я не могу принять такой подарок.

Он незнакомец и должен зарабатывать себе на жизнь.

– Цыц. Это мой магазин и когда я столкнулся с кризисом, ваш парень выручил меня. В любом случае я не хотел брать с вас деньги. Пожалуйста, примите его. Без условий и чего-либо еще, вам даже не нужно говорить об этом Шоу. Это просто то, что я хочу сделать.

– Я верну вам деньги потом.

Он подмигивает и качает головой:

– Тогда это не было бы подарком, не так ли? Это была бы рассрочка, а я же сказал – это не обсуждается.

Он выкатывает тележку на тротуар и смотрит на машину перед собой.

– Ваша?

– Ага, – говорю я, пытаюсь придумать, как отблагодарить его за доброту, которую я прежде никогда не получала без условий.

– Вы откроете багажник, а я все сложу.

– О, – я бегу к багажнику и открываю его дрожащей рукой, – спасибо.

Он улыбается и загружает багажник моими «подарками» и роняет крышку багажника, прежде чем снова посмотреть на меня, только теперь его взгляд наполнен пониманием. Он сказал, что пережил тяжелые времена, и я не удивлюсь, если он распознал это во мне.

– Не беспокойтесь, езжайте – разберитесь с банком и, если вам еще что-либо понадобится для ремонта – заходите ко мне.

– Огромное спасибо. Вы себе не представляете, как я ценю это.

Он усмехается:

– Я могу сказать то же самое о Шоу. Не берите в голову. Идите и наслаждайтесь вечером с ним, он тоже заслуживает этого.

Не знаю, почему делаю это, но я обнимаю его. Обнимаю совершенно незнакомого человека, который был добрее всех, кого я когда-либо встречала за все эти годы. Доброта и щедрость вдохновляют меня и дают понять, что хорошие люди существуют. Затем я отхожу и указываю головой в сторону банка дальше по улице. Он кивает и возвращается обратно в магазин, а я иду, чтобы разобраться с тем, что сделал Пол из мести.

Я захожу в прохладное, кондиционируемое здание банка и страшусь того, что меня ожидает. Интуитивно чувствую, что это не банковская ошибка. Хотела бы я, но моя жизнь не

так устроена.

Банк небольшой, старинного вида и пустой. Я подхожу прямо к контрольной линии, на которой банковский служащий говорит: «Следующий, пожалуйста».

Тут же я сожалею о том, что ранее думала о маленьких городах, какие они замечательные, я забыла, что это также означает, что люди в них с ограниченным умом и глубоко засевшими, старыми обидами, которые они не могут отпустить. Молли Сейбер – яркий тому пример. Я буквально чувствую, как презрение из-за кассы проникает сквозь мою кожу.

– Шарлотта Барнс? Слышала, ты вернулась в город.

Её глаза косят, когда она изучает меня рентгеновским взглядом, пытаюсь найти что-либо, чем она сможет меня спровоцировать. Что ж, она вполне может остановиться, так как я собираюсь преподнести ей повод для насмешек на блюдечке с голубой каёмочкой. Не сомневаюсь, она будет сплетничать об этом со своими друзьями и к концу недели половина города узнает обо всём.

– Да, я вернулась из-за работы. Так...

– Это не совсем то, что я слышала.

Она прерывает меня, поджав губы, что вызывает у меня желание шлёпнуть по ним ладонью. Вместо этого я вздыхаю и собираю всё своё терпение.

– В этом и проблема, когда дело доходит до сплетен, это – лишь сплетни.

Молли дёргается так, будто я действительно изменила ситуацию к лучшему при помощи простых слов. Но она меня не проведет, я не видела её с шестнадцати лет, тем не менее, она по-прежнему чертова сучка.

– У меня проблема с моим счётом, не могла бы ты, пожалуйста, посмотреть, почему мои карточки были отклонены, когда я пыталась их использовать? Знаю, что, по крайней мере, один из счётов вчера был в порядке.

Её брови поднимаются, а уголки губ слегка подёргиваются, будто она наслаждается этим. Я снова чувствую себя подростком, желающим выцарапать её глаза, не заботясь о последствиях.

Вместо этого я продолжаю молчать и находиться со своей стороны кассовой стойки, моё тело слишком напряжено и уже болит спина.

– Ну, похоже, что твой парень аннулировал счета.

Я кусаю губы, хоть они ни в чём и не виноваты, пока перевариваю сложившуюся ситуацию, как неизбежное. В самом деле, это моя вина, что я не сняла деньги прежде, чем Пол добрался до них. Наш счет должен был быть одним из первых, с чем я должна была разобраться. Вместо этого я отсиживалась вне укрытия подобно утке, сидящей перед охотником. Впрочем, зная Пола, если бы он захотел, сделал бы это в тот же день, когда выбросил мои вещи на тротуар.

– Выходит, что счёт закрыт без моей подписи? Не думала, что такое возможно, – эмоционально говорю я. Честно говоря, она и легкость того, как это могло произойти с кем угодно, бесят меня.

Она смотрит на экран, а затем обратно на меня.

– Заявка была оформлена, по украденным сведениям, о счёте, и к тому же ты подписала разрешение единоличной подписи. Он закрыл этот счёт и другой не открыл... это семейная проблема?

Моё сердце глухо колотится, я дрожу всем телом. Теперь это не имеет никакого

отношения к Молли, тем не менее, она не оказывает содействия, и вдобавок всему виной моя собственная глупость. Я была глупой и теперь плачу большую, солидную цену за это. Я могла бы обратиться в суд, чтобы получить свою долю, но это значило бы, что всплывёт тьма информации, с которой я ни за что не хочу сталкиваться.

– Нет, спасибо за помощь.

Мне плевать, что это прозвучало неискренне. Я больше не смотрю на неё и даже не слушаю слова, сочащиеся из её уст, когда ухожу. Просто ухожу оттуда, прежде чем сделаю что-то, о чём буду жалеть. Я так углубилась в свои мысли, что прохожу мимо продуктового магазина прежде, чем понимаю, что мне понадобится немного основных продуктов на ближайшие несколько дней. У меня всего лишь семьдесят долларов в сумочке и, возможно, какая-то мелочь. Кофе, хлеб, масло и молоко в самом верху списка. Я могла бы прожить на это, во время учёбы в колледже я обходилась меньшим. Сегодня будет легко – Нейт принесёт ужин. Я просто должна убедиться, что не расскажу ему, что произошло. Нам не нужно обострять эту проблему. Нейт и так на грани, когда дело доходит до полиции и Пола; я не должна усугублять ситуацию по причине собственного идиотизма.

У меня достаточно продовольствия, чтобы протянуть пару дней с несколькими баксами в запасе. Я выхожу оттуда и даже больше не встречаю школьных знакомых. Просто не думаю, что смогла бы пережить еще одну случайную встречу с кем-либо, подобным Молли, в этом городе.

Совершенно обессиленная возвращаюсь домой с полным багажником краски и средств, чтобы привести в порядок комнату и убрать дом, и с пассажирским сидением, нагруженным продуктами питания. Теперь я лишь должна вернуться в привычную колею. Как ни странно, я попытаюсь это сделать как раз в том месте, которое ненавидела большую часть своей жизни.

Нейт

Настоящее

Должен признать, за исключением утренней ссоры, сегодня был продуктивный день. Это – то, чего я хотел в своей жизни: иметь твердую почву под ногами, законную дневную работу и возвращаться домой, к любимой женщине. Вместо курицы и фри, я прихватил нам китайской еды, немного вина и ведерко мороженого на десерт. Вероятно, мы ничего из этого полностью не съедим, но я был так взволнован по поводу нашего первого ужина и нашего первого шага в совместное будущее, что схватил всё, что, думал, могло бы ей понравиться.

Чувствовал я себя как-то странно, въезжая на подъездную дорогу позади её машины, вместо дома, где провел детство, но я привыкну к этому, если она решит остаться здесь. Я пойду за ней куда угодно.

Я иду по старой дорожке с сумкой вкусностей, раннее вечернее небо наполнено девчачьей музыкой, звучащей из дома, сияющего, как новогодняя ёлка. Я смеюсь; так приятно возвращаться домой к ней, и не важно – девчачья музыка звучит или нет.

Краем глаза замечаю Дейви, бегущего по траве. Улыбаюсь ему, такое ощущение, будто он поджидал меня. Я люблю своего брата больше жизни, но я так сильно хочу видеть Чарли, что чуть ли не подпрыгиваю. Думаю, это можно назвать симптомом моей зависимости от неё.

– Зайдёшь, Нейт? У меня новый DVD, но Нона сказала, что я не посмотрю его, пока не поужинаю.

– Нет, дружище, не сегодня. У меня свидание с Чарли.

Он смеётся, а я подмигиваю ему.

– Давай. Иди домой и помоги Ноне с ужином.

– Лааадно, – говорит Дейви, снова хихикая, прежде чем вприпрыжку побежать обратно в дом. Я слежу за ним и убеждаюсь, что он зашёл внутрь, прежде чем направиться к Чарли и её скудному музыкальному ассортименту.

То, что я вижу, слышу и запах, который чувствую, буквально валит меня с ног. Эта женщина – самая спонтанная и великолепная из всех, кого я когда-либо встречал. Она чертовски сексуальна даже будучи измазанной краской и с растрёпанной причёской. Она одета в одну из своих старых футболок с принтом музыкальной группы и труссы-боксеры, которые, видимо, нашла где-то в доме. Она танцует, красит и подпевает, ничуть не подозревая о моём присутствии.

Я тихонько кладу свои вещи на пол и подкрадываюсь к её сексуальному телу. Прохожу мимо лотка с краской и скомканного пылевого чехла, и в тот момент, когда она поднимается так высоко, как только может, я оборачиваю руки вокруг неё и пытаюсь зарыться лицом в её сладкую, нежную шею. Я говорю «пытаюсь», потому что не успел я оглянуться, как уже держусь рукой за челюсть, моля Бога, чтоб у меня не раскрошился зуб.

– О, Боже мой, Нейт. Дай я посмотрю, – визжит она сквозь музыку. Как бы я не хотел смеяться (ибо, давайте начистоту, это было чертовски весело получить по зубам от женщины), моя челюсть на самом деле охрененно болит. Она гладит моё лицо и шею, её великолепные черты лица омрачены неистовым беспокойством.

Провожу языком по зубам, и, удовлетворившись, что все они на месте, беру её пухлые щечки в ладони и улыбаюсь:

– Все зубы на месте, детка. Не паникуй.

Она тянется на носочках и её нежные, полные губы касаются моих в легком, успокаивающем поцелуе, перед тем как ее восхитительный язычок очерчивает их контур. В этот момент я мог бы умереть от счастья.

Я позволяю ей пробовать и облизывать меня до тех пор, пока не утрачу самообладание и съем её. Схватив её за волосы, я устраиваюсь удобнее для более легкого доступа, потому что, черт возьми, хочу взять её всю целиком. Я валю её на пол, лоток с краской опрокидывается, и плевать я хотел, куда летит его содержимое. Меня заботит лишь она. Я хочу её... нуждаюсь в ней, и она это знает.

Я быстро расправляюсь с её футболкой, ни капельки не сожалея, когда слышу звук рвущейся ткани и чувствую, как она ахает напротив моих губ. Скорее наоборот: это заводит меня еще сильнее, и я проскальзываю языком в её рот. Она без лифчика и от этого моё сердце пропускает пару ударов, прежде чем её соски возбуждаются, а грудь наливается от моего прикосновения.

Чарли стягивает с меня одежду, и я хочу помочь ей, хочу, но слишком занят изучением её упругого тела моими голодными руками. Это эгоистично, но я позволяю ей возиться и бороться за то, что она хочет.

Мне нравится, когда она на грани от желания – это возбуждает меня сильнее, чем всё, что она могла бы сделать для меня. То, как она хочет меня, очень отличается от того, к чему мы привыкли – это развратное, всепоглощающее и, в конце концов, освобожденное от чувства вины желание.

Мы тяжело дышим, как животные, когда я приподнимаюсь, чтобы посмотреть на её тело. Я чувствую себя хищным зверем, поедающим взглядом свою добычу. Я хочу, чтобы она потерялась во мне и никогда не вспоминала никого другого, кроме меня. Я, блядь, просто хочу! Хочу, хочу, хочу. Поэтому беру её.

Я стягиваю рубашку через голову и отбрасываю в сторону. Она приподнимается на локтях, предугадывая моё следующее движение к шортам, и хорошо, что она это делает, так как я срываю этих «негодяев» с её тела, и они исчезают. Похоже, что трусиков тоже нет. Из моей груди вырывается глубокий и примитивный рык. Я не планировал, но мой рот овладевает её обнаженной киской, несмотря на её сопротивляющиеся бедра, которые я удерживаю. Я лижу её, упиваюсь каждой линией и припухлостью, пока она не теряет выдержку, и пробую соки возбуждения от того, что делаю внутри неё. Стоя на коленях, вглядываюсь в её глаза, ставшие не больше щелочек, в которых виднеется неясный кофейный взгляд. Он темнеет от желания по мере того, как я расстегиваю джинсы и стягиваю их вместе с трусами с задницы.

Только потом она шевелится, а я пленён ей мокрой киской, которая пару секунд назад текла лишь для меня. Чарли избавляется от своей рваной футболки, отбрасывая её за спину, и толкает меня в грудь, отчего я со спущенными до колен штанами отклоняюсь назад, а она седлает меня. Мой член дергается, касаясь её горячей киски, зная, в чем он нуждается... я... он хочет быть глубоко внутри неё, туго обхваченный, пульсирующий, скользкий. Это желание лишь усиливается, когда она поднимается и почти опускается на него, но не позволяет мне войти в неё. Чёрт бы меня побрал – она искусительница дразнить, и это чертовски возбуждающе.

Я едва не погибаю, когда она облизывает губы и обхватывает моими руками свою грудь. *Ради всего святого, женщина, ты убиваешь меня.* Мой член конкретно болит, пульсируя от желания быть там, где ему положено.

В этот раз я не могу предоставить ей полный контроль, так как в данный момент слишком возбужден. Убрав руки от этой податливой груди, хватаю её за бёдра и поднимаю так, что головка члена упирается в райские врата. Её глаза расширяются от возбуждения и удивления, прежде чем она раскрывается для меня. Я хочу видеть её лицо и глаза, когда заполню её, несмотря на то, что в данный момент хочу поцеловать её сексуальный ротик, но всему своё время. Сейчас я хочу ощущать её вокруг себя. Моя рука начинает дрожать от того, что я удерживаю Чарли, и я мог бы держать её всегда, просто не хочу. Я опускаю её и борюсь с закрывающимися глазами. Её рот открывается, челюсть выступает – очевидный признак удовольствия. Черт бы меня побрал, если я не кончу прямо сейчас, когда она кусает свои полные губы. Она ни разу не теряет мой взгляд, даже когда я снова поднимаю её и еле-еле, почти мучительно, опускаю.

С таким темпом и интенсивностью я долго не продержусь. Мне нужно с этим бороться, но я хочу трахнуть её, любить и собственнически наполнить. Чарли должна чувствовать мой напряженный член. Как она могла не чувствовать его внутри этой тугой киски, скользя вверх и вниз по мне? Я весь горел от желания вплоть до яиц.

Черт! Она вращает бедрами, я запрокидываю голову и почти что получаю смещение челюсти.

Она пальцами хватает меня за волосы и притягивает обратно к своим губам; её полные, упругие губы искусно занимают любовью с моим ртом. Думаю, что я в незнакомой ситуации, она – та, у кого вся власть, а я её раб. Она быстрее и с большей уверенностью скачет на мне, источая соки и поглощая меня. Её рот такой же голодный, как и мой, её зубы задевают мои щеки и рот. Я отчаянно желаю исследовать каждый сантиметр её кожи, очертя языком дорожку от шеи до ушка, коснуться щеки и вернуться к прекрасному роту, где наши языки сплетаются в унисон. В нашем поцелуе заложена целая история взросления обычных мальчика и девочки, отчего мы едва ли можем оторваться друг от друга. Наши языки знают друг друга, наслаждаясь единым вкусом. Поцелуи становятся неистовее, движения слаженнее.

– Ты нужна мне, – умоляю я. Да, блядь, я умоляю и всегда буду умолять её.

Она двигается быстрее, целуя меня.

– Я твоя, – выдыхает она мне в рот, прежде чем облизать нижнюю губу, заполняя мой рот языком, переплетая его с моим.

Я верю ей. Моё сердце болит от её слов, но мои яйца тянет и одним окончательным поднятием её бёдер я вхожу в неё и рычу ей в шею. Она сильно кусает моё плечо, её ногти впиваются мне в лопатки, когда она кончает сразу после меня, пульсируя вокруг моего чувствительного, выдохшегося члена, похороненного глубоко в ней.

Я чертовски крепко держу её; никогда не захочу её отпустить. Я хочу жить внутри неё, и так же глупо, как это звучит, я не могу себе позволить наплевать на это. Это я и она, и это всё, что я хочу в этом мире.

Покрытый потом и признаками нашего блаженства, целую её в шею и шепчу:

– Оберни ноги вокруг меня и держись.

– Куда мы идём? – бормочет она, устало.

Я слегка хихикаю над её уставшим, сексуальным голосом, щекочущим моё плечо.

– Мне нужно смыть краску с твоих волос.

Она хихикает и делает то, что ей велено. Не могу не поцеловать её еще раз, прежде чем отброшу мышечное напряжение в бедрах, жжение в моём травмированном плече и встану на ноги с ней на руках. Скидывая трусы с ног, я исследую наш путь в ванную и кривлюсь, видя беспорядок, который мы устроили. Краска пролилась на пылевые чехлы, даже некоторая часть нашей одежды измазана краской. Несмотря на это, я бы всё повторил и мне было бы всё равно, если бы не нужно было снова одевать одежду.

Уверенно несу её в ванную, где на мгновение застываю. Я не был здесь с того самого дня. Зеркало заколочено, так что я знаю, что Нона была здесь или, по крайней мере, наняла кого-то, кто смог это уладить, но ни в коем случае не меня. Меня посадили. К тому времени, когда я вернулся, много лет спустя – я не мог даже дверь открыть, не говоря уже об экскурсии по дому для воспоминаний.

В данный момент Чарли в моих руках, после лучшего секса всей моей грёбаной жизни и мне страшно зайти в ванную и смыть её с себя.

Она должна чувствовать мою тревогу. Она берет моё лицо в свои руки и смотрит прямым в глаза, в сердцевину страха.

– Всё в порядке. Он ушел и это лишь мы; *ты* и *я*.

Я прислоняюсь своей головой к её и сосредотачиваюсь на словах «*ты* и *я*». Это нелепый страх, но иногда страх бывает бессознательным. Она целует меня, и я вынужден остановиться у раковины, не включая душа. Я жадно принимаю всё, что она предлагает, всегда желая большего. Сажаю её на раковину и неохотно убегаю от неё в душ.

– Может мы помоемся в ванной вместо душа?

Я смотрю на неё – любимые глаза, наполненные обожанием и улыбкой.

– Конечно. У нас есть пена для ванной? – я затыкаю ванную и полностью открываю краны.

– Наверное, нет, но я купила сегодня какой-то шампунь, если ты не против сходить на кухню и взять его.

– Скоро вернусь, – говорю я, направляясь из ванной по коридору в кухню. Это потом я вспоминаю о ведерке мороженого, китайской еде и вине. Поворачиваю в коридор, к входной двери, которую закрываю, а затем хватаю сумку с вкусностями и кладу все в холодильник.

На стойке пакет с элементарными средствами личной гигиены и чистящими средствами. Я хватаю шампунь, зубную щетку и пасту, а затем задумываюсь, есть ли у нас полотенца. На обратном пути я проверяю бельевого шкафа, к счастью там находится парочка – в мешках для хранения. Подозреваю, что это еще одно доброе дело от Ноны.

Открыв мешок, вытягиваю два полотенца, оставив одно про запас. Также нахожу полотенце для лица и беру его подмышку. Если она хочет остаться здесь – нам придётся пополнить запасы.

К тому времени, как я вернулся в санузел, она уже в ванной, заполненной на три четверти. В ванной тепло и туманно, её взгляд нежный и молящий меня обнять её. Я бросаю полотенца и другие принадлежности на раковину, и несу шампунь, кондиционер, мыло и мочалку в сторону ванной, оставляя их на маленькой скамье, облицованной плиткой.

– Не могла дожидаться пены?

Она проползает вперед, чтобы я мог проскользнуть позади нее.

– Ты ходил за ними вечность, но я вижу почему. Хорошо, что у одного из нас всё еще работает мозг, чтобы подумать о полотенцах.

Я хихикаю, а затем кривлюсь от обжигающей воды, к которой прикасаюсь пальцами.

– Черт, Чарли. Горячо.

На этот раз она смеется и, глядя через плечо, рассматривает мой член, пока я одной ногой стою на полу, а другой пытаюсь погрузить в ванную. У неё тот дьявольский взгляд, который возникает, когда она что-то задумала. Этот взгляд пугает меня, в прошлом из-за него я попадал в неприятности. Внезапно, она тянется к моему опустившемуся члену и тянет. Её горячая рука выбивает меня из колеи.

– Не будь киской. Просто залезай внутрь.

Я не просто залезаю, я практически вваливаюсь. Горячо, моё тело хочет, чтобы я вытащил ногу, но её хватка вокруг моего пениса удерживает меня на месте.

– Хорошо, – практически ворчу я, и она отпускает меня. Я ставлю другую ногу, зная, что грядет, и затем опускаюсь в ванну, позади неё, беззвучно хватая ртом воздух, когда мои гениталии соприкасаются с водой. У меня не занимает много времени привыкнуть к температуре воды и начать расслаблять все напряженные мышцы, притягивая Чарли назад к себе так, что по большей части мы погружены в очищающую, горячую воду.

Она горячая, чувственная и оказывает чертовски исцеляющее действие на все ноющие мышцы, даже на те, о болях в которых до этого момента я не подозревал. Я беру гель для душа, открываю крышку и подношу к носу. Пахнет ванилью и чем-то еще. Потом я читаю название «Ваниль и мёд». Ну, во всяком случае, это не кокос или жасмин или какая-то девчачья чепуха, которой я целыми днями буду вонять. Я выдавливаю немного на ладонь и дьявольски наношу его на её грудь.

Мурашки пробегают по всему её телу и соски твердеют от прикосновения моих ловких рук. Это так чертовски приятно и несмотря на то, что это в полной мере сексуально, в то же время так прекрасно чувствовать себя рядом с ней. Не хочу, чтобы она думала, будто всё, что мне нужно – её тело, потому что это не так. Я хочу всё, всё, чего мужчины хотят в жизни, скромная мечта.

Помогая ей сесть и наклоняя ее вперёд, я начинаю разминать её спину и плечи, гладкие от мыла. Именно тогда я вижу то, что никогда не буду в состоянии стереть из памяти или разбитой части моей души, переполненной ужасным горем.

У неё есть маленькие шрамы, я знаю их, их форму и рельеф. Я видел достаточно, пока сидел в тюрьме. Это всё ожоги от сигарет, *старые* сигаретные ожоги. Я провожу пальцами по каждому, не обращая внимания на её напряженное тело. Они маленькие и определенно старые; полагаю, с подростковых времен. Время хорошо их скрыло, но этого недостаточно, чтобы сдержать мою злость и боль. Я бы не заметил их, если бы она просто была одета в бикини или что-то еще. С течением лет её кожа зажила, но я определенно могу чувствовать их под пальцами. Так близко я могу видеть их следы – наглядное подтверждение чего-то ужасного, произошедшего с ней в прошлом.

В то время она написала мне много писем, судя по некоторым из них могу сказать, что ей нелегко приходилось в приёмных семьях, но она всегда будет пытаться заверить меня, что была в порядке.

– Ты лгала, – выдыхаю я, одержимый отметинами, которые нахожу. Пять шрамов, и я могу лишь представить все пытки, что не оставили следов от ран. Их невозможно увидеть, однако стоит бояться больше всего.

– Когда?

Она подтягивает руками ноги, вытягивая спину так, что, наконец, я могу видеть все

следы. Их шесть, а не пять.

– В твоих письмах.

Она делает тяжелый вдох, и я подозреваю, что она по-прежнему борется с обидой на то, что я ни разу не ответил ей. Сейчас я задаюсь вопросом – возможно, если бы я ответил ей тогда, то поступил бы правильно. Возможно, если бы мы переписывались, она бы рассказала мне об этом, а я тоже смог бы рассказать кому-то, я смог бы... спасти её, давным-давно.

– Какая тебе разница? Ты ни разу не ответил мне.

И вот, пожалуйста, раскалённый нож в моё сердце, то – чего я заслуживаю. Она была обижена; до сих пор обижена. Я мог бы помочь, но, как обычно, я сделал неправильный выбор и все остальные неизменно расплачиваются за мои необдуманные решения.

– Что, если бы я сказал тебе, что не отвечал, потому что защищал тебя?

Она слегка поворачивает голову, хотя по-прежнему не смотрит на меня и не опускает рук.

– Что, если бы я сказала, что защищала *тебя*?

Туше¹⁰.

Я вздыхаю, смирившись с тем фактом, что защита друг друга, кажется, разделяет нас и, причиняет намного больше боли. Я обвился вокруг нее и накрыл ее тело, не двигаясь, пока она не начала немного расслабляться. Я целую её плечо и утыкаюсь носом в её волосы.

– Позволь мне вымыть твои волосы.

Она молча выпрямляется. Я наклоняю её настолько, чтобы её волосы были под водой. Она ногами упирается в плитку, и я начинаю процесс, терзающий моё сердце. Кто знал, что мытьё волос может быть таким приятным?

Кажется, от массажа головы с бальзамом для волос тают все её мышцы, когда Чарли медленно проскальзывает в меня и воду. В этом невинном действии есть нечто притягательное, так что у меня нет проблем с выполнением рутинной работы в нашей жизни. Я помогу ей забыть всех, кто когда-либо её касался, благими намерениями или плохими, она освобождена от всего, чтобы быть моей, и я буду бороться за эту свободу до конца своих дней.

После того, как мы вымылись и высушились, оказалось, что у меня не осталось ничего чистого, кроме джинсов, а Чарли нашла другую рубашку в кладовке. Я помню её, потому что это одна из моих. Чувствую дежавю, когда она выходит, одетая в клетчатую рубашку и цветастые хлопковые трусики; конечно же, я помню и трусики: они все были её.

– Почему ты носишь свою старую одежду? – спрашиваю я, когда вижу сумку около мусорного ведра на кухне. Хватая остывшую китайскую еду, ставлю её на стол, за которым она сидит, уставившись на свои пожитки.

Она тянется к одной из коробочек и за палочками для еды, не глядя на меня, и говорит:

– Она в действительности никогда не была моей одеждой. Она была его – его выбор, его вкус, его маскировка для моих синяков. Я не хочу её.

Я окидываю беглым взглядом мешок, а потом её. Она все еще отказывается смотреть на меня или на него, так что я бросаю последнюю коробочку на стол и целенаправленно шагаю к мешку. Я беру его и направляюсь к черному вход. Я слышу её, следующую за мной по пятам, и останавливаюсь, прежде чем добираюсь до мусорного бака. Поднимаю крышку и протягиваю мешок Чарли, безмолвно спрашивая её: не предпочтет ли она быть той, кто окончательно избавит свою жизнь от этого. Я не веду себя, как придурок, по отношению к её мыслям. Недостаточно иметь её прошлое, зловеще сидящее, на кухне; ей нужен этот дом,

чтобы очиститься от своей старой жизни, отсюда и ужасные покрасочные работы.

Она забирает у меня мешок и, не сомневаясь, засовывает его в бак. Она забирает крышку из моей руки и захлопывает её.

– Пошёл ты! – кричит она на мешок, но, теоретически, на Пола. Затем она ныряет в мои объятия, а я целую её в висок, поднимаю на руки и несу обратно в дом.

– Давай поедим, прежде чем исправим разруху, которую ты там натворила.

Она вздыхает перед тем, как я опускаю её на пол.

– Это ты разлил краску на пол, а не я, – она снова шлёпается задницей на стол и нападает на коробочку с лапшой.

– Я имел в виду верхнюю четверть стены, которую ты не окрасила, – беру я коробочку и палочки, посылая ей улыбку через стол.

– Я не могла достать выше. Не подумала о лестнице или чем-то в этом роде. Я как бы предположила, что ты достанешь до верхней части.

Я довольно резко хохотнул:

– Не думаю, что у тебя достаточно краски, детка.

– Ну, я не имела в виду *сейчас*.

Я наполнил свой рот нежной говядиной и согласно кивнул, проглатывая её.

– Я дам тебе еще утром. Дон доставит тебе краску, пока я буду на работе. Также я заказал ему на доставку удлинённый роликовый валик, таким образом, ты сможешь достать так высоко, как тебе захочется и добиться равномерного покрытия.

– Ооо, я об этом не подумала.

– Угу. А теперь подай мне ту лапшу.

* * *

Я думал, что буду чувствовать себя более стесненным в её старой односпальной кровати. Но понимаю, почему она отказалась зайти в его комнату и использовать его кровать. Я мысленно отметил себе заказать ей сегодня кровать покрупнее. В комнате, несмотря на открытое окно и вентилятор, воняло свежей краской. Я сказал ей, что это не очень хорошо для нас, но её было не переубедить. Я растянулся на матрасе, игнорируя мои скрипящие суставы и угрозу судороги в бедре, когда понял, что я один. Я резко вскочил.

– *Чарли?*

Рано утром она спала в моих объятиях, когда я позволил своему телу провалиться во тьму. Должно быть, я был не в себе, раз не почувствовал, как она проснулась. Я бегу в туалет в надежде, что она захотела пописать. Её нет там и я бегу в гостиную. Может быть, я слишком большой, чтобы делить с ней односпальную кровать, может быть, я придавил её во сне, и она решила спать на диване... но диван пуст.

– *ЧАРЛИ?*

Не думаю, что она там, но направляюсь к двери, которую мы игнорировали. Только сейчас я почувствовал себя некомфортно из-за своей наготы, тем не менее, я протянул руку к дверной ручке и распахнул дверь, позволяя ей удариться о стену. Его комната пустая, темная и холодная. Холод – скорее психосоматический, чем физический. В любом случае, её здесь нет.

Потом меня осеняет. Я бегу в её комнату, хватаю штаны и запрыгиваю в них. Натягиваю их, пока выбегаю из дома, закрывая за собой дверь. Бегу через прохладную, хрустящую траву её газона на мягкий газон Ноны. Я ускоряюсь, прежде чем вынуждаю себя сделать

успокаивающий вдох, чтобы расслабиться. Я стараюсь быть тихим, не желая испугать Нону и Дейви. Поднимаясь по лестнице, ведущей в мою старую комнату, иду осторожно, помня о ступеньках, которые скрипели всю мою жизнь, и в считанные секунды подхожу к своей двери и действительно молюсь, чтобы она была там. Если её нет здесь – она ушла от меня. Всё это – слишком для неё, она не смогла справиться с этим.

– Пожалуйста, – прошептал я с комом в горле, открывая старую дверь.

Думаю, я мог растечься лужицей по полу от облегчения. Там, завернутая в моё одеяло, лежит миниатюрная девушка – любовь всей моей жизни. Не знаю, почему она покинула мои объятия, чтобы вернуться в мою детскую кровать. Когда-то она приходила сюда каждое утро, но я думал, что это было для того, чтобы быть со мной... теперь я не уверен в этом. Что-то привело её сюда, что ж, если это – то место, в котором она нуждается, я буду следовать за ней сюда до тех пор, пока мы не решим эту проблему.

Я знаю, что она что-то скрывает от меня, и пока она делает это, я не могу ей помочь. Так что я просто буду здесь с ней, пока она не будет готова. Мне двадцать восемь лет и я собираюсь спать в своей детской кровати с девушкой из детства – не думал я, что наше новое путешествие собиралось привести нас сюда.

Проскальзываю позади неё, она поворачивается и обвивает меня руками, её дыхание щекочет мою грудь.

– Нейт, – произносит она. Я целую её голову и заставляю замолчать, зная, что сейчас не усну; у меня всего лишь час до того, как мне снова придётся вставать, чтобы идти на работу. Мне нужно быть там для новых инструктажей. Такое чувство, будто у нас две жизни – одна сталкивает нас вместе, а другая – постоянно ставит перед нами препятствия. Обе они в равной степени сложные, как и наполнены душевными страданиями.

Я устал от страданий и борьбы. Я хочу разделить с ней жизнь, в которой лишь мы будем скрыты в нашей собственной клетке, где груз всех наших, доставшихся в наследство демонов, останется извне. Но тогда я вспоминаю о ней в моих объятиях, в моей старой кровати, и понимаю, что клетка не спасет нас; не тогда, когда у неё есть ключ, чтобы уйти прочь.

Шарлотта

19 лет

Я почти все рассказываю Нейту. Я почти всё уже рассказала ему. Почти.

Есть одна вещь, один шрам, который никогда не заживет. Он прогнил и зияет, он постоянно зудит, напоминая о том, насколько я непоправимо повреждена.

Сегодня я проснулась в слезах, как и каждый раз после того, как папочка забирал частичку моей любви с собой.

Я видела сон, в котором прошла по двору и прокралась по лестнице в его комнату, пустующую в течение четырех лет. На его кровати новые простыни – Нона меняет их для меня каждую неделю. Она никогда не спрашивает, почему я прихожу, она просто принимает это. Затем я просыпаюсь и понимаю, что я в общежитии, моя соседка спокойно спит в другой стороне комнаты, совсем не догадываясь о мраке, с которым я сталкиваюсь каждое утро, прежде чем она откроет глаза. Она не знает меня; никто не знает; не настоящую меня. Здесь я – Шарлотта. Сирота, спокойная и управляемая. Это всё, что им нужно знать и всё, что я когда-либо позволю им узнать.

Я включаю лампу и щурюсь от приглушенного света, прежде чем лезу в прикроватную тумбочку. Знакомый твердый переплет под пальцами успокаивает. Мои каракули внутри дневника – рассказ о том, как сильно я скучаю по Нейту. Я перестала писать ему письма, принимая тот факт, что он больше не хотел сломанную девушку, разрушающую его жизнь. Я и мои письма напоминали ему, почему его посадили, так что я начала писать ему здесь, где ему никогда не пришлось бы снова вспоминать. Это дневник писем, дневник моих страхов, грёз и всех мыслей, которые я скрываю от моей жизни, как Шарлотта, потому что лишь один Нейт понял бы или принял бы меня, как Чарли. Лишь эти страницы в состоянии держать мои секреты, не будучи разрушенными от отвращения, с которыми я сталкиваюсь каждый раз, когда закрываю глаза.

Моя ручка быстро пишет по линованной бумаге, будто они старые друзья. Буквы растворяются в бесконтрольном потоке слов, исходящем из глубины моей души, всегда начинаясь со слов «Дорогой Нейт» и заканчиваясь «Навеки твоя, Чарли». Не успела я опомниться, как неряшливыми каракулями заполнила две страницы синей шариковой ручкой, которые он никогда не увидит, и меня это нисколько не беспокоит. Ему лучше без меня, а в следующем году он выйдет из тюрьмы. Он должен двигаться дальше, не вспоминая обо мне, пока я пытаюсь смягчить боль всех остальных.

Жизнь нужно проживать, максимально используя каждый день, но у меня она заключается в поиске самого беспрепятственного пути. Так что, когда Пол пригласил меня сходить на свидание в эти выходные – я согласилась.

Пол – полная противоположность Нейта и это нормально. Он не рискует и без лишних вопросов принимает Шарлотту за чистую монету. Он слишком занят, потому что собирается стать врачом, что даже лучше, потому что у него меньше времени на то, чтобы изучить меня и увидеть призраки, скрывающиеся за моей ложью.

В своих письмах я рассказываю Нейту о Поле и прошу у него прощения. Пол – моё временное решение, и даже если это звучит эгоистично – мне плевать. Нейт – эгоист, Пол – эгоист, моя соседка – эгоистка... я тоже могу быть эгоисткой, это единственный способ, с

помощью которого я еще могу функционировать. Я не хочу всецело дарить себя другому человеку, у меня нет ни сил, ни желания на это. У них может быть Шарлотта – оболочка с трещинами, без содержания, без прошлого. Чарли же полная противоположность, и она должна оставаться глубоко похороненной.

Сегодня, после написания двух страниц, я осознаю, что мне нужно рассказать ему правду, выпустить её, хоть я и знаю, что это не принесет мне ничего хорошего. Это первое утро за долгое время, когда мне снилось что-то другое, а не отец, и это благодаря Нейту. Всё счастье, которое я когда-либо испытывала – только благодаря Нейту. Моя рука начинает писать рассказ с самого начала, спустя много времени с моего знакомства с Нейтом в шесть лет.

Дорогой Нейт,

Это было до восхода солнца, когда я почувствовала движение матраса. Я думала, это был ты...

Чарли

Настоящее

Его тепло – комфорт, и я цепляюсь за него. Я проснулась раньше, после того же сна, который вынуждена переживать практически каждый день и, несмотря на то, что Нейт был рядом со мной, я не могла там оставаться. Я не могла спать в отцовской комнате, не могла спать в своей собственной комнате и всё, что осталось в том маленьком доме – гостиная, но я не могу там спать всю оставшуюся жизнь. Так куда же я пошла? В безопасность кровати Нейта и его комнату, пахнущую им и его защитой. Я не хотела будить его и объяснять, потому что объяснение подразумевает рассказать ему мой секрет. Если я не расскажу ему... то останусь той, кто причиняет ему боль своей ложью. В любом случае, я не могла смотреть ему в глаза в четыре часа утра.

Теперь я знаю, что он проснулся и крепко держит меня в объятиях, будто боится, что потеряет меня. Это из-за меня, и я ненавижу себя за этот поступок. Он целует меня в макушку, и я чувствую, что он мог бы делать это всё утро, быть может, практически всю мою жизнь.

– Мне пора на работу, детка. Хотел бы я не пойти, но выбора нет. – Его дыхание, когда он шепчет, обдаёт теплом моё ухо.

Я цепляюсь за его рубашку, не произнося слов, которые хочу. Не уходи. Остайся. Вместо них я говорю:

– Я знаю.

– Мы должны поговорить об этом, о многом.

Его голос звучит так, будто ему больно, и я не могу выдержать это. Я запрокидываю голову и целую его колючий подбородок.

– Я знаю. Сначала проводи меня домой.

Он кивает, встает со своей маленькой кровати и протягивает мне руку. Я крепко за нее держусь, когда он ведет меня из своей комнаты вниз по лестнице, через тихий дом и парадную дверь.

Я вижу мой дом по ту сторону газона, и в одно мгновение абсолютный страх снова наполняет меня. Он практически разбивает меня, пока я быстро не засовываю его обратно во тьму, где храню все свои страхи. Отца там нет, его нет нигде. Все кончено, и мне нужно с

этим смириться, сделать мой дом снова для меня безопасным. Краска, конечно, сможет сделать многое, но я должна сделать все остальное.

Полагаю, несмотря на мой дневник, нависающий над нашими головами подобно гильотине, готовой упасть от рук Пола, я не могу это сделать. Почему он еще не шантажировал меня? Он хочет чего-то. Всегда. Он ждал до вчерашнего дня, чтобы сделать первый шаг, и сегодня я собираюсь сделать свой – навсегда покончить с той частью моей жизни, чтобы освободить место для новой.

Нейт провожает меня обратно в мою кровать, он тяжело вздыхает и целует меня в щеку. Я улыбаюсь и пытаюсь заставить его почувствовать себя лучше, потому что он должен работать, а я – начать приводить свою жизнь в порядок. Пол всё еще играет со мной в свою игру, блокируя мои счета. То, что он удерживает меня за мое прошлое, лишь начало его дьявольского плана. Скорее всего, он ждет, что сегодня я приду – и я пойду подготовленной, чтобы играть в полную силу.

Нейт бросил всё, чтобы защитить меня. Теперь моя очередь. Если Пол при помощи моего дневника добьётся своего, это может разрушить всё хорошее, что с тех пор сделал Нейт со своей жизнью. Нейт хороший мужчина, он создал лучшую жизнь для себя и других... меня. Я же сделала то, что делаю всегда – хороню себя и все мои грехи.

Но не сегодня. Я наблюдаю, как Нейт надевает свою одеревенелую от краски одежду, выезжает на своем грузовике с подъездной аллеи и едет по улице, когда я отправляюсь обратно в дом и иду напрямиком в папину комнату. В этот раз моя рука не дрожит на ручке; в этот раз я проталкиваю себя вперед, ибо у меня нет другого выбора.

Как и во всем доме, простыни закрывают всё от пыли, но я не сомневаюсь, что под ними всё еще лежат все его вещи, равно как и вещи моей матери, которые он хотел сохранить, которые были практически всем. Я не убираю их, я не буду искать их. У меня есть единственная цель, из-за которой я нахожусь здесь, и я направляюсь к его секретному месту, под креслом-качалкой, в углу. Оно тоже было мамино. Она никогда не пользовалась им в этом доме. Каждый вечер, перед сном, она держала меня на руках, сидя в этом кресле, читала и пела мне. Полагаю, это - было немного жестоким напоминанием, но, в любом случае, он принёс его с собой. Это своего рода ирония, хранить кресло, как знак маминой любви ко мне, ведь его любовь ко мне основывалась на извращении... мне нужен был другой предмет.

Я волочу её кресло по ковру и избавляюсь от унылого воспоминания о ней, когда оно качается само по себе. Я впиваюсь ногтями в угол плинтуса, захватываю край ковра и оттягиваю его назад. Единственная просверленная дыра в одной из досок: все было так, как я запомнила.

Когда мне было двенадцать, я пошла на шум сверла и заглянула сюда, слишком заинтригованная, чтобы думать о своем благе. Я знала, что пронзительный звук того, как металл сверлил древесину, заглушил мою слежку, но существовал риск, потрепавший моё маленькое сердечко: я не была допущена в его комнату. Он что-то замышлял – это было очевидно. Так что, в следующий раз, когда была одна дома, я пошла посмотреть. Как только я нашла содержание его тайны – я поклялась никогда не подглядывать снова.

Сегодня я впервые за всё время вернулась в его комнату. Мой живот скрутило от затхлого воздуха и нервов, но я тянусь к дырке в древесине и задерживаю дыхание, пока поднимаю доску. Внутри темного пространства под половицами лежат его порно журналы, все в пыли от прошедшего времени. Я достаю их и откладываю в сторону, ища то, что,

надеюсь, всё еще лежит под ними. Завернутые в наволочку, как готовые к утоплению котят, видеозаписи Нейта и меня. Аналогия подходит – содержимое кассет потопит нас, если попадет в чужие руки. Я никогда не смотрела их, но знала об их содержимом. Я видела, как он заряжал пленкой камеру и мне всегда было интересно, что он сделал с ней. Я благодарна, что мы не жили в век, когда интернет был услугой широкого пользования в домашнем обиходе. Нет, грехи моего прошлого записаны на VHS.

Я беру самодельный мешок и сдерживаю рвотные позывы, единственное, что удерживает меня от рвоты – рассматривание другого предмета, за которым я пришла.

Холодный металл неприятно ощущается под моими пальцами. Оборачивая пальцы вокруг стали, я вытягиваю его на свет и кладу на колени. Он не заряжен, в нем нет обоймы, которая все еще лежит в темноте, ожидая, искушая меня. Я знаю, что должна сделать и знаю последствия. Я тянусь за обоймой, беру пистолет и наволочку с моими грехами, и бегу из его комнаты на кухню.

Я вываливаю всё это на стол и пытаюсь успокоить свое трясущееся тело, пока оцениваю то, что должна сделать с содержимым. Ничто из этого не будет легким и всё же я не могу дождаться, когда всё это закончится.

Я засовываю все в кладовку и направляюсь в душ. Первое место, куда мне нужно пойти – мне не нужно выглядеть, как сумасшедшая женщина или они не воспримут меня всерьез. Мне нужно быть спокойной и сделать это правильно.

Шарлотта

21 год

Во всей моей жизни никогда не было ночи подобной этой, когда алкоголь, лица и музыка как следует затуманили моё прошлое.

Пол не смог присутствовать, мне жаль, что у него не вышло. Это был мой двадцать первый день рождения, это важно, не так ли? Пришли мои коллеги-медсестры, некоторые доктора и университетские друзья. Мы праздновали так, будто снова были студентами. Несмотря на то, что вечер должен был завершиться после ужина – мы отправились в местный клуб. Никто не мог поверить в то, что прежде я никогда не была в клубе, так что это было единогласное решение – убедиться, что я никогда не забуду. Я никогда не забуду.

Смеясь, я вываливаюсь из такси с неистово смеющимися Трентом, Долли и Люси, сидящими внутри. Это немного позорно, однако, мне глубоко наплевать. Я хочу делать это снова завтра вечером и послезавтра.

На крайне неустойчивых ногах я машу им рукой на прощанье, посылаю им воздушные поцелуи, пока, шатаясь, взбираюсь по лестнице в мою с Полом роскошную квартиру. Я слышу, как такси трогается с места с гоготом, проносимся в воздухе, не знаю: смеются ли они потому что у меня целая вечность уходит на то, чтобы вставить ключ в дверь, или почему-то еще, но начинаю смеяться сама над собой, пока мой смех не оказывается единственным звуком в тихой ночи.

Кто знает, сколько бы времени ушло у меня, чтобы открыть дверь, если бы она не распахнулась. Сначала я туманно полагала, что собираюсь упасть в объятия Пола, но он делает шаг в сторону, позволяя мне жестоко упасть на пол. Алкоголь очень сильно блокирует вашу реакцию, поскольку я даже не вытягиваю руки вперед, чтобы уберечь себя от удара о плитку. Моё лицо встречается с прохладой твердой поверхностью, но прохлада ощущается не долго, прежде чем жгучая боль простреливает в челюсть, щеку и глаз.

– Вставай, – спокойно произносит он.

Что? Я не понимаю, что происходит. Он злится?

– Я сказал, вставай!

Затем происходит нечто, что меняет в наших отношениях все. Пол всегда был ревнивым мужчиной, всегда был немного непреклонным, всегда уверен в себе, но никогда не был жестоким. Сегодня вечером он изменил это своим первым актом ненависти ко мне, пнув меня в живот. Я чувствовала, как жестокость проникает прямиком через мои внутренние органы и знала (даже с отсутствием ясности в мыслях из-за алкоголя), это было плохо.

Я кричу и сворачиваюсь в клубок. Почему жертвы скручиваются? Это лишь дает атакующему другую цель, которую он с жадностью принимает. Мало того, что я ощущаю его ногу, затем я чувствую его щедрую руку на своей голове. Похоже, прошло лишь десять секунд, но этого было достаточно, чтобы напугать и сделать так больно, что меня вырвало и я отключилась.

Я очнулась позже; он ушел, но я все еще там, лежу в собственной рвоте. Я пытаюсь сесть, осматриваю свои волосы, висящие прядями, залитые переработанным алкоголем и содержимым желудка. Мир безумно вращается, снова побуждая меня к рвоте.

Не знаю, от алкоголя это или от сотрясения, возможно и от того и от другого. Я напугана и не думаю, что могу открыть хоть один глаз. Не думаю, что действительно могу двигаться, чтобы привести себя в порядок и убрать весь этот бардак. Я должна бежать, должна постоять за себя – я должна уйти. Впрочем, на самом деле, в глубине всего важного для меня, я знала, что заслуживаю это.

Папочка издевался надо мной, а теперь он мертв. Любовь всей моей жизни в тюрьме, потому что это был единственный способ освободить меня. Меня совали в семьи, которые все, кроме последней, обманули ту частичку веры в мир, что у меня была. Вместо того, чтобы поступить так, как нужно, и пожаловаться на них, я незаметно исчезла ночью, и в свою очередь, позволила им направить свои грехи на других приемных детей.

Я ушла от своей неразделенной любви в руки другого монстра, который заботился обо мне меньше, чем все остальные. Я заслуживаю это, в том числе и немного за жизни, которые я отяготила.

Это моё наказание, прежде чем я умру. Я лишь надеюсь: он убьет меня как можно скорее.

Чарли

Настоящее

У меня очень сильно болит спина – из-за внутренней дрожи, которую я скрываю в себе от мира. Я должна быть сильной, особенно теперь, когда иду к человеку, который никогда мне не верил.

Открываю огромную стеклянную дверь и тотчас же сталкиваюсь с дежурным помощником шерифа, глядящим на меня с опаской, подобно Ноэлю. Они держат меня на расстоянии, потому что я – проблема, позор для правоохранительных органов, ибо я посмела запятнать репутацию одного из их людей. Что ж, сегодня я определенно собираюсь быть проблемой и сделать больше, чем просто запятнать репутацию.

– Мисс Барнс. Шериф сказал, что, вероятно, мы скоро встретимся с тобой. Твой парень-зэк, Шоу, в конце концов, показал своё истинное лицо?

Думаю, вскоре, помощник Лоу пожалеет о своем высокомерии, так что я сдерживаю в себе то, что хочу сказать.

– Мне нужно увидеть Шерифа Ноэля.

Он натянуто улыбается и звонит. Могу сказать, что на другом конце провода ему читают лекцию и вероятнее всего говорят, что для меня нет времени, поэтому я вмешиваюсь:

– Скажи ему, что у меня есть доказательства преступления.

Помощник Лоу останавливается на мгновение. Ему не нужно передавать моё сообщение – Ноэль слышал меня, я сделала для этого всё. Я сделала всё, чтобы весь офис, состоящий лишь из еще одного помощника, мог меня слышать. Никто из них не может отвергнуть доказательства преступления – они обязаны продолжать расследование, даже если считают, что мои показания – это ложь. Лоу вешает трубку и вздыхает, прежде чем позволить мне пройти в офис, который раньше принадлежал моему отцу.

Здесь особо ничего не изменилось – тот же казённый стол, тот же казённый стул, те же награды в рамках. Офис моего покойного отца отличался теперь лишь другим именем на двери, сертификатах и табличке на письменном столе, и, конечно же, более молодой версией мудака, сидящей за столом.

– Мисс Барнс, так, что вы утверждаете, что у вас есть что?

– Ни привет, ни как дела? Ни могу ли я предложить чашечку кофе?

– У тебя для меня что-то есть или нет, потому что я устал от твоих игр. Хорошие люди разрушили свои жизни из-за твоих игр. Твой новый парень чуть не получил дополнительный срок в тюрьме из-за ...

– *Мой отец.* – Прерываю я, наконец-то, произнося слова. Не могу поверить, что у меня заняло столько времени, чтобы поверить в то, что это правда, что я выбрала этот момент и принять то, что произошло с Нейтом и осознать, что это была не моя вина. Это папина вина. У нас не было другого выбора. Это папа виноват в том, что мы так разбиты. Это папа виноват, что я настолько изувечена. Вина, вцепившаяся в меня из-за отсутствия у меня смелости прийти и исправить все это. Что ж, с меня достаточно!

Я снимаю с плеча свой старый школьный рюкзак, проведший годы в шкафу, и с грохотом бросаю его на стул, на который отказалась сесть. Мне нужно стоять; не знаю почему, просто нужно.

Полагаю, своим рюкзаком я заставляю его нервничать, потому что он расстегивает кобуру и держит руку наготове.

– У меня нет оружия, Шериф Ноэль.

Я вытягиваю одну кассету и кладу перед ним. Он смотрит на неё так, будто она может подползти к нему по столу и укусить. Он знает, что это и без моих объяснений. Затем я получаю небольшое удовольствие, выкладывая перед ним следующую кассету и затем еще одну, и еще. Все семь кассет, годы греха и тайн.

У него есть небольшой телевизор и проигрыватель в шкафу, в углу комнаты. Я беру одну кассету, надеюсь, что проигрыватель может воспроизводить VHS в силу того, что не все в этом городе двигаются в ногу со временем. Я открываю шкаф и вздыхаю, разрываясь между облегчением и разочарованием. Включая оборудование в тишине, я чувствую, как Ноэль подходит ко мне, готовый посмотреть на шоу, после которого он будет мечтать, чтобы ему никогда не приходилось его видеть.

Кассета проскальзывает внутрь, и механизм захватывает её; в течение нескольких секунд меняется изображение. Я отступаю назад к Ноэлю, чувствуя перекладину двух маленьких стульев под коленями.

Голос отца становится громче и четче, наполняя комнату, и Ноэль торопится убавить громкость. Отец просит меня сесть к Нейту на колени и «спектакль» продолжается. Ноэль не очень хорошо с этим справляется, вернее абсолютно не хорошо; он прикрывает своё шокированное лицо руками, опускаясь на один из стульев в то время, как я по-прежнему стою. Не проходит много времени, прежде чем он возвращается к оборудованию и поспешно выключает его. Те сомнения, которые у него были относительно моей истории, наших историй – определенно исчезли, сменившись отвращением.

Мы оба молчим, пока он переваривает то, что я доверительно ему сообщила. Слишком поздно наказывать отца, хотя, возможно, Ноэль поможет мне с Нейтом, и моей проблемой с Полом.

Я хочу, чтобы Нейт освободился от мрака записи и это место может помочь. Если ему понадобится прийти сюда за помощью, мне нужно знать, что он её получит.

– Мне так жаль, Чарли, – бубнит Ноэль, падая в своё кресло за столом. Он трет лицо и выглядит так, будто постарел лет на десять.

– Я знаю. Но ваше извинение не единственная причина, по которой я пришла к вам с этим. Нейт возненавидит меня за то, что я это сделала, но вы должны знать, что он не хладнокровный убийца. Отец напал на меня, а Нейт спас - ни больше, ни меньше. Ни один из нас не хотел, чтобы всё так закончилось, я пыталась уйти, и папа плохо это воспринял, вы можете представить себе как.

Взмахом руки он прерывает меня и кивает.

– Да, я понимаю. Ты знаешь, это ничего не изменит, кроме периода условно-досрочного освобождения Натана. Он будет аннулирован, когда дело дойдет до суда.

– Не думаю, что он извлечет бы выгоду из этого прямо сейчас. Я просто хотела, чтобы вы знали; я хочу, чтобы вы перестали думать о нём худшее.

Он кивает, и я фактически могу видеть слезы на его глазах перед тем как он осматривает фоторамку на столе и берет её в руки. Затем он поворачивает её и показывает мне свою жену и младенца, завернутого в розовое одеяльце. Не знала, что у него есть ребенок; кольцо на его пальце было единственным показателем того, что он был женат.

– Ей четыре месяца.

– Она красавица.

– Я так сильно сожалею. Если бы кто-то сделал такое ... – хрипит он и вот мои глаза наполняются слезами.

– Вы никогда не допустите этого, - сурово произношу я. В глубине души я знаю, что он защитит маленькую девочку.

– Нет, - шепчет он, возвращая фото обратно на место. – Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Ничего. Абсолютно ничего.

Нейт

Настоящее

Сегодня у меня две выездные проверки; они – заноза в моей заднице. В местном Совете говорят, что одобряют то, что я пытаюсь делать и я думаю, большинство с ними заодно, но кто-то против, что не радует.

У меня больше выездных проверок, чем у любой другой строительной компании, как я слышал, что это из-за того, что у меня не было сведений о нарушениях. Я мог бы подать в суд на это, призвать их за то, что они были избирательными, но всё, что это даст мне – еще больше обозленных чиновников.

Вместо этого я прикладываю все усилия, чтобы пройти каждую чертову проверку.

Теперь в моей жизни есть еще один человек, которому нужна поддержка, и на эту компанию полагаются многие, но для меня нет никого ближе, чем Чарли. Она не вернулась на работу, и я действительно не хочу, чтобы она это делала, особенно, если он все еще там. Я хочу, чтобы она сидела дома, поправлялась и стала моей женой. Хочу, чтобы она занималась тем, чем ей нравится, чтобы когда-нибудь она родила от меня детей и, чтобы сбылось все то, о чем мы вместе мечтали. Я сделал всё, что было в моих силах для того, чтобы у неё были мечты, но до настоящего момента я терпел неудачу. Я больше не оплошаю!

Я в пути на вторую стройплощадку – расширение госпиталя, когда через колонки раздаётся телефонный звонок. На ЖК-дисплее радио написано «Нона».

– Да?

– Езжай домой. Сейчас же, сынок. Я позвонила шерифу, как только услышала её крик.

Не знаю, как я не убил кого-то или себя, когда резко повернул руль влево и развернулся. Машина ревет от торможения, когда я меняю направление в сторону дома.

– Что происходит?

– Появился Пол, и я тот час же побежала туда, но она сказала, что в порядке и пригласила его внутрь. Так что я пошла домой и была настороже. Как только я услышала её – позвонила шерифу. Я не могу пойти туда, сынок. Не в этот раз. Дейви сейчас в панике; он слышит её и хочет пойти помочь.

– Блять. Оставайся там. Оставайся в безопасности. Я выезжаю. – Я завершаю звонок и моментально жалею об этом, потому что Нона – мой единственный источник сведений о том, что происходит, так что я снова звоню ей. – Нона, ты еще слышишь её?

Она молчит секунду, прежде чем ответить:

– Нет.

Черт возьми.

– Ты что-нибудь слышишь?

– Ничего.

Затем, ясно, как день, я слышу через колонки нечто, что вызывает боль в груди и мне становится дурно. Выстрел.

– Боже мой, сынок. Я только что слышала ...

– Знаю. Я тоже слышал. Я почти на месте, оставайся вне досягаемости и будь на линии.

– Прости, что не смогла пойти туда. Прости, что не смогла защитить её в этот раз, - хныканье Ноны раздаётся в колонках. Я слышу, как ноет Дейв. Он всегда так делает, когда расстроен, и я представляю себе его сейчас, качающегося на своем стуле за столом. Последний раз он так делал, когда дети решили, что это забавно – закидать дом тухлыми яйцами.

– Прекрати, Нона. Ты сделала всё для всех нас. Ты спасла нас.

Я налетел на тротуар на повороте; мне нужно быть осторожным, чтобы никого не травмировать. Я бы никогда не простил себе, если бы такое случилось.

– Ты понес наказание за мои действия и каждый божий день я ненавижу себя за это.

– У тебя не было выбора. Ты что-нибудь слышишь сейчас?

– Нет.

– Нона, он вышел?

– Нет.

Надеюсь, это означает, что она ранила его, а не наоборот.

– Я не должна была стрелять в него, Натан. Я могла бы отпустить его, но моё отвращение и ярость заставили меня спустить курок.

– Если бы ты не убила его, это сделал бы я. В любом случае, я даже не уверен, помешали бы ему его резаные раны в конечном итоге. Ты должна прекратить винить себя; он бы изнасиловал и убил её, если бы мы не остановили его.

– Натан ... позаботься о брате.

– Что? *Нона?!*

Связь оборвалась, и я знаю, что она пошла к Чарли. Теперь Дейви будет волноваться и не будет двигаться. Нона рискует снова своей жизнью ради меня и Чарли. Черт возьми!

Я проезжаю последний дом, готовый вырвать руль. Я не могу потерять их – никого из них.

Мой грузовик с визгом останавливается, и я вылетаю из кабины; грузовик всё ещё заведен, но мне плевать. Мне плевать на всё, кроме того, что происходит внутри тех стен. Эти чертовы стены, словно пламя Преисподней моей жизни. Единственное хорошее, что появилось из этого дома – была Чарли. Всё остальное было лишь липкой, черной смолой, которая хотела подавить свет.

Это опасно, но я ворвался через входную дверь, игнорируя доводы разума, кричащего мне приближаться с осторожностью. Жаль, что у меня не было пистолета.

Надеюсь, в этот момент у Ноны его тоже не было.

Не могу дышать. Стоя в маленькой гостиной Чарли, я шокирован и чувствую облегчение от того, что вижу перед собой. Там, где до этого была лужа краски и следы нашего занятия любовью прошлой ночью, теперь была лужа багровой крови, характерный запах, смешиваясь с запахом краски, витал в воздухе.

Нона стоит справа от меня, ружьё свисает с её руки, как если бы она держала сумочку. Как только я подхожу к ней, протягиваю руку к её плечу и ободряюще сжимаю, тогда как она, успокоенная моим присутствием, мрачно улыбается. Я киваю на входную дверь, уговаривая её уйти, выбраться отсюда, прежде чем с ней что-то случится. Она может вернуться к Дейви и ждать приезда уполномоченных лиц и, что самое важное, она будет в безопасности и мне не придется о ней беспокоиться. Я смогу сосредоточиться на Чарли.

Нона, крадучись, выходит из дома, прихватив с собой ружье. Я чуть было не поддался искушению выхватить его у неё, но в данный момент оно нам не поможет.

Я медленно подхожу к Чарли. Она по-прежнему сосредоточена на стонущем, матерящемся ублюдке с простреленным бедром.

– Чарли?

Я протягиваю руки; не хочу напугать её. Пистолет в её руке делает её опаснее половины парней тюрьмы штата. Она не смотрит на меня, её внимание приковано к Полу, истекающему кровью на защитные чехлы. Я бы гордился ею при других обстоятельствах. Однако сейчас, я просто напуган. Прямо сейчас я боюсь многого – боюсь, что потерял Чарли, что она окончательно сломалась от предоставленной ей дерьмовой жизни. Боюсь, что её посадят в тюрьму за стрельбу в бывшего; если он умрет – ей могут дать пожизненный срок, если она, прямым ударом, добьется своей цели. Я до смерти напуган, потому что независимо от того каким будет исход сегодняшнего дня – я потерял её. Чарли никогда не будет прежней, она уже никогда не будет той же милой девочкой, в которую я влюбился много лет назад, и никогда не будет женщиной, которую я жаждал видеть рядом с собой. Она никогда не будет чувствовать свободу, которую я отчаянно для неё хотел и ради которой я всем пожертвовал.

В этот раз она сама себя пленила.

– Чарли, детка, не думаю, что он куда-то сбежит. Он не причинит тебе вреда. Опустит пистолет, Чарли.

Голова Пола шевельнулась в мою сторону; он обильно потеет от угрозы быть вновь раненым или убитым и, наверное, боль мучительна.

– Ты, блять, шутишь, да? – Пол практически визжит, широко раскрыв глаза, прежде чем они становятся жестокими. – Я собираюсь отплатить ей за это и убедиться, что ты и твоя семья тоже это прочувствуете, – он, как бешеная собака, рычит угрожая.

– Заткнись, прежде чем она убьет тебя, а если и не она, то это могу сделать я, – огрызаюсь я. Парень – полный идиот.

– Шериф уже в пути, – произносит Чарли тихо и монотонно от чего у меня спине пробегает холодок.

– Это хорошо, любимая. А теперь, как на счет того, чтобы отдать мне пистолет?

– Шериф уже в пути, – повторяет она снова. – Но он должен умереть. Я ненавижу его за всё то, что он сделал с нами. Он отнял всё у меня.

– Я знаю, Чарли. Но в конечном итоге тебе не станет легче.

– Я была всего лишь маленькой девочкой; его маленькой девочкой. Он должен был защищать меня. Отцы должны защищать своих маленьких девочек, не *издеваться* над ними.

Стоп. *Твою мать!* Блять, блять, блять.

– Чарли, это *Пол*, а не твой отец.

Страхи её прошлого и настоящего, сталкивающиеся вместе – заполняют воздух и моё горло.

– Он должен заплатить. Я не могу двигаться дальше, когда он по-прежнему преследует меня. *Просто не могу.*

Иисусе.

– Детка, твой отец мертв, его больше нет. Ты защищена от него и навсегда в моих руках. Просто иди ко мне. Отдай мне пистолет и защищу тебя.

Я оглядываюсь на входную дверь в поисках какого-либо признака полицейского, но там

никого нет. Я вздыхаю, поворачиваясь к Чарли. В очередной раз уполномоченный органы подводят нас в трудную минуту. Впервые с момента моего освобождения, я жалею, что они не ошибаются рядом со мной.

– Она чёртова сумасшедшая. Сделай что-нибудь! – Пол вновь визжит, как испуганная киска, кем он на самом деле и является, насколько мне известно.

– Заткнись, – рычу я, не отводя взгляда от Чарли и от «машины смерти» в её руке. Её слезы, словно водопад боли и ненависти, текут, смешиваясь с потом; каждая слеза ищет освобождения из заключенного в её сознании ада. Я так сильно хочу вытереть ей слезы.

– Я хочу, чтобы всё это просто прекратилось, Нейт. Хочу спать без ночных кошмаров и страха обнаружить его, стоящего рядом со мной, желающего вновь погубить меня...просто хочу, чтобы это прекратилось.

Её слова насквозь прожигают мою грудь; каждая неуловимая буква влечет за собой шрамы, шрамы, проникающие прямо в моё чёртово сердце. Я всегда сомневался, я всегда боялся ... всегда надеялся, что ошибался.

Я всего лишь в шаге от того, чтобы остановить её, удержать от совершения такой колоссальной ошибки, из-за которой она никогда не станет прежней, не смотря на то, что я не знаю – моя это потребность или её.

Я потерял здесь; не хочу, чтобы пострадали люди, которых я люблю, но боюсь, что для этого уже слишком поздно. Мне следовало это предвидеть. Я хотел, чтобы она поднялась и не позволяла еще кому-то снова травмировать её. Я бы защищал её, пока она училась, как это делать. Теперь, я вижу свою ошибку. Чарли стремительно шагнула в неизвестность, и я бессильен в том, чтобы защищать её.

Я никогда не умел защищать её, и потерял надежду быть тем, в ком она нуждалась. Я не смог защитить её от отца, когда думал, что смогу. Вместо этого я разрушил её жизнь. Не смог защитить её от приёмных родителей, заботившихся больше о проверке, чем о ней. Не смог защитить её от моей новой жизни заключенного с плохой репутацией, просто игнорировал её, пока у неё не осталось другого выхода, кроме как двигаться дальше.

И вновь, принятые мной решения разрушили её жизнь. Одна в целом мире, она обратилась к человеку, который такой же гнилой, как и её отец, и все эти решения привели нас сюда, меня, по-прежнему бессильного в том, чтобы защитить её.

Звук сирен полицейских машин становится громче и, глубоко внутри, я паникую. Что я делаю? Её рука дрожит; я вижу, что она близка к тому, чтобы потерять самообладание. Я не хочу, чтобы её посадили в независимости от того каким краткосрочным будет судебный приговор; не думаю, что она выкарабкается. Они никогда не слушали и не верили нам; они просто, не раздумывая, закроют её.

Её палец приближается к курку, и я знаю, что она на волоске от того, чтобы никогда не вернуться ко мне из ада и мучений, закрытая для всех чувств; я видел такое прежде – заключенные попадали в тюрьму из-за потери контроля и жестокости, с которой они не могли справиться. Она будет в заточении, а я буду брошен в этой безлюдной реальности, раскаиваясь в тех моментах, в которых я её подвел, пока она жила в безмолвной тьме камеры, возведенной её разумом для того, чтобы она могла выжить.

С этой секунды я не продумываю всё до мелочей; моё тело делает то, что естественно, то в чём оно всегда нуждалось. Я хочу её защитить наилучшим образом, каким только смогу и, если получение еще одного срока означает, что она будет вольна изменить свою жизнь – я сделаю это. Возможно, этот выбор будет другим, возможно, это лучшее решение, которое я

когда-либо приму для неё – для нас обоих.

Делаю последний шаг к ней и выхватываю пистолет из её руки. Бесконтрольный выстрел насквозь продырявливает практически пустую банку из-под краски, из-за чего она разлетается по всей комнате. Я рад, что это всего лишь банка из-под краски, а не решающая пуля, обрывающая жизнь Пола, вне зависимости от того насколько он заслуживает этого. Чарли, подобно одичавшему зверю, борется в моих руках; на фоне борьбы, мне кажется, будто кто-то сверлит моё заживающее плечо. Я крепко держу её, слишком крепко. Наверное, ей больно и тяжело дышать, но я чертовски хорошо знаю, если ослаблю хватку – она выскользнет и сделает что-то безрассудное, глупое и опасное.

Еще один выстрел прогремел в воздухе и каждый инстинкт во мне заставляет бережно обернуть Чарли. Она перестает вырываться и хватается за мои руки, её пальцы впиваются в кожу. Следует второй выстрел, и что-то теплое попадает мне на лицо, шею и руку. На этот раз он не из того пистолета, который сейчас находится в моей руке. Я поворачиваюсь, чтобы, через плечо, взглянуть в сторону входной двери, не желая, чтобы что-либо или кто-либо добрался к Чарли. Сирена оглушает, смешиваясь с шумом крови в моих ушах.

Но на подъездной дорожке, с ружьем наготове, оно больше не висит, как безвредная сумочка. Рядом с ней стоит Шериф Ноэль, его пистолет направлен вниз, на бездыханное тело Пола.

Голубая, застегнутая на все пуговицы, рубашка Пола алеет с каждой секундой, а этот смертельный выстрел вызывает у меня дрожь; красная, жидкая жизненная сила Пола Паркера вытекает из дыры в его голове.

Чарли снова начинает вырываться, кричит, чтобы я отпустил её, но я не сделаю этого. Я не могу. Не хочу, чтобы она видела это; это будет еще одна неоправданная глыба вины, угнетающая её, еще один ночной кошмар, который будет красть её сон по ночам.

– Шшш, – успокаиваю её рыдания. Её тело содрогается под моим, каждый продолжительный всхлип вырывает кусочек мое сердце из груди.

– Папа?

– Шшш. Его и Пола теперь больше нет. Ты в безопасности. Мне так жаль, детка, так, так жаль, что снова подвел тебя.

Я хотел сказать ей: «Всё в порядке. Это не твоя вина, ты ничего не сделала». Вместо этого она рыдала, сжимая мою, пропитанную потом, рубашку.

– Она в порядке? – спрашивает Ноэль, наклоняясь и выбивая из руки Пола нож, который я не видел до этого, прежде чем проверить его пульс. Отсюда я могу сказать, что парень мёртв, но Ноэль должен убедиться, прежде чем согласиться с моими мыслями. Он ставит на предохранитель пистолет и связывается по рации, когда забирает у Ноны ружье. Слава Богу. На мгновение я подумал, что стреляла она. Она простила себя спустя много лет, проведенных в церкви и молитв за то, что забрала жизнь у монстра; не уверен, что она проживет достаточно долго, чтобы простить себя, если бы она сделала это снова.

Две женщины в моей жизни, которых я снова и снова подводил. Ни в этой, ни в следующей жизни мне никогда не будет достаточно лет, которые обеспечат хоть чуточку нужного мне прощения.

Я поднимаю Чарли и прижимаю её к себе. Она крепче сжимает рубашку, хныкая мне в шею, когда я направляюсь в сторону входной двери. Ноэль кладет руку мне на плечо, приподняв брови. Он думает, что мы собираемся сбежать; если бы мы могли.

– Мне нужно вывести её отсюда. Вы можете допросить нас снаружи, но мы собираемся

покинуть этот дом. Эти стены хранят слишком много боли и крови.

Он смотрит на нее, и я вижу, как в его глазах мелькает нечто, что я узнаю. Это чувство вины и стыда. Я тесно знаком с этими чувствами, она подобно моему талисману, чтобы не сдаваться, чтобы я старался быть лучше для неё и для себя. Вопрос в том, почему *он* смотрит на неё так?

– Не покидайте двор, – произносит он устало.

Я киваю и выхожу наружу в яркий солнечный свет, жара обволакивает нас влажной волной, и внезапно я чувствую себя совершенно измотанным. Мои руки болят и дрожат под небольшим весом Чарли, а ноги слово тяжелые мешки. Испугавшись, что уроню её присаживаюсь на землю и держу её, вдыхаю аромат её шампуня и не замечаю вторую патрульную машину, со скрипом останавливающуюся, на подъездной дорожке. Я просто сосредотачиваюсь на Чарли, на её дыхании, сердцебиении, её дрожащем теле в моих руках. Всё могло быть по-другому; всё могло закончиться гораздо хуже. Существует так много вариантов, во что могли превратиться наши жизни в той комнате и многие из них плохие. Нона садится рядом с нами, обнимая меня свое худой рукой. Она кладет голову мне на плечо, и я вздрагиваю от резкой боли.

Тот час же я понял, что совершил ошибку, не скрыв свою боль. Нона резко выпрямляется и вздыхает, прежде чем дернуть мою рубашку. Не хочу выпускать Чарли из рук, но она снова всячески пытается вырваться из моих объятий, так что я позволяю ей выскользнуть. Нона кривится и окидываю взглядом своё плечо, чтобы увидеть то, что я уже предполагал. Моя рана снова была частично открытой. Это было не так больно, как раньше, далеко не так, но боль очень жгучая, а от запаха моей собственной крови меня начинает тошнить.

– У тебя разошлись швы, – упрекает Чарли, будто я мог поспособствовать этому. Это медсестра в ней, в Чарли, которую я боялся, что могу потерять. Она могла бы отчитывать меня всю жизнь, если это означало, что она вернулась в настоящее ко мне, а не проиграла демонам, следовавшим за нами по пятам.

Я пожал плечами, словно это не имело значения, потому что так и было. Это ни черта не значило в общем ходе событий. Пока она была со мной, остальное не имело значения.

– Нейт, еще где-то болит? – спрашивает она, пытаюсь оставаться спокойной, но я слышу страх в её голосе, когда проводит рукой по моему лицу и руке, разыскивая травму там, где её нет.

– Чарли ... – спокойно произносит Нона, забирая её руку из моей.

Это потом я вижу кровь на её ладони. Я смотрю на свою руку, перепачканную кровью, вспоминая второй выстрел. Я вытираю лицо и смотрю на руку.

– Это не его кровь, – шепчет Нона.

Нет, это не так.

– Натан, сынок, думаю, прежде чем ты её еще больше напугаешь, тебе стоит принять душ и смыть это с себя.

Это вероятно ужасно выглядит. Я вытираю рукой шею. Меня тошнит, когда я под пальцами чувствую что-то плотнее, чем кровь. Я не боюсь крови; на протяжении многих лет я достаточно видел её по своей вине. Никогда не было приятно чувствовать липкую, теплую жидкость чьей-то жизни, но это другое. То, что под моей ладонью – было шокирующим и я не хотел, чтобы она видела это; я не хотел видеть это.

Я встаю и даже не смотря на то, что все во мне противится, игнорирую хныканье Чарли.

Нона хватает её прежде, чем она может последовать за мной, прежде чем она увидит это и что-то сломается в ней. Нона видела все это, она видела, как Ноэль выстрелил в Пола дважды. Второй выстрел был смертельным и, когда пуля попала в цель, прошла насквозь, то разбрызгала внутренности Пола на меня. Нона никогда не сможет избавиться от этого воспоминания и это тоже моя вина. Черт возьми, я когда-нибудь смогу избавиться от увеличивающегося чувства вины? Я причиняю боль всем, кого люблю вне зависимости от того, что делаю. Пуля могла бы пройти насквозь через Пола и попасть в меня. Я должен чувствовать себя счастливым, что на меня попали лишь его мозги, но нет, я чувствую себя так, словно всем было бы легче, если бы пуля попала в уязвимое место и избавила их всех от моего дерьма.

Не знаю, где прячется Дейв, но и не собираюсь искать его. Молю Бога, чтобы я, покрытый кровью, не наткнулся на него; это то, что ему не нужно видеть. Я перепрыгиваю через две-три ступеньки за раз. Не чувствую ни ног, ни плечо, ничего; я сосредоточен на том, чтобы смыть с себя останки Пола. Я захлопываю за собой дверь, запрыгиваю в ванну, задергиваю шторку и откручиваю старый кран холодной воды на максимум. От низкой температуры у меня перехватывает дыхание, но мне плевать, я просто включаю горячую воду. Я не стремлюсь к совершенству. Вода сразу стала прохладной, так что я могу дышать, когда скидываю обуви и срываю с себя одежду; она быстро промокла и прилипает к коже.

Моё плечо ощущается, как скверный ледяной ожог, но это хорошая боль; я приветствую её. Вода, которую я вижу стекающей по белой керамике, окрашена в красный цвет, смешивается вокруг моей ноги и одежды, часть крови моя и часть его; однако, крошечные кусочки - все его. Я ждал их; они напоминают маленькие сгустки. Мне приходится сдерживать желание вырвать себе на ноги, когда они падают. Мне страшно, немного попало мне в ухо, а позволять сильному напору душа барабанить по нему – болезненно. Густо покрываю себя пеной, шиплю, когда мыло подает в открытую рану на моём плече.

Поднимаю одежду из ванной, позволяя маленьким частичкам Пола смыться прочь, в канализацию. Я должен чувствовать себя плохо радуясь тому, что это ушло, что он умер, но я не хочу и не могу. Я хотел, чтобы он умер – нет, я хотел, чтобы сначала он страдал за то, что сделал. Быть застреленным – было счастьем, которого он не заслуживал. Он был удачливее меня. Знаю, я должен больше страдать за все мои грехи, что я и делаю каждый день, глядя, как мои близкие страдают от моих собственных и грехов других монстров. Не так уж и во многом я отличаюсь от них; я эгоистично удерживаю Чарли даже не смотря на то, что правильнее было бы отпустить её. Я тоже должен смыться в канализацию подобно Полу, чтобы никогда снова не мог причинить боль другим, потому что лишь тогда смогу прекратить желать Чарли во всех отношениях.

Я не смогу просто отпустить её, я уже пробовал. Моё желание и потребность в ней, физически и эмоционально – слишком сильные для меня. Когда дело доходит до неё – я бессилён и всегда таким был. Возможно, поэтому я не в силах защитить её, потому что я безнадежно влюблен в неё.

Стучат в дверь и я, как испуганный идиот, подпрыгиваю.

– Да.

– Это Шериф Ноэль.

– Выхожу.

Не буду снова носить эту одежду, даже обувь, поэтому мне нужно избавиться от неё. Я тяну душевую шторку и вырываю её из маленьких, пластиковых колец; некоторые из них со

стуком рассыпаются по ванной комнате. Я заворачиваю одежду в шелковистую ткань, оборачиваю вокруг талии полотенце и роюсь в обычной медицинской аптечке в поисках бинта и пластыря. Вырываю бинт из защитной упаковки, швырнув её через плечо, и начинаю зубами отрывать кусочки пластыря с рулона, приложив бинт к коже. Дрянная работа, но пока и так сойдет.

Схватив свёрток ненависти и насилия, направляюсь напрямик в свою комнату и быстро одеваюсь, натягивая джинсы и футболку. Оставляю мокрый свёрток в углу, планируя избавиться от него позже. Босиком спускаюсь по лестнице и иду на звук голосов за кухонным столом. Проходя мимо Ноны целую её в голову, глажу Дейви по плечу, прежде чем Чарли встает со своего места и бросается ко мне в объятия. Это усиливает боль в плече, но хуй с ним. Я бы без конца терпел боль, лишь бы обнимать ее и еще больше, лишь бы она *хотела* быть со мной.

– Всё в порядке, мы все в порядке и это главное.

Ну, не все из нас в порядке; некоторые мертвы и прекратили терзать наши жизни. Не могу сказать, что сожалею об этом; фактически, мне предает сил знать, что Грегори Барнс – едва ли не пыль в земле, а Пол скоро станет пищей для червей.

Она целует мою шею и, если бы мы были наедине, я бы затащил её в постель. Чертовски грязно, да, я знаю. Но я нуждаюсь в ней, мне нужна вся она. Вместо того чтобы быть благодарным, что нахожусь в окружении своих близких, я желаю, чтобы они просто оставили нас наедине, чтобы я мог ввести свой член глубоко в неё и наполнить её, забрать все плохие воспоминания, чтобы у неё было место только для воспоминаний обо мне, о нас. Вместо этого, с сильным желанием, я выпускаю ее из объятий и тепло целую, потому что все, наблюдая, а в случае Ноэля – осуждая, ждут нас.

Чарли смотрит в мои глаза, я вижу панику в их карих глубинах, и я бы хотел забрать всё это, но я даже не знаю с чего мне начать. Сначала нам нужно с этим разобраться. Затем мы сможем начать перестраивать нашу жизнь, и я начну с того, что сделаю её своей.

– Мне так жаль, – всхлипывает она. Я вытираю слезы на её лице, качая головой. Это не её вина; она не может винить себя за действия Пола. – Я не планировала, что это произойдет. Я даже не знаю, что случилось. Я ...

– Ты защищалась, я видел скальпель. – Ноэль дополняет её. – Он умер не от твоих рук и это то, что знает полиция.

Происходит что-то, чего я не знаю, что-то, что они скрывают от меня. Мне это не нравится. Она смотрит на Ноэля так, будто между ними есть что-то общее, будто она тихо благодарит его. Я хочу спросить, что за херня здесь происходит, но не смею, потому что он дает ей законное оправдание. Чарли не отсидит срок из-за произошедшего, у неё не будет судимости, она освободилась от Пола и его насилия, не расплачиваясь ценой собственной жизни. Как я могу спорить с этим, не смотря на то, что они не принимают меня во внимание и что-то скрывают? Как я могу быть столь эгоистичным, чтобы не отпустить всё это? Это кажется совершенно неправильным то, что у неё есть секреты с кем-то кроме меня и я ненавижу это больше, чем должен.

Я чертовски ненавижу это, но это её личное дело.

– Таким образом, она не предстанет перед судом?

– Нет. С моими показаниями и подробностями, будет достаточно ваших с Чарли и Ноной заявлений. Буду ждать всех вас утром в участке, чтобы вы сделали свои заявления, этим самым я смогу покончить с этим делом. Между тем, я нашел это, когда проводил

расследование по другому следствию у мистера Паркера. Я подумал, что ты, вероятно, захочешь чтобы это было у тебя, вместо того, чтобы оно попало в участок. Это не относится к моему расследованию, так что ...

Он толкает в ее сторону старую, повидавшую виды книжку. Она выглядит как несколько переплетенных вместе книг с вырезками, торчащими по краям. Чарли хватается её со стола и бережно держит, будто книга хрупкая, будто она защищает её. Это то - о чем она вопила, когда Пол выбросил все её вещи на мусорку. Эта книга хранит в себе нечто важное, до такой степени важное, что она скрыла её и внезапно я понимаю, что наверняка знаю, что это.

Я не знал, что она вела дневник; я думал, что она рассказывала мне все свои секреты. Хотя с другой стороны, ей же нужно было хранить их где-то, пока я сидел. Она пыталась делиться ими со мной, но я оттолкнул её, желая, чтобы она двигалась дальше. В любом случае её письма приходили в течение некоторого времени и, когда это прекратилось, я знал, что принял правильное решение. Во всяком случае, тогда я так думал. Теперь ... я смотрю на дневник в её руках, видя, как сильно она хотела забрать его у Пола и осознаю, что всё это было ложью. Она солгала ради моего душевного спокойствия. Я ненавижу это в большей степени.

Ноэль не просто оправдывает её или возвращает дневник: он даёт ей то, чего я хотел для неё с момента нашего знакомства - мир и свободу.

Я не должен ненавидеть это.

Чарли

Настоящее

Шериф Ноэль уже давно ушёл. Он знает обо мне больше, чем мне хочется, чем *ему* хочется. Я многое отняла у него сегодня: его героизм, честность и веру в то, что законодательство – непримиримо. Он дал нам дар в виде оправдания, и я схватила его, как голодное, дикое животное кусочек мяса. Он закрыл дело, дал нам свободу и правосудие, и за это я всегда буду перед ним в долгу. Не хочу быть снова перед кем-нибудь в долгу, но у меня не было другого выбора. Пол и отец, они всё отобрали у нас.

Теперь мы сидим за столом в тягостном молчании, помешивая чили¹¹, приготовленный Ноной. Мы сказали ей, что не нужно ничего готовить, мы не были голодны; она тоже прошла через тяжелое испытание и должна отдыхать. Но, полагаю, это её способ справиться с ситуацией. Все мы справляемся по-своему. Дейв впадает в апатию; он не сидит с нами. Он перед телевизором с мультиками и коробкой его любимых хлопьев. Хочу притвориться, что у нас был просто плохой день и двигаться дальше. Хочу, чтобы все мы вернулись к нормальной жизни, но больше всего на свете я хочу, чтобы Нейт смотрел на меня так, как раньше. Лишь доли секунды он смотрел на меня. Так, будто хотел наслаждаться каждой частичкой меня, и от этого я почувствовала трепет внизу живота. Теперь же - это мрак в глазах незнакомца, я подавливаю его глядящим на меня, будто он ищет кого-то или что-то, желая увидеть то, чего там нет, а затем возвращает свой взгляд на нетронутый чили. Он решил сидеть с другой стороны стола, вместо того, чтобы сидеть рядом со мной и пропускать мимо ушей мои попытки поговорить. Думаю, его способ справиться этим не так уж отличался от Дейва; игнорирование всех вокруг должно быть в их ДНК.

– Ты пойдешь завтра на работу, сынок? – спрашивает Нона, пытаясь разорвать тягостное напряжение.

Нейт смотрит на неё, а затем на меня, прежде чем снова вернуть свой взгляд к чили,

словно в нём содержатся все ответы, освобождающие его от всей драмы, которую я приношу.

– Поеду после дачи показаний, но лишь на некоторое время.

Ладно, что ж, он не всех игнорирует; только меня. Я принесла много опасности и горя ему, и его семье, и в довершение всего – многое скрываю от него. Хочу, чтобы он понял – я для его же блага не могла посвятить его в свой план. Мне повезло, что Шериф Ноэль понял, что меня привело к этому. Я никогда не прощу его за то, что он принял участие в лишении Нейта лет жизни и, что посадил его в тюрьму, но также я никогда не прощу себя. Шериф Ноэль распознал, что я отвлекла его несколькими истинами, в то время как я заманила Пола, сразу после того, как он получил мой звонок с просьбой о помощи. Я знала, что он догадался, что я что-то запланировала, как только он произнес слова: «Чарли, что ты делаешь?».

Впрочем, полагаю, мне повезло, что Пол не принес дневник, что шериф нашел его и прочел столько, сколько смог о том, что Пол сделал со мной. Я по-прежнему не уверена, почему он начал расследование в отношении Пола, но понимаю, что сегодня раскрыла перед ним многие уродливые кусочки своего пазла, а Шериф не идиот.

Всё это сработало бы без сучка и задоринки, если бы я могла держать себя в руках. Потеря контроля – не было частью моего плана.

Я не учла, что Пол бросит мне в лицо эпизод изнасилования и, как это повлияет на меня. Он обманул меня, швырнул в меня мое горе и вину, толкая меня обратно в прошлое, где я лишена контроля. Он отправил меня напрямик во тьму, пока я не потеряла из виду одного монстра и не заменила его другим. Если я не смогла убить одного, то, в конечном итоге, собиралась избавить нашу жизнь от другого.

Мой разум разрушен, душа плакала, потому что после всего, что он сделал со мной и Нейтом, забрал нашу невинность и наш свет – я струсила. Я хотела убить своего отца; хотела убить его, даже не смотря на то, что почти всю свою жизнь любила его, хоть это и было неправильно, пусть он и отобрал многое. Нона взяла этот грех на себя ради меня, когда я сидела, съездившись в углу своей комнаты, а в этот раз Шериф Ноэль убил ради меня – слишком много крови на моих руках, не смотря на их физическую чистоту.

Я планировала сделать это самостоятельно, освободить нашу жизнь от этого волка в овечьей шкуре, прежде чем он словит другого ничего не подозревающего слабака. Я хотела, чтобы это выглядело, как самооборона. Ну, так и было бы, потому что, как я и думала, Пол вышел из себя. Не имело значения, что он издевался надо мной, читая каждое жесткое слово со страниц, вырванных ним напрямик из моей головы. Но вместо того, чтобы выстрелить ему в грудь, я выстрелила ему в ногу и замерла. Он должен был принести мой дневник, но он был слишком умным и расчетливым, чтобы так поступить. На самом деле, издевательство надо мной и угрозы были больше похожи на его игру. Я бы выстрелила ему в грудь, если бы он не ринулся вперед, когда я отвлеклась и затерялась в своем повторяющемся кошмаре; я выстрелила в него прежде, чем он смог бы снова попасть в точку

Я была слишком потерянной и чувствительной, боролась со своими призраками; я даже не заметила, когда пришли Нона и Нейт. Я не могла вовлечь их в мой беспорядок, тайный кошмар или в мой план; я сделала это раньше, и это практически уничтожило их. Они только привели свою жизнь в норму, и я не могла разрушить её. Я не могла снова смотреть в их разбитые вдребезги души и знать, что я та, кто держал их под прицелом.

Но, как всегда, я потерпела неудачу, препятствуя пагубным событиям отравить их. Я думала, что справлюсь сама. Думала, что мои секреты могли остаться со мной, что я могла

уберечь близких от боли. Я не хочу продолжать приносить им вред своими демонами. Они мои и только мои. В очередной раз Нейт и Нона собираются солгать полиции ради меня, только в этот раз я отвечу за них и себя со своей разбитой гуманностью, которая может исцелиться лишь при виде крови. Никто в этом не виноват; ни папа, ни Пол, лишь я.

В этот раз я либо навсегда уйду, либо рассказываю им всё. *Показываю* им все и раскрываю свои темные мысли на их суд и приговор.

Знаю, что не могу выбрать первый вариант; но должна, ради них. Просто не могу. Поэтому в качестве альтернативы я встаю из-за стола, все ждут от меня действий, чувствую, как они в страхе сверлят меня глазами.

Они не доверяют мне, и я не виню их; я тоже не доверяю себе. Я сломленное создание. Что они не осознавали, так это то, что я была такой с тех пор, когда они встретили меня. Я направляюсь к пакету, в котором лежит моя сегодняшняя уничтоженная одежда и мой дневник голой правды и пустых грез. Мои пальцы сжимаются на твердой изношенной обложке, будто от неё зависит моя жизнь. Ну, так и есть; всё, что мне дорого, зависит от меня, позволяющей этим страницам в переплете идти, в прямом и переносном смысле.

Делая огромный вдох, нахожу мужество в моей любви и доверии к Нейту и Ноне. Несу свои секреты к столу и бросаю. От этого движения Нона подсакивает на своем месте, а я вздрагиваю от своего быстро бьющегося сердца. Смотрю на них обоих, когда она перестают глазеть на страницы моих секретов и поднимают взгляд на меня, их глаза выдают тревогу, которую они так старательно пытаются скрыть.

– Прочти его. Я хочу, чтобы ты знал. Не могу скрывать это от тебя, если хочу, чтобы у нас было будущее. Нона, ты можешь прочесть, если хочешь; не хочу скрываться от близких мне людей и единственный для меня способ двигаться дальше – перестать держаться за прошлое. Я больше не хочу прятаться; не хочу, чтобы у меня были секреты от тебя. Я планировала убить Пола сегодня. Знаю, у тебя была такая мысль и это правда. Я пригласила его войти и планировала застрелить. Но всё пошло не так, как я хотела, за исключением того, что он мертв. Я не та девочка, которую ты знал. Я виновна; я просто женщина у которой не было другого выхода. Я больше не хочу, чтобы люди, которых люблю сильнее всего, страдали или привлекались к суду.

Мой взор затуманился невыплаканными слезами, когда я судорожно вздохнула.

– Думаю мне тоже нужно немного мультиков, – признаюсь я и выхожу из комнаты, чтобы оставить их читать мои мысли, мои кошмары, мои безответные мольбы и скелеты; всё, что я скрывала от мира или пыталась выбросить из головы. Они собираются увидеть мою душу, а затем решить стою ли я этого.

Я вытираю беспричинные слезы со щек и глаз рукавом клетчатой рубашки Нейта, и обессилено плюхаюсь рядом с Дейви. Он не признает меня; он смотрит Багз Банни и как я ни стараюсь, у меня не получается забыться в нём так, как Дейви. Нона застаёт меня врасплох, целуя меня в голову из-за дивана. Она не могла прочесть дневник. Я находилась тут всего пару минут; на тех страницах годы моей жизни, годы греха, слез и даже моей собственной крови.

– Мне не нужно читать это, деточка, я понимаю, что ты чувствовала необходимость сделать то, что сделала. Я больше других понимаю это. Надеюсь, ты не будешь чувствовать себя одинокой снова, потому что мы здесь для тебя. Мы все твоя семья, не смотря ни на что.

Она снова целует меня и вытирает слезу с моей щеки.

– Теперь больше никаких слез. Тот парень любит тебя. Не важно, что ты написала на

тех страницах, Натан всегда любил и будет любить тебя. А теперь я собираюсь уложить Дейва спать. Ему, как и мне, нужно немного сна. Эти старые кости нуждаются в отдыхе.

– Хорошо.

Я ненавидела то, что заставила их скрыться в своих комнатах, пока мы с Нейтом налаживаем отношения. Ноне не понравится то, что я такое чувствую, но это не меняет тот факт, что это правда. Они любят меня, и я их люблю так сильно, что сделаю для них что угодно. Они – единственная семья, которая у меня есть и которую я когда-либо действительно знала и верила. Я задолжала им всем. Если бы я была достаточно сильной, я бы вернулась домой. Но я не настолько сильная. Не думаю, что смогу встретиться лицом к лицу с кровью и призракам под той крышей сегодня ночью; это будет завтрашняя грязная работа.

– Не будь слишком строга с ним; он придёт в себя.

– Я люблю его. Я буду ждать, и бороться за него, – обещаю я ей и себе.

Это обязывающая клятва, присутствовала в моей жизни с тех пор, как я узнала, что-то, что я чувствовала было любовью. Я чувствовала обязательство, которое высекала на моём сердце, удавкой связывающее меня с Нейтом. Если он отступит, петля затянется и убьёт меня. Нет никаких сомнений на счет этого; это жестокий факт. Нейт – единственный, кто большую часть жизни заставлял биться мое сердце. Без него всё разлетится в прах.

– Хорошая девочка. – Она хлопает меня по плечу и одаряет усталой улыбкой. – Пойдём, Дэвид. Пойдем спать.

Дейви ставит хлопья на журнальный столик и хлопает в ладоши.

– Почитаешь Джека?

– Да, сынок, я почитаю тебе Джека. – Нона проводит его к лестнице и вверх по ней, чтобы почитать ему «Дом, который построил Джек». Стихотворение, которое каждый из нас прочел бесчисленное количество раз, чтобы помочь Дейви успокоиться перед сном. Я наблюдаю, как они исчезают наверху, оставляя меня на диване в компании Багз Банни, пока Нейт не закончит читать и не примет решение о моём будущем – нашем будущем. Я хватаю коробку с хлопьями и роюсь в ней, чтобы достать парочку сладких хлопьев, засовывая их в рот.

Я съедаю почти четверть коробки хлопьев, не чувствуя вкуса ни одной. Я израсходовала бесчисленное количество бумажных салфеток, прежде чем почувствовала, как Нейт заходит в комнату и садится рядом со мной, с грозным вершителем судеб на его коленях. Он подобен взрывному устройству: ждущий, тикающий, дразнящий меня своим обратным отсчетом.

Он молча сидит, его тяжелое дыхание сгущает воздух. Чертов кролик, в фоновом режиме, раздражает меня. Я хватаю пульт и выключаю телевизор. Хочу, чтобы Нейт сказал что-нибудь.

– Ты всё прочел? – спрашиваю я, дрожащим от страха, голосом.

Он поворачивается ко мне; под его глазами залегли тени, и я вижу, что он плакал. Не могу сдержать свой собственный всхлип, даже не смотря на то, что я зажала свой рот. Что, если он не хочет, чтобы я прикасалась к нему? Что, если теперь я неприятна ему? Теперь он знает, что тем утром сделал со мной отец, что вспыхивает в моих ночных кошмарах каждую ночь. Теперь он знает о приемных родителях, которые были такими же, как отец, и теперь он знает, как плохо было с Полом. Он знает всё, что я пыталась скрыть от мира и своего сознания. Я тянусь, чтобы погладить его щеку и смущаюсь, но он хватает мою руку своими и целует её, прежде чем положить её на свою щеку и рухнуть в мои объятия. Мои слезы в

сравнении с его – ничто, словно он чувствует все и сразу, каждую частичку моей боли, предательства и многого другого.

– Мне так жаль. Очень, очень жаль. – Он продолжает бубнить мне в шею, его голос разбит так же, как и его сердце. Я знала, что читать это будет больно, но никогда не думала, что он будет так разбит.

– Это не твоя вина, – приговариваю я. – Это не твоя вина.

Не знаю, как долго это продолжается, но, когда он начинает целовать мою щеку, ощущаю глубочайшее желание в моём животе и груди. Заплаканная, ищу его уста, пробуя на вкус его соленые слёзы, стекающие по покрытому щетиной подбородку, пока не нахожу его теплый гостеприимный рот. Его язык сильный и нуждающийся; я хочу, чтобы он блуждал по всему моему телу, как его руки. Я хочу чувствовать его внутри себя больше, чем когда-либо. Он нужен мне.

Мой дневник падает на пол, когда он прижимает меня спиной к диванным подушкам. Моя рубашка задрана вверх, а через несколько секунд она исчезает, как и его. Наши тела соприкасаются именно так, как мне нужно было. Я никогда не чувствовала потребность, подобную этой; никогда не думала, что могу хотеть кого-то так же сильно, как будто от этого зависела моя жизнь.

Хватаюсь за его трусы, стягиваю их и беру его твердый член в свою руку, притягиваю его к себе, соблазняя его взять меня здесь и сейчас на диване, хранящем в себе столько истории. Он не может отказать мне, и я этому рада. Он тянет за штанину шорт, и его пальцы касаются моей плоти, легко и непринужденно скользят между складками, заставляя меня стонать. Я весьма громкая, так что другой рукой он прикрывает мне рот, чтобы я не оповещала Нону о том, какие мы неуважительные психи.

Прежде у нас никогда не было ограничений, всегда умели находить потайные места и крупицы счастья. Я умела быть тихой, а он знал, как любить меня и играть в мою игру. Мне, определенным образом, нравилось это; мой отец приучил меня к этому. Нейт прикасался бы ко мне, шептал на ушко, а я всегда бы приходила по его команде. Я поделилась секретом с Нейтом, никто другой не понял бы; нам нравилось это. Это признание, которое я сделала на тех страницах, чего я никогда не должна была делать. *Никогда. В жизни.* Он видел моё предательство, наш секрет, запечатленный чернилами на бумаге. Нейт и я научились любить шоу, которое отец снимал для себя и других психов. Мы научились наслаждаться, любить и желать то, чему он научил нас. Нам может быть никогда не нравилось делать это на публике или с режиссурой, но процесс – бесстыдные прикосновения, которые молодежь не должна знать или опыт, полученный на годы вперед – это то, от чего мы стали зависимы.

После того как Нейта забрали от меня, я страдала ломкой, полагаю, довольно похожей на наркотическую зависимость. Я дрожала и плакала, пока не засыпала. Жаждала его прикосновений и ощущения его, заполняющего меня внутри. Я пыталась удовлетворить себя и представить, что это был он, шепча его имя во тьме моей холодной постели. Я не могла испытать оргазм; без него я была пуста. Подобно вспышкам, в моей голове возникали образы тех, кому я желала смерти. Однако всё, что я на тот момент чувствовала – было лишь равнодушие и отстраненность, поэтому и не стремилась избавиться от них.

Теперь он вернулся. Он мой и хочет меня, не смотря на то, что я раскрыла наш секрет. Он хочет меня, не смотря на то, что я разбита, даже при том, что я хотела убить человека. Он хочет меня и это при том, что я была использована и изнасилована другими.

Нейт избавил меня от всего этого, побил, разбил и отправил этих демонов обратно в ад,

так что бы я смогла быть с ним впредь без образов этих темных, злых лиц. Нейт повел меня на край земли, где мне хотелось кричать. Я так боялась упасть с края земли, но затем он взял бы меня за руку, переплетая свои пальцы с моими, и сказал бы мне, что всё в порядке. Сердце kloкотало в моей груди, внизу живота чувствуется возбуждение, и моя киска сжимается при подготовке к финальному совместному прыжку.

– Сейчас, детка. Кончи для меня, сейчас, – рычит он в мое ухо. Я должна была дать знак – я крепко сжала его руку и подпрыгнула, свободно падая вместе с Нейтом, пока не достигли дна Вселенной. Мы падаем на мягкую, велюровую подстилку, окутанную потом и соками наших любовных игр. Мы лежим там, в атмосфере секса и нашего частого, тяжелого дыхания, пытаюсь привести наши мысли и тела в порядок для путешествия вверх по лестнице и приёма душа перед сном. Внезапно, мысль о сне манит меня, как сирена. Я так устала, морально и физически, и на ровном месте зеваю, как котенок при виде молока.

– Пошли, – хихикает он и нежно целует меня. – Давай уложим тебя в кровать.

– Сначала помой меня.

Ухмылка на его лице вопит о его мыслях, как если бы он произнес их вслух.

– Не тогда, когда через две двери находится Нона, – отчитываю его я и игриво хлопаю по груди.

Он вздыхает, а я жалею, что отказала. Я не имела права отказывать ему, после того, как он простила меня за всё, что я натворила.

– Прекрати. – Он сильно сживает мой подбородок, почти до боли. – Ты не должна заниматься со мной сексом лишь потому, что мне хочется. Я всегда хотел, чтобы ты принимала решение быть со мной, и я никогда не хотел забрать у тебя это право. Я *никогда* не сделаю этого.

Я так сильно прикусываю нижнюю губу, что чувствую привкус своей собственной крови. Только когда он отпускает мой подбородок и облизывает нижнюю губу, я отпускаю поврежденную плоть.

– У нас много работы впереди, ты и я ... - Его глаза смягчаются, когда он своим лбом прижимается к моему. – Но сейчас, я хочу лишь обнимать тебя и слушать твое миленькое, чуть слышное похрапывание. Завтра мы можем беспокоиться об остальном.

– Я не храплю, – игриво отвечаю я, игнорируя серьезность того, что будет утром.

Он хихикает, вибрация, исходящая из его груди, массирует мою.

– Детка, порой ты храпишь, как чертов паровоз.

Я ахаю и даю ему пощечину, извиваясь под ним, пытаюсь высвободиться.

– Дамы не храпят.

– Мне нечего на это ответить.

Не могу сдержать смех, предающий меня. Мне нравится наше подшучивание; я скучала по этому едва ли не сильнее, чем по сексу ... едва ли.

* * *

Ещё темно, когда я слышу звук шагов в комнате. В большинстве случаев это напугало бы меня, я поспешно бы вскочила с кровати в поисках безопасности и свободы от моего ночного кошмара. В этот раз я чувствую внутреннее спокойствие, которое никогда не знала ... или, возможно, просто никогда не помнила. Сомневаюсь, что чувствовала это с тех пор, как умерла мама. Разминая своё использованное тело на маленькой кровати Нейта, улыбаюсь в залитой лунным светом комнате.

– Куда ты идешь? – соблазнительно спрашиваю я, желая, чтобы он вернулся обратно ко мне.

Он замирает и тихо посмеивается перед тем, как не спеша пойти обратно ко мне, обхватывает с обеих сторон руками мою голову. Давление его веса отталкивает меня от него, когда всё чего я хочу – быть ближе, целовать и ласкать его рот. Я хочу заманить его обратно в постель, и чтобы он скользнул напрямик туда, где ему место.

Я чувствую его горячее дыхание, касающееся моей щеки. Меня бьёт дрожь, не смотря на то, что воздух теплый. – Тебе нужно выспаться. Я надеялся, ты не заметишь, что я ушел.

Моя улыбка исчезает, сменившись мгновенной болью в висках. Не то, чтобы у меня были проблемы с отказами, но это именно то, как я себя сейчас чувствую. Мне страшно, что он собирается уйти от меня, осознавая, что ему будет лучше без кого-то похожего на меня. Думаю, у меня всегда были такие страхи, еще с шести лет, когда я привела его в свой кошмар. Я всегда нуждалась в Нейте больше, чем он во мне, и это моё несчастье, мой разрушающий кошмар. Один кошмар сменяется другим.

Возможно, именно поэтому я сделала то, что сделала; я привела его во тьму, зная в глубине души, что ошибалась и всё потому, что не хотела потерять его. Я никогда не давала ему право выбора; заманила его в ловушку чувством вины, секретами и сексом, а теперь он видел мою хитрость.

Он наклоняется, целует и слизывает слезы, стекающие в ушную раковину, его глубокое дыхание шумно отдается эхом.

– Пойдем со мной.

Я вздрагиваю и начинаю реветь, обвивая руками его шею. Он подтягивает меня вверх по жесткой ткани его джинсов.

– Шшш, не плачь. Это был просто дурной сон, помнишь? Ты здесь, в безопасности со мной в моей старой кровати, как тебе нравится.

Я качаю головой ему в шею и целую в щеку, прежде чем отстраняюсь от него ровно на столько, чтобы увидеть его глаза, сияющие в тусклом свете.

– Он не вернется сегодня ночью.

Нейт утирает мои слезы и великолепно улыбается.

– Нет? Но ты каждую ночь видела кошмары.

– Знаю, знаю.

– Это потрясающе ... почему тогда ты плачешь?

Я снова качаю головой. Не хочу признавать свой новообретенный стыд. Не хочу, чтобы он видел, какую колоссальную ошибку он совершает, оставаясь со мной и рискуя всем ради нашей любви.

Пф. Нашей любви? Что за чертова шутка. Я поймала прекрасную птицу, приручила её, научила любить меня и фактически разрушила её сущность.

Я освободилась от своих пленителей, таким образом, я могла быть с Нейтом в покое, лишь для того, чтобы осознать, что я была его захватчиком.

– Нейт, ты можешь идти без меня. Ты был прав; мне нужно немного поспать, прежде чем я пойду в полицейский участок, чтобы сделать заявление. Больше не хочу удерживать тебя, не тогда, когда на карту поставлена твоя компания. Тебе нужно заботиться о делах и перестать беспокоиться обо мне.

Он усмехается.

– Чарли, я всегда буду беспокоиться о тебе, а на счет моей компании – у меня

великолепный бригадир, который в большинстве случаев может взять управление в свои руки. Я лишь собирался с утра съездить туда, так что у меня будет остальная часть дня, чтобы провести время с тобой.

Он убирал волосы от моих щек и ушей. Мне было глубоко наплевать на мои волосы. Я лишь хотела изгнать новую осведомленность из своих мыслей, таким образом, я не должна была делать то, что следовало, для его же блага.

Это должно было причинить ему боль в ближайшее время и, вероятно, убить меня навсегда.

– Нейт ...

– Я не приму отказа. Давай же.

Моё тело хочет этого, оно движется само по себе даже не смотря на то, что я знаю, он нуждается в том, чтобы я оттолкнула его или осталась в этой кровати, пока его грузовик не исчезнет за поворотом. Не думаю, что смогу сделать это когда-то еще, если не прямо сейчас.

– Чарли, для меня на самом деле много будет значить, чтобы ты увидела, насколько я изменился. Всё, что я делал, я делал потому, что хотел быть лучшим мужчиной, потому что ты заслуживаешь самого лучшего. Я был на грани отчаяния, когда потерял тебя и должен был с боем прокладывать дорогу, чтобы снова стать тем, кто я есть, кем я мог бы гордиться, кем ты можешь гордиться.

Если до этого я не достаточно сильно плакала, то сейчас я рыдала. Не знаю, сколько еще боли я могла причинить этому мужчине. Я собиралась уехать из города, чтобы он мог двигаться дальше, но не думаю, что могу сделать это.

– Я не заслуживаю тебя.

– О чем ты говоришь?

Его тело стало жестким; я перегнула палку и, полагаю, он понял, что я задумала.

– Ты – моё всё. И не смей думать иначе, Чарли. Не смей думать, что это не так.

– Я заманила тебя и приучила так думать. *У тебя никогда не было выбора.*

Я прижата к его содрогающейся груди, окутана его сильными руками.

– Ты – мой единственный шанс на счастье. Думал, мы решили этот вопрос. Я выбрал тебя; я люблю тебя. Неважно, что кто-то свел нас вместе. Мы определенно должны были быть вместе с того момента как ты выскочила из грузовика в своём красном платье, а не когда кто-то диктовал нам это. *Я выбрал* тебя, Чарли Барнс.

Он практически больно притягивает моё лицо к своему, целуя мои заплаканные глаза, мои влажные щеки, мой рот, везде.

Я хочу целовать его вечно, лихорадочно, жадно, нежно и неторопливо в течение всей моей жизни. Я бы сказала ему, если бы он дал мне возможность, но он продолжал сжимать меня, как будто я могла выскользнуть из его рук. Теперь моя ошибка налицо; я гораздо больше убивала его, не показывая ему, что вечно принадлежала ему. Никому другому – ни папе, ни приемным родителям, ни Полу. Я принадлежала Натану Шоу, всегда и навсегда.

В конце концов, Нейт прекращает свой поцелуйный променад и снова сжимает моё тело, сдерживая меня от эгоистичного бегства.

– Я хотела бы увидеть, чего ты достиг, я всегда гордилась тобой. Никогда не забывай об этом.

Мой рот заполнен его языком, и я уступаю ему, желая, чтобы это никогда не заканчивалось, чтобы все исчезло и были только мы. Земное божье творенье может закрыть нас и оставить прямо здесь, в этой спальне, где мы о многом для нас мечтали, когда не

могли рассчитывать ни на что, кроме грёз. В конце концов, видеть, что Нейт добивался своего, что он счастливее со мной в своей новой жизни – уносило прочь так много темного чувства вины, давящего на меня изнутри, душащего своим ядом. Нейт взломал мою темницу, клетку, в которой я сама себя заперла, и на мгновение я была ослеплена стаей птиц, которых всегда представляла уродливыми, черными воронами – теперь, когда нахожусь под их светом, я вижу правду. Я пленила прекрасных белых голубей, хрупких и невинных, но теперь они свободны.

Он не дает мне и секунды для пересмотра решения или раскаяния; он стягивает меня с кровати, одевает меня в свои спортивные штаны и футболку. Я хихикаю, как дитя, пока он одевает меня и затем завязывает одежду в узлы, чтобы лучше сидело. Я, наверное, выгляжу, как бездомная. Мои волосы в диком беспорядке с выпавшаяся-и-трахнутая видом, но, не смотря на мой протест, он продолжает утверждать, что я прекрасна и практически закидывает меня в грузовик. Когда мы в двух кварталах от дома, я опускаю солнцезащитный щиток и ахаю.

– Иисусе!

– Он ничего общего с этим не имеет.

Я смотрю на Нейта, а затем смеюсь над искрами в его глазах и огромной ухмылкой на его лице.

– Ты можешь думать, что я красивая, но уверяю тебя, мне нужен душ и одежда, которая на самом деле подходит мне, прежде чем я вылезу из этого грузовика.

Солнце быстро поднималось, заставляя меня щуриться, пока Нейт продолжал улыбаться лучезарной улыбкой и игнорировать мою участь. Очевидно, я не собиралась побеждать. Я собиралась застрять в этой ужасной огромной одежде, пока не откроется Бостонский универмаг. Мне нужно было приобрести новую одежду; я больше не могла носить свою детскую одежду.

– Хорошо, – продолжаю я, так как он игнорирует меня. – Продолжай в том же духе, но ты отвезешь меня в Бостонский универмаг, как только он откроется.

Он хихикает, а я борюсь со своей улыбкой. Не хочу показывать ему, как сильно он влияет на меня. Он слишком хорошо обо всём знает, но я отказываюсь демонстрировать это.

– Конечно. Возьмем пару вещей сейчас, а через пару дней постараемся попасть в город, чтобы ты могла обновить весь гардероб.

И тогда я вспоминаю, что мои счета заморожены; мне снова нужно идти в банк. *Дерьмо.* Это означало, что я увижу Моли, её осуждающий взгляд и презрительный язык. К обеду она осудит меня перед всем населением Бивер-Дэма, включая Нейта.

– Нейт, не злись.

Мгновенно широкая улыбка исчезла с его лица, он смотрит на меня, возвращает своё внимание обратно на дорогу и снова на меня, прежде чем остановиться на обочине.

– Не могу представить себе, чтобы когда-либо был зол на тебя, но я ненавижу это предложение.

Я кривлюсь и извиняюсь.

– Я не сказала тебе раньше, потому что боялась за тебя...

– Продолжай.

– В тот день, когда ты пришел, а я красила – я узнала, что Пол заморозил наши счета. У меня нет денег до тех пор, пока я не схожу в банк и, возможно, пока не встречу с адвокатом. О, Боже, мне придется обратиться к адвокату. У нас есть счета, кредиты на авто,

счета на оплату. Мне нужно выяснить, что делать с этим всем теперь, когда его нет. Наша аренда ...

– Успокойся. Сделай вдох, Чарли.

Нейт снимает ремень безопасности и садится рядом со мной прежде, чем я следую его инструкциям. Я чувствую тепло его рук, когда они охватывают моё лицо. Всё, что я могу делать, чтобы не исчезнуть в суматохе предстоящих дел – думать о том, какие теплые у него руки.

– Сегодня ничего не нужно делать. Я помогу тебе пройти через всё это.

Я знаю, мой мозг это знает, но я не могу остановить нарастающую панику. Что скажут люди? Что скажет его адвокат? Оставил ли Пол завещание? Рассказал ли он кому-то мои секреты, наши секреты?

Внезапно губы Нейта сталкиваются с моими, его рот приоткрыт, а язык вторгается в мой рот. Хотя я и шокирована, моё тело знает, чего хочет, и Нейт всегда был на первом месте в том списке желаний. Мой рот, руки и тело сами по себе голодно уходят с головой в него, упиваясь страстью, которую Нейт преподносит мне. Это было быстро и несправедливо, что он лишал меня большего, но когда его рот перестает ласкать меня, а мои веки, дрожа, поднимаются, чтобы посмотреть в его красивые зеленые глаза, я отчетливо вижу.

– Ты со мной сейчас?

Всё, что я могу сделать – кивнуть.

– Что мне с тобой делать, а? Когда же до тебя дойдет, что ты не одна в этой ситуации?

Я улыбаюсь и глажу его руки, всё еще лежащие на моём лице, когда он продолжает.

– Я больше не хочу, чтобы ты справлялась со всем в одиночку так же, как и не хочу продолжать свою жизнь в одиночестве.

– Не хочу, чтобы ты бросил меня.

Лицо Нейта искажает гримаса, и он сжимает моё.

– Ты всё еще не поняла. Я. Никогда. В. Жизни. Не. Брошу. Тебя! Никогда.

– Это ты сейчас так говоришь.

Его лоб прислоняется к моему, глаза темнеют, а я разрываюсь между желанием узнать, что он собирается сказать и потребностью снова ощутить его губы на моих.

– Я буду говорить это всегда. Пока есть дыхание жизни в моём теле, я всегда буду твоим.

– Я не достойна такого храброго мужчины, как ты. Ты не скрываешь свои грехи и борешься ожесточеннее, тогда как я скрываю свои, топлю, душу и хороню их так глубоко, что в конечном итоге теряю себя на этом пути.

Его губы единожды ласкают мои, я вздыхаю, когда он останавливается.

– Я всегда найду тебя.

Я чувствую, как тепло в моем сердце простирается к моей растущей улыбке. Он – мой герой, и он принадлежит мне.

Нейт

Настоящее

Кармен прислала кое-какую основную одежду из своего Бостонского универмага. Она уже услышала, что произошло с Чарли, и была рада доставить её в офис.

Шериф Ноэль кажется другим человеком; как будто у него больше не было огромной, неуместной глубоко засевшей обиды на меня и Чарли. Я никоим образом не оправдываю его.

Нет, это всё была Чарли. Она называет меня своим героем, но она так ошибается. Она сейчас, и всегда была сильной – героем. Я не назову её «героиней», потому что это слово не передаст в полной мере того, что должно, это звучит так, как если бы я отнес ее к разряду закадычных друзей, тогда как на самом деле она таковой не являлась. Она никогда бы так не думала. Чарли считает, что она слабая, но опять же – ошибается. Она выжила и упорно боролась со всеми напастями, вплоть до того, пока у нее не было другого выхода, кроме как рассказать Ноэлю всё, что разоблачило бы её и жизнь, которую она так усердно пыталась скрыть. Она показала ему отвратительные видео, которые я хотел и надеялся, что сжег вместе с тем гаражом. Большой придурок хранил их, чтобы пересматривать снова и снова. Чарли бросила свою свободу на растерзание парню, который мог бы бросить её обратно нам в лица, так как он сделал в прошлом. Она героически пожертвовала всем, в надежде, что могла бы закончить для всех нас этот кошмар.

Да, Чарли – мой герой, и однажды я скажу ей до какой степени она герой для меня, но пока что она не готова услышать это.

Я отобрал бригаду, готовую помочь убрать дом; не могу позволить, чтобы она возвращалась в жилище, измазанное кровью и историей. Мне доставили огромное количество краски, и я запланировал косметический ремонт. Конечно же, я должен согласовать это с ней, но я хочу сделать ей сюрприз. Кроме того, я знаю, что она согласится.

Такое чувство, будто сегодня была гонка на время, и я проигрываю. Я смотрю на часы в тридцатый раз за двадцать минут.

– Натан, мы сделаем сегодня столько, сколько сможем; не думаю, что она ждет чуда.

Коннор хлопывает меня по плечу и, не смотря на то, что он имеет благие намерения, мне хочется ударить его. Он не понял; Чарли *заслуживает* чуда.

– Я знаю, но я хочу чуда. Мне нужно лишь убедиться, что она все еще занята организацией дел с банком и адвокатом.

Я мог бы убить Пола за то, что выбросил её без денег. В действительности, я мог бы ударить его и за меньшее. Полагаю, именно поэтому она скрыла это от меня.

– Когда она закончит, привези её домой для сюрприза.

– Не знаю, пойдет ли она со мной, она ...

Коннор увиливает; он хочет что-то сказать, но слишком нервничает. Я, вероятно, не хочу слышать, а он говорить мне. Полагаю, на самом деле, я не виню его; мы проводили время в месте, где я был другим человеком. Но, когда дело касалось Чарли, я может и не был таким; возможно, я был просто безжалостным.

– Коннор, выкладывай.

– Я провел достаточно времени с жертвами, чтобы знать, когда они готовы снова доверять. Твоя девушка, словно зверек, с которым плохо обращались, пока еще не готова доверять незнакомцам. Старик, её глаза говорят столько ужасающих истин. Это разбивает моё сердце.

Не могу поверить, что он сравнивает её с собачонкой. Хотя, давным-давно, Коннор был ветеринаром, так что я понимаю. На самом деле, я рад, что он говорил об этом, а не об ужасной истории его жизни. Он потерял свою жену и дочь во время незаконного проникновения в дом. В одну ночь они отобрали всё дорогое, что было в его жизни и, после того, как он отследил и убил этих чудовищ, сидел со мной в одной камере. Я бы поступил точно так же.

Я знаю всё это; он рассказал мне несколько лет назад. Мой разум все еще подводит

меня, когда я думаю об этом. Я просто не готов пойти туда с Чарли в голове; моё сердце не готово встретить всё то, через что Чарли уже прошла.

– Коннор, я попробую убедить её доверять тебе. Она некоторое время будет в офисе, и не то, чтобы тебе пришлось везти её через весь штат; лишь через город.

– Ты когда-нибудь возил дикую кошку в машине?

– Ты можешь перестать проводить аналогии с животными? Ты меня пугаешь.

– Я не знаю другого способа. Я лучше нахожу общий язык с животными, чем с людьми. Я смеюсь, потому что это смешно и правдиво.

– Ты хорошо ладишь со мной.

– Ты – самое крупное животное из всех.

Он возмущенно поднимает руки вверх. На несколько секунд мы оба замираем, прежде чем взорваться от смеха.

Джейк выходит из рабочего вагончика, удивленно подняв брови.

– Бригада ждет снаружи дома. Таннер и я собрались ехать. Хочешь, чтобы мы начали без тебя?

Я бы хотел, чтобы они начали, но я никогда не попрошу их чистить кровь, не измарав свои руки первым.

– Нет. Я буду через минуту. Скажи им, чтобы подождали меня, – я оглядываюсь на Коннора, – она будет в порядке; просто не относись к ней, как к одичавшей кошке, либо она может подумать, что *ты* сумасшедший. Теперь, я собираюсь попрощаться с ней. Ладно, жди моего звонка.

– Конечно, босс.

– Я тебе говорил не называть меня так, – кричу я через плечо, пока бегу через пыльный двор в офис.

– Без проблем, босс.

Иисусе, в тот день, когда он действительно назовет меня Натаном, я, вероятно, упаду в обморок. Я в три шага подхожу к офису и открываю дверь. Должно быть, я напугал Чарли, потому что она подпрыгнула на месте и уронила телефон.

– О Боже, подождите, я выронила телефон, – кричит она в пол, одаряя меня уничижительным взглядом. Я хихикаю, чувствуя себя немного плохо за то, что напугал её. – Мистер Миллард, вы еще здесь?

Я беру свою рацию и целую её в лоб.

– Мистер Миллард, не могли бы вы подождать секунду? Спасибо. – Она хмурится на меня, а затем неодобрительно смотрит на рацию в моей руке. – Куда ты собрался?

– Я должен выполнить одно поручение, которое может занять час, возможно немного больше. Если тебе что-нибудь понадобится – Коннор работает во дворе; он хороший парень, он присмотрит за тобой. Я ненадолго, обещаю.

Она кивает.

– В любом случае, у меня есть пара невыполненных дел.

Я целую её, а затем секунду наблюдаю, как она возвращается к телефонному разговору, прежде чем уйти и направиться к грузовику.

Да, мы собираемся сделать это. Я интуитивно чувствую это.

Всю дорогу по городу, всё, о чем я могу думать – её лицо, когда она войдет в дом и увидит, выкрашенные до потолка стены. Когда я подъезжаю к дому, вижу три наших грузовика и группу ребят, стоящих с Ноной и Дейви на лужайке перед домом. Я выскакиваю.

полный энтузиазма начать работу. Это не только для Чарли, это и для меня тоже. Если это будет наш дом, нам нужно удостовериться, что мы стерли прошлое с его фундамента.

Я целую Нону в щеку во второй раз за это утро; я видел её на обратном пути из полицейского участка. Всё это сказывается на ней. Ненавижу это.

– Тебе нужно немного отдохнуть. Возвращайся в дом с Дейви.

– Тебе нужна женская рука и помощь Ноны.

Она легонько хлопает меня по щеке, от чего я улыбаюсь.

– Как на счет того, что ты мне позволишь убрать весь беспорядок, а потом я позову тебя? Я действительно не хочу, чтобы ты без надобности снова видела всё то. Тем более Дейви.

Она поглядывает на моего брата, который оживленно болтает с Джейком, Майлзом и Бобби.

– Ты прав. Мы с Дейви пойдем, сделаем печенье и чай со льдом для вас, мальчики.

– Хорошо. Сделай с имбирем, они мне больше всего нравятся.

В этот раз она чмокает меня в щеку и кивает.

– Я знаю, сынок.

Нона забирает Дейви в дом и, как только, дверь-ширма закрывается, я хлопаю в ладоши.

– Ну, парни, давайте сделаем это. Я уберу кровь. Вы можете начинать красить стены в других комнатах.

– Мы готовы, босс, – кричит Майлз.

– Отлично. Давайте покончим с этим, до того, как она вернется, и в сотый раз повторяю, прекрати называть меня боссом.

Слышен шепот и несколько одобрительных возгласов, когда мы заходим в дом, пока не оказываемся в гостиной; в этот момент все стихают. В комнате пахнет затхлостью и все еще стоит резкий запах железа; это запах смерти, который все мы обоняем и осязаем.

Всё-таки я не первый, кто двигается; это один из парней – Джейк, он ступает вперед и хватает пылезащитный чехол, окрашенный в красно-коричневый цвет. Он тянет его по полу, скручивает и засовывает в большой полиэтиленовый мешок, тогда как остальные, молча, наблюдают. Когда он завязывает мешок и проходит мимо меня, я следую за ним и наблюдаю, как он бросает мешок на лужайку. Он поворачивается ко мне с пустыми руками и, внезапно, я чувствую облегчение. Он не должен был делать это. Я не планировал, что кто-либо из них будет иметь дело со смертью, но он повел себя, как друг, а не просто работник.

Протягиваю руку Джейку, и он пожимает её. Я его должник.

Мы оба возвращаемся обратно в дом, я хватаю ведро и направляюсь к раковине. Раннее я сказал им, что для них слишком опасно фактически убирать кровь, даже в перчатках, так что мне нужно участвовать в этом, пока они работают вокруг меня.

Ребята включили какую-то рок-музыку, пульсирующую в воздухе, заполняя пустоту. Их энергичные голоса доказывают, что им нравится песня, в особенности, когда Майлз, кричит, исполняя соло.

Я пытаюсь подпевать и игнорировать действительность того, что я отмывал сорок минут, освежая ведро мыльной воды, после ведра мыльной воды. Однако кровь и запах, обильно впитались в пол. Ребята уже прогрунтовали стены этой комнаты, столовой и кухни, когда я решил, что мне нужно размять спину и прогуляться по дому.

Не осознаю, что делаю, пока не дохожу до комнаты, в которую не должен входить. В углу комнаты видна дыра в полу там, где откинут ковер и сняты половицы. Мои ноги

медленно ведут меня туда; я двигаюсь как зомби от страха, что могу найти что-то всё еще находящееся там. Вот где Чарли нашла видео и пистолет, и поскольку она рассказала Ноэлю то же самое, полагаю, он уничтожил какие-либо другие доказательства.

Я стою перед ней, моя голова опускается, когда всматриваюсь в дыру, которая в течение многих лет хранила наши прошлые секреты. На самом деле я не ожидал что-либо найти; я думал, Ноэль всё заберет. Я ошибался.

Опускаясь на колени, опускаю руку в темную дыру; здесь холоднее, будто в другом измерении или, возможно, пропитано грехом. Мои пальцы сжимаются вокруг гладкой фоторамки, и я освобождаю её из темницы. Мне нужно вытереть небольшое количество пыли со стекла, прежде чем я пойму на что смотрю. На ней красивая женщина, на первый взгляд показавшаяся мне Чарли, только это не так. Чарли была ребенком на руках своей матери, такая милая, защищенная и невинная.

Она бы хотела это фото. Я откладываю его в сторону и вновь запускаю руку в дыру за последним элементом – старой банкой из-под печенья. Не понимаю, почему это всё еще здесь. Разве они не закончили здесь?

Я боюсь открывать её. Боюсь, что то, что я найду внутри, отберет всё у меня. Я падаю с колен на задницу и пытаюсь уgomонить свои трясущиеся пальцы, но они все равно дрожат. Я зачищаю шов жестянки и после приложения небольшой силы она хлопает, звук теряется в громкой мелодии ударных одного из рок-медляков. Моё дыхание колеблется так же, как и трясутся руки, когда я достаю прядь мягких волос Чарли. Я держу её, как хрупкую птицу, прежде чем положить обратно в банку. Затем достаю фото меня с ней, спящих в её кровати, и заставляю себя не разбить его. Её отец, должно быть, пришел и сделал его, пока мы спали.

Было ли это однократно?

Какая, блядь, нелепая мысль.

Ярость во мне становится столь сильной, что я потею, когда тянусь за следующей вещью – ключ. Он маленький, и всё же, в психосоматическом смысле, самая тяжелая вещь, которую я когда-либо держал в руке. Как это возможно, что такой маленький кусок гладкого металла, который даже не уникально вырезан и мог соответствовать, по крайней мере, трети сейфов населения, казался таким значительным.

Знаю – это не ключ, это то, что он символизирует – больше тайн, больше горя, больше кошмаров о нас, скрытых от нас. Не могу позволить, чтобы кто-то нашел его; не могу позволить *ей* найти его. Мне нужно найти это, пока не стало слишком поздно.

Я сам не свой, когда выбрасываю вещи из шкафа, стучу по его стенкам, желая знать была ли у него тайная комната ужасов, где он спрятал бы свой сейф и другие компрометирующие вещи. Затем подошел к кровати, разрываю матрац пополам – ничего. Я вылетаю из комнаты и из дому, направляясь к грузовику. Я не видел, что ребята прекратили делать то, что делали. Не заметил, что кто-то выключил магнитола. Я схватил кувалду с прицепа, понес в его комнату и начал свои поиски в половицах. Он спрятал одну коробку под досками, почему бы еще одну не спрятать там же, верно?

Я ударял и ударял, рушил и разбивал насквозь его пол, пока от него практически ничего не осталось, и затем я направился к вентиляционным каналам. Это место было и всегда будет ядом для нас; теперь я это вижу. Лучшее, что я мог бы сделать – разбить его вдребезги. Я мог бы разрушить весь этот дом и, думаю, она бы простила меня. Я мог бы снести его и построить ей дом мечты, который мы рисовали в своем воображении под нашим деревом. У нас могла быть эта мечта, если бы мы разрушили эту оболочку страхов и демонов.

Не знаю, что двигало мной. Нет, это ложь. Я знаю, что заставило меня начать заносить молот на все, что было в поле моего зрения. Я собирался разрушить это место и вместе с этим, дать нам надлежащий новый старт. Она будет гордиться и любить меня за это. Наконец-то я могу быть ее героем.

У меня болит грудь и плечи, за считанные минуты я насквозь промокаю, когда чувствую слишком туго затянутый жгут вокруг всего моего тела, мне тяжело дышать.

– Босс, остановись. Ты должен успокоиться, прежде чем навредишь себе.

Почему они останавливают меня? Они не хотят, чтобы я был счастлив и сделал счастливой её? Я не позволю им помешать мне дать ей мир. Я борюсь с захватом на мне, с обездвиживанием, направленным против её счастья. Я усердно борюсь до тех пор, пока не падаю на пол, а шум криков и ругани не заполняет мои уши вместе с приливом крови, стучащей в моём связанном теле.

- Босс, ты должен остановиться! – не знаю, кто умоляет меня. Я от всех слышу слова. Я начинаю отходить от багровой ярости и опустошения от того, что не могу сделать для женщины, которую люблю. Для того чтобы вернуть меня к реальности и сознанию, необходимо четыре здоровенных мужчины, которые в свое время видели больше боев, чем большинство. Как только я перестаю бороться – они ослабевают хватку, вскоре вес начинает подниматься и становится легче дышать. До того момента, пока не вижу ущерб, который я нанес комнате.

Это место никогда не отпустит нас. Мы должны отпустить его.

– Ребята, позвоните Коннору, скажите ему, чтобы он привез сюда Чарли. Майлз, иди за Дамбо.

Я собираюсь навсегда освободить нас.

Чарли

Настоящее

Похороны Пола будет через два дня. Нейт и Шериф Ноэль считают, что все организационные работы я должна оставить для государства, потому как большего он не заслуживает, но я не могла так поступить. Если бы у него была семья, я бы предоставила это им, но у него её не было. Пол, как и я, был одинок; он вырос без любви, поэтому никогда не понимал, как правильно это делать. Я не говорю это в оправдание ему, но я понимаю это. Похороны являются своеобразным завершением нашей истории. Как для Пола, так и для меня.

Мой банковский счет снова активен и у меня больше средств благодаря вложениям Пола. Я понятия не имела об этом, пока мистер Миллард не рассказал мне. Всё, что когда-то принадлежало Полу, перешло ко мне. Теперь у меня в запасе было достаточно средств, я могла купить новый дом, создать новый из стен, который не хранили кровавую историю, как мой. Я так взволнована этим, что, в самом деле, начала поиск в интернете недвижимости в отдельных районах, когда дверь снова распахнулась.

– Боже, Нейт. Прекрати ... — Это не Натан.

– Простите, мэ. Я не хотел напугать вас. Я - Коннор. Натан должен был рассказать обо мне, верно?

– Он рассказал, просто вы меня застали врасплох.

– Сожалею. Натан хочет, чтобы я привез вас к дому.

План был не таким.

– Я думала, что он сам собирался приехать и забрать меня.

– Не хотите ли вы позвонить ему? Не хочу, чтобы вы себя некомфортно чувствовали.

Теперь я чувствую себя ужасно, хуже, чем ужасно. Эти ребята приехали сюда, чтобы начать жизнь с нуля, где их не судят за прошлые ошибки. Они упорно работают над созданием новой жизни, так что другие посмотрят на них, как на людей, которыми они являются сейчас, а не на тех, кем они однажды были в момент слабости или сложившихся обстоятельств. Все мы, в некотором роде, жертвы обстоятельств. Я могла быть одной из них, убей я Пола, как планировала.

Нейт бы разочаровался во мне, если бы знал, до какой степени я восприняла, как само собой разумеющееся, то, что мы пережили.

– Тогда поехали, Коннор, – говорю я, улыбаясь, чтобы попытаться снять созданное мной напряжение. – Не хотелось бы заставлять мужчину ждать, не так ли?

Коннор с облегчением вздыхает, но могу сказать, что ему не слишком комфортно со мной, и я не виню его; я – потенциальный риск. Я не была стабильным членом общества, которому люди могли доверять. Полагаю, я получаю по заслугам.

Я выхожу из офиса следом за ним, шурясь от солнечного света, с каждым шагом поднимаю оранжевую пыль в воздух. Сегодня был бы замечательный день для купания в озере, как мы делали, когда были детьми. Если честно я не могу дождаться, чтобы заниматься какими-то обычными делами с Нейтом. Мы были окружены таким количеством драмы, что нам не помешало бы немного нормальности в наших отношениях. Если подумать ... наши отношения никогда не соответствовали нормам. Всегда была какая-то тьма, омрачающая нас, тревожащая наше будущее. Впервые в моей жизни, я думаю и чувствую, будто мы свободны для любви в пыли наших грез.

Коннор открывает для меня дверь грузовика, я благодарю его, прежде чем сесть в машину и наблюдаю, как идет к водительскому месту. Сколько бы я ни старалась, обстановка все еще чувствуется некомфортной, и я думаю, на самом деле, она могла бы быть нормальной. В действительности это волнительно чувствовать все эти обычные чувства и радоваться им. Я чувствую себя новорожденной в мире, готовом для начала моей жизни, и я люблю это.

Единственный способ, которым я смогу миновать неприятное чувство, которое испытывают незнакомые люди – больше не быть незнакомыми. Впервые, я откроюсь для знакомства с человеком, чтобы узнать, что произошло с ним на пройденном этапе, к чему я готовила себя все эти годы, работая медсестрой.

– Коннор, скажи мне, если я буду навязчивой, потому что я не слишком хороша в этом, ладно?

Он заводит грузовик и смотрит на меня добрыми глазами.

– Я тоже.

Ха, похоже на то.

– У меня есть навыки общения с бывшими заключенными.

Я ахнула сразу после того, как слова вырвались из моего рта.

– Прошу прощения. Это было так бестактно с моей стороны.

Коннор смеется, качая головой.

– Не парься. Ты молодец.

Я слишком напугана сейчас, мой рот и мозг не взаимодействуют, и я порчу весь этот «разговор, знакомство с кем-то».

– Слушай, Чарли. Я могу тебя так называть?

Я киваю.

Его улыбка становится шире, и он кивает, прежде чем включить первую передачу и медленно выезжать со двора.

– Дело в том, что я вижу бывшего заключенного в тебе, так что меня не удивляет, что тебе трудно завязать разговор.

– Я зэк?

– Я имею в виду, что на протяжении очень долгого времени, ты была в некотором роде пленницей. Мы все показываем черты характера, подобные неоновым огням. Раньше я думал о тебе, как о раненом животном, и не сомневаюсь, что так и было. Но теперь, когда ты свободна от своего, извини за прямоту, *насильника*, – меня передергивает от этого слова, а он занимает себя вождением автомобиля, когда продолжает, и я внимательно его слушаю.

– Теперь ты свободна от этого. Дело в том, что травмированное животное будет пугливым, никому не будет доверять, и не исключено, что набросится. Думаю, ты была очень близка к этому. Но теперь ты находишься на этапе освобожденного из тюрьмы.

Между нами повисает многозначительная тишина, когда я обдумываю информацию, которой со мной делится Коннор. Такое чувство, что он троюродный дядя или кто-то в этом роде, пытающийся передать свои годы мудрости. Это честь, и я внимательно прислушиваюсь, потому что есть нечто проникающее глубоко в мою душу и побуждающее её открыться.

– Бывший зэк никогда по-настоящему не успокоится по поводу случившегося – из-за чего он попал в тюрьму, а потом времени, потраченного там, но оказавшись на свободе, он или она учится и наслаждается малым в жизни, чего они однажды были лишены. Нормальность становится самым драгоценным товаром для жизни. К сожалению, с этой свободой появляются мелочи, которые мешают нам вливаться и вести нормальный разговор.

Он подмигивает и улыбается.

– Не все из нас так хорошо выходят; эти заморочки мешают двигаться дальше по жизни, и люди принимаются за старые привычки, Чарли. Я вижу, что ты прошла через большее, чем многие вместе взятые, но ты – боец, Натан – боец и вместе, я знаю, вы пройдете через это, если не перестанете пытаться стать нормальными.

Не знаю, когда это произошло, но в уголке моей улыбки собираются слезы, соленость попадает в мой рот, оповещая меня о том, что я плачу. Я смахиваю слезы со щек с самым теплым чувством внутри по отношению к Коннору, к Нейту и моему будущему, построенному на стремлении добиться нормальной жизни.

– Коннор, когда мы остановимся, я собираюсь обнять тебя.

Он, улыбаясь, смотрит на меня.

– Замечательно, но не бери это в привычку или о нас, вероятно, пойдут слухи.

– Но это нормально. Разве мы не стремимся к нормальности?

Мы оба хихикаем и, как ни странно, в последние несколько минут поездки начинаем перекидываться парой фраз вплоть до того момента, пока не огибаем угол и не видим три грузовика и один большой, чудовищный подъемный кран, выглядящий, как машина с жутким шаром, свисающим с длинной стрелы. Жирным, ярким, желтым шрифтом, чуть выше «Строительная компания Шоу», от руки написано слово Дамбо.

– О. Мой. Бог! – Выдыхаю я.

– Твою ж мать.

Коннор замедляется, пока мы усваиваем информацию, которую видят наши глаза.

– Чарли, я упоминал, что бывшие зэки также могут принимать скоропалительные решения в пользу наихудшего?

– Не думаю.

– Дай Натану шанс объясниться.

Он подъезжает к обочине, позади последнего грузовика. Я подготавливаю свое тело, чтобы мчаться и искать Нейта, просить его объяснить, что по его мнению, он делает, но моё тело не слушается. Я соскальзываю с сидения и даже не закрываю дверь, поскольку бреду и глазею на машину, которая, не сомневаюсь, здесь для того, чтобы снести мой рукотворный ад.

Нейт бросается ко мне, пока я зачарованно смотрю на желтый шар, болтающийся на тросе с крюком.

– Детка, знаю, это шокирует, но думаю, тебе понравится то, что я запланировал.

– Сделай это, – на автомате произношу я. Не думаю о причинах или последствиях. Я лишь хочу видеть, как рушатся эти белые с шелушащейся краской стены.

– Что?

– Сделай это. Уничтожь его, раз и навсегда. Дай нам окончательную свободу, которую мы заслуживаем.

Нейт хватает меня за щеки и несколько раз целует мои губы, нос и все лицо.

– Я собираюсь построить нам новый дом, дом о котором мы мечтали, и мы наполним его любовью, детьми и внуками.

Я наконец-то отрываю взгляд от желтого шара и смотрю в его глаза, искрящиеся от радости и любви ко мне. Я самая счастливая женщина в мире.

– Нейт, женишься на мне?

– Не проси меня об этом. Только не это! Не под шаром для сноса зданий.

Его глаза широко распахнуты и перепуганы.

Я знаю, что он любит меня больше всего на свете; он хочет от меня детей, мои недостатки и мое нелепое понятие нормальности. Так почему же он не хочет, чтобы я просила его жениться на мне?

– Чарли, – прислоняется он своим лбом к моему, – я хотел сделать тебе предложение. Я планировал сделать это под нашим деревом, в то время как мы смотрели на наш новый дом, в котором мы встретили бы наши годы вечности вместе.

– Что ж, я не хотел ждать. Мы собираемся снести последние стены, которые стояли между нами и нашими мечтами. Это кажется поэтичным – снести одну жизнь и сразу начать основание другой.

Он молчит мгновение, а затем его губы сталкиваются с моими. В такие моменты с ним, я вовлекаюсь в дикий поток любви, которую он всегда демонстрирует посредством поцелуев. Его поцелуи никогда не были простыми; они всегда были такими ...ну, противоположными простым. Он хочет быть простым мужчиной, но он никогда не будем таким для меня. Я горжусь тем, каким он стал мужчиной, человеком, которым он всегда был и я буду горда, быть его женой.

Единственная причина, по которой мы покидаем прелесть нашей страсти – свист, доносящийся с лужайки перед домом.

Сжимая в кулаках его рубашку, пытаюсь сдерживать моё колотящееся сердце и прерывистое дыхание.

– Так ... ты женишься на мне?

– Я, блядь, женюсь на тебе прямо под этим опасным шаром, если это то, чего ты хочешь, но я бы очень хотел, чтобы мы могли пожениться под нашим деревом.

– Значит да?

– Да, черт возьми! Я женюсь на тебе.

Я подпрыгиваю вверх-вниз и визжу под возгласы и аплодисменты.

– Но проясним ситуацию, лишь потому, что ты сделала предложение – не означает, что ты мужчина.

Я прыгаю в его объятия и жадно целую, игнорируя улюлюканье вокруг нас.

– Ты всегда будешь мужчиной.

После объятий, похлопываний по спине, кучи добрых пожеланий и советов, шар со скоростью и угрозой, одним налетом, разносит ад моего детства на три части.

Нейт говорит, что мы нарушим множество законов, но все мы закрываем на это глаза. Мои руины и дом Ноны – единственные на улице участка, вокруг которых есть земля. Если на нас составили жалобу, её должно быть составили злобные женщины.

Нейт крепко обнимает меня одной рукой, когда Коннор подает рукой сигналы тому, кто управляет шаром для сноса. Он снова поднимается высоко вверх, и немного сместившись в сторону, по другому сигналу руки падает и разносит другую часть дома, как будто он был тортом с взбитыми сливками и фруктами. Осталось не так много; наша старая жизнь – лишь несколько балок и развалины. Чувствую определенную грусть, которую я не ожидала, и определенно не понимаю, но когда Нейт поворачивает меня, и я зарываюсь лицом в его шею – чувствую дрожь в его груди и осознаю, что он тоже чувствует это.

Много зла произошло в этих стенах, но в то же время здесь было разделено также и множество драгоценных моментов. Это была наша жизнь, хорошая и плохая, и мы говорим ей окончательное «прощай». Вместе мы встречаем конец одной главы, который никогда не думали, что сможем и собираемся встретить новую, свежую и полную обещаний.

Я не вижу, как заносится шар и как падает оставшаяся часть дома. Можно подумать, что нужно было это, верно? Нет, я не могла встретиться с заключительным действием нашего прощания. Я борюсь с притяжением рук Нейта, заставляющим меня смотреть на последний обвал. Он не понимает; мне не нужно видеть это. Ведь, мысленно, мой дом никогда не был там. Он всегда был в его объятиях и вот где я прямо сейчас хочу быть.

На это раз удар кажется мягче, по многим причинам менее сильный, чем первый. Однако последний, когда я кричу в рубашку Нейта, как обиженный ребенок. Я больше не огорчена, не потеряна и не опечалена. Я просто рада, что все болезненное в моей жизни только что было похоронено в своей собственной пыли.

Нейт, целуя меня в висок, гладит мои волосы.

– Всё кончено, – шепчет он в мои волосы. Он подразумевает то же, что и я; ад, под воздействием которого мы были, разрушен, снос дома окончательно высвободил нас.

Теперь мы начинаем сначала. Мы восстановим нашу жизнь, создав семью, для которой были рождены, и с теми, с кем разделяем мечты.

Чарли

7 месяцев спустя

Ветви деревьев сегодня особенно яркие и насыщенные, как будто бы шепчут в мягком бризе. Я смотрю на старый, высеченный на стволе, текст, с разливающимся в животе теплом. Мы делимся огромным количеством любви под этим деревом, это достойно, делиться ней с нашими близкими в этот знаменательный день.

– Нейт, теперь я свободна от этого бремени; я дико рычу, как ты всегда и хотел. Ты освободил меня, так что я смогла выбрать своё будущее – я возвращаюсь в Неверлэнд, чтобы быть с тобой. Натан Шоу, я выбираю тебя.

Его руки такие теплые, слегка влажные в моих, и когда он тянется за кольцом, переливающимся в солнечном свете в руках Дейви, я делаю успокоительный вдох; этого недостаточно, и я сомневаюсь, что когда-либо будет достаточно рядом с человеком, которого я люблю. Я совершенно по другой причине дрожу от прикосновения холодного металла, когда Нейт надевает кольцо на мой безымянный палец, где оно останется навсегда. Я должна была смотреть на мерцание золота, однако это его глаза привлекают мое внимание. Они ярко-зеленые, одурманенные и сияющие обещанием любить лишь меня. На самом деле он никогда не говорил эти слова. Я чувствую их, когда он подобным образом смотрит на меня ... всегда чувствовала.

– Чарли, ты всегда была моим сиянием и теплом. Ты – каждое из моих чудес, даже когда ты была не со мной, я чувствовал твою любовь, ведущую меня обратно к тебе. Ты – биение моего сердца и вера в моей душе, мой герой, Чарли. Я всегда буду выбирать тебя.

– Властью, данной мне ... – слова Отца Петерсона не достигли наших ушей, так как уста Нейта рьяно сталкиваются с моими, прежде чем Отец смог закончить свою проповедь. Теперь мы женаты; это наш первый поцелуй в качестве мужа и жены. Это ощущается ... также, и это совершенно нормально, потому что я сомневаюсь, что могла бы любить его еще больше, в браке или нет. У Нейта всегда было мое сердце; он спас его, исцелил, заполнил его и освободил, чтобы я могла вернуться к нему, если выберу его. Он освободил меня подобно миссис Фишер, которая заботилась о спасенном животном. Я не была преданна ему, ничего не должна была ему; я любила его. Нам всегда было предназначено быть вместе, всегда и навсегда.

* * *

День прошел в тумане блаженства и восхищения, все благодаря двум людям в моей жизни. Нет, не так. Теперь моя жизнь была наполнена многими людьми, которыми я дорожила. Я приняла растущую компанию мужчин, которые оказались бывшими заключенными, как семью; они в большей степени были моей семьей, чем та, в которой я родилась. Мы были одной большой семьей, в особенности, когда ты дополняешь их семьи. Теперь они разделяют мое счастье на заднем дворе моего нового дома, который мы все строили, мою будущую надежду и подарок, которым я собираюсь одарить своего мужа.

Я встаю и стучу по бокалу, к которому я едва ли прикоснулась, сделав выбор в пользу сладкого чая и льда. Эта весна была особенно теплой и абсолютно незабываемой. Все взоры устремлены на меня, но мне дороги лишь глаза моего молодого мужа.

Все произнесли речь о нашем будущем, и теперь пришла моя очередь.

– Я хочу сказать спасибо всем, кто сделал возможным для нас с Нейтом начать нашу новую жизнь в этом прекрасном доме, который все вы помогли построить. Знаю, вы думали, что закончили, но надеюсь, вы готовы покрасить детскую и, возможно, построить здесь игровой домик.

Множество невыразительных лиц с широкими улыбками, уставилось на меня.

– Я люблю всех вас! – Затем поднимаю бокал и подношу его к губам.

– Подожди! – Мой бокал исчезает, Нейт вырывает его из моих рук, а я смеюсь.

– Ты беременна? – Радостные возгласы, крики и смех наполняют воздух. Мне никогда не будет достаточно этого звука. Не в этой жизни.

– Ага.

Он хмурится, но я вижу ту огромную ухмылку, которую я ни с чем не спутаю. Он выпивает содержимое моего бокала и ставит его на стол, прежде чем обрушить свои губы на мои. Я чувствую привкус шампанского на его губах, и мне это нравится.

– Вот и всё что ты получишь, никакого алкоголя.

Он чмокает меня в смеющиеся губы, прежде чем упасть на колени, прижаться руками к моим бедрам и целовать мой живот.

– Какой срок?

– Всего семь недель.

– Эй, там, – напевает Нейт.

– У неё еще нет ушей, Нейт.

– Откуда ты знаешь, что это – она?

– Я не знаю.

– Что ж, я думаю, это – он.

Я ворчу и поглаживаю голову Нейта, когда он прижимается ухом к моему животу.

Я слышу, как кричит Нона – счастливо вперемешку со слезами. Её каблуки и трава – не друзья, поэтому со стороны это выглядит так, будто она, пританцовывая, идет к нам, держа Дейви за руку. Когда она добирается ко мне – очень крепко обнимает своими тощими руками. Я так сильно люблю эту женщину, она мой наставник и моя Нона.

Из-за слез она не может сформулировать слова, так что я снова обнимаю её.

– Ты станешь пра-Ноной, и мне нужна будет твоя помощь, чтобы пройти через всё это, – шепчу ей на ушко. Она шмыгает носом и делает глубокий вдох прежде, чем посмотреть на меня, держа ладонями мои щеки.

– Детка, ты будешь замечательной матерью, и я собираюсь быть рядом с тобой, когда бы тебе ни понадобилась, а прямо сейчас тебе нужны витаминизированные напитки Ноны. Я собираюсь пойти и сделать тебе один.

Она чмокает меня в уголок рта и уходит прежде, чем я могу её остановить. Она хватает Дейви и танцует обратно через двор к своему дому, отчего я до боли в щеках улыбаюсь.

– Ты осознаешь, что только что заварила кашу, верно? – хихикает Нейт. – Она собирается любить тебя и заботиться о тебе, пока ты не сойдешь с ума.

Я смеюсь и целую его в подбородок.

– Думаю, я смогла бы выдержать, чтобы со мной немного понянчились. Между работой в приюте и компании, возможно, мне понадобится няня или две.

– Я не хочу, чтобы ты перетруждалась. Знаю, ты любишь приют и всех животных. Я понимаю, что это полезно и умиротворяет тебя, так что я не прошу тебя бросить это. Тем не

менее, может тебе стоит взять отпуск в компании: я могу нанять кого-то. Расширение в чикагском офисе проходит гладко; ты заслуживаешь отдых.

Я вижу, что он беспокоится за меня и ребенка, но я не разбита. Пока я могу, хочу жить нормальной жизнью. Когда наступит время для перемен: я сделаю это.

– Нейт, верь мне, когда я говорю «доверься мне». Я скажу тебе, когда мне понадобится отдых, ладно?

Я провожу рукой по его гладко выбритым щекам, пока его руки лежат с обеих сторон моего живота и нашего ребенка.

– Я люблю тебя.

Он целует меня, и я могла растаять прямиком на его губы, не могу дождаться, когда отнесет меня в постель.

– Я всегда буду любить тебя, – обещаю я.

Я вижу, как приближается Коннор и улыбаюсь. Он был очень добр ко мне, помогая мне перейти от статуса бывшей заключенной к свободной Чарли, которой я стала. Он говорит, что работа над этим еще не завершена. Я лишь надеюсь, что буду хорошей мамой и женой. Я хочу оправдать их веру и любовь ко мне: всех их, не только Нейта. Не хочу разочаровывать их, после всего того, что они сделали для меня, но я все еще боюсь, что у меня не получится. Возможно, это то, что никогда не изменится.

Теперь мы с Нейтом ждем ребенка. Он будет нуждаться, чтобы я не провалилась. Он будет нуждаться в этом от меня больше, чем кто-либо другой, и я полностью готова дать нашему ребенку всё, что у меня есть. Но будет ли когда-либо этого достаточно?

Коннор, гордо улыбаясь, закидывает руку на плечо Нейта. Нейт улыбается, но держит руку на моем животе, будто защищает его от всего мира. Коннор стал больше походить на члена нашей семьи, чем кто-либо из них, я дорожу им и знаю, он будет любящей частью жизни нашего ребенка.

– Поздравляю, – говорит Коннор, чмокая меня в щеку и хлопая Нейта по плечу, как это делают мужчины. – Уже есть ставки на то, кем будет маленький босс: мальчиком или девочкой?

– Не называй ... На самом деле, мне нравится это, – говорит Нейт. – Хочу, чтобы Маленький Босс было уменьшительным именем, до тех пор, пока он не родится, – огромная ухмылка появилась на лице Нейта, уверена, она будет держаться там вечно. Это самая сексуальная ухмылка во всей Вселенной.

– Это девочка, – протестую я. – Я живу в окружении мужчин в мужском бизнесе; мне нужно немного девчачьего времени.

Коннор сильно смеется.

– Я прослежу, чтобы вы оба сделали ставки. Отлично отпразднуем рождение первенца.

– Что скажешь, Коннор? – спрашивает Нейт серьезным тоном, который он использует, когда строит из себя босса, и я шлепаю его по плечу.

– Да, Коннор. – передразниваю, пытаюсь сохранить серьезное выражение лица.

Коннор поднимает руки вверх.

– Нет, нет, нет. Я – Швейцария. Я дождусь, когда станет известен пол Маленького Босса, будет он носить розовое платье с оборками или наденет каску «Shaw»; этого малыша будут холить и лелеять многие, потому что его родители сделали больше, чем кто-либо другой – вы, ребята, освободили нас от внутренней тюрьмы и дали нам возможность выбора. Я выбираю всегда любить Маленького Босса, мальчика или девочку, потому что я

люблю вас, ребята.

Боже, мы прошли путь от такой маленькой любви к любви астрономической, это едва ли не чересчур. Я оглядываюсь и вижу множество лиц, утвердительно кивающих, слушая речь Коннора. Это никогда не было тем, что я могла представить себе, когда Нейт рассказал мне о своем деле, никогда в жизни. И тем не менее, мы окружены людьми обстоятельств, которые выбрали новую жизнь.

Возможно, окруженная всей этой любовью, я не потерплю неудачу.

Нейт крепко держит меня, и я чувствую полную победу, которую мы, в конце концов, одержали, поборов мрак светом любви, которым окружили себя. Нейт, Маленький Босс и я никогда не канем во тьме, в которой я однажды чуть не утонула, пока мы разделяем нашу постоянно-растущую любовь с нуждающимися быть принесенными в свет нашей любви.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[←1]

"Упаковщики из Грин-Бей" Команда американского футбола из г. Грин-Бей, шт. Висконсин, входящая в Национальную футбольную лигу

[←2]

зоопарки, в которых животные вольно гуляют по территории, а посетители ездят на машинах и наблюдают за ними.

[←3]

1 ярд=0.914 м

[←4]

Христофóр - святой мученик, почитаемый Католической и Православной церквями, живший в III веке

[←5]

полнометражная версия мультсериала «Ох уж эти детки» об их приключениях в лесу.

[←6]

крупнейшая организация, осуществляющая междугородние автобусные перевозки.

[←7]

сосиска в тесте.

[←8]

сеть супермаркетов в США.

[←9]

Ирландская популярная танцевальная шоу-труппа.

[←10]

Один-ноль в её пользу.

[←11]

мясо в остром соусе с красным перцем и фасолью